

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Я З Ы К О З Н А Н И Я

В О П Р О С Ы
Я З Ы К О З Н А Н И Я

2

МАРТ — АПРЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1954

СО Д Е Р Ж А Н И Е

О лингвистическом высшем образовании и подготовке научных кадров по языкознанию	3
И. К. Белодед (Киев). Влияние воссоединения Украины с Россией на развитие украинского литературного языка	23
С. Б. Бернштейн (Москва). Основные задачи, методы и принципы «Сравнительной грамматики славянских языков»	49

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ю. С. Сорокин (Ленинград). К вопросу об основных понятиях стилистики	68
Ж. Д. Доскараев (Алма-Ата). Некоторые вопросы диалектологии и истории казахского языка	83

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Р. С. Газизов (Казань). Из практики работы над составлением русско-татарского словаря	93
З. Б. Мухамедова (Ашхабад). Из наблюдений над составлением русско-туркменского словаря	97

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

А. А. Касаткин (Ленинград). О языке политической агитации. Дискуссия на страницах журнала «Ринашита» (Италия)	101

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Б. В. Горнунг (Москва). <i>Вл. Георгиев</i> . Проблемы мивойского языка	107
Н. И. Фельдман (Москва). <i>А. В. Федоров</i> . Введение в теорию перевода	117
А. Ф. Ефремов (Саратов). <i>А. И. Ефимов</i> . Язык сатиры Салтыкова-Щедрина	128
К. В. Горшкова (Москва). <i>Chr. S. Stang</i> . La langue du livre «Учение и хитрость ратнаго строения пѣхотныхъ людей. 1647».	134
В. Л. Воронцова и А. И. Сумкина (Москва). О новых книгах по культуре речи	141

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Т. И. Бухене и И. И. Палионис (Вильнюс). Первая печатная грамматика литовского языка (К трехсотлетию издания грамматики Д. Клейна)	147

Редколлегия:

С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев (отв. секретарь редакции),
 Р. А. Будагов, В. В. Виноградов (главный редактор), А. И. Ефимов,
 Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев (зам. главного редактора),
 В. М. Филиппова, А. С. Чижова, Н. Ю. Шведова.

Адрес редакции: Москва, ул. Куйбышева, 8. Тел. Б 1-75-42.

Т-01785 Подписано к печати 12. III 1954 г.	Тираж 14.000 экз. Заказ 29	
Формат бумаги 70×108 1/16	Бум. л. 4 ³ / ₄	Печ. л. 13,02 Уч.-изд. 15,6

2-я тип. Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10.

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ И ПОДГОТОВКЕ НАУЧНЫХ КАДРОВ ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Советская наука принадлежит к числу тех мощных сил, которые активно помогают строительству новой жизни, строительству коммунизма. Велики и ответственны, как никогда, задачи, стоящие перед деятелями нашей науки. Непрерывный рост материальных и духовных потребностей советского общества, уверенно идущего к коммунизму, предъявляет к советским ученым большие и строгие требования. Эти все возрастающие требования к науке содействуют осознанию, углублению и расширению научной проблематики, непосредственно связанной с общественной практикой, с насущными интересами народа, с развитием его культуры. В свете этих требований иногда наглядно и ярко обнаруживается несоответствие между современным состоянием науки и ее актуальными, неотложными задачами. Осуществление тех грандиозных задач, которые должна разрешить наука нашей великой социалистической страны, возможно лишь в том случае, если кадры советских научных работников будут непрерывно пополняться притоком новых, свежих, творческих сил, если будет хорошо организована подготовка молодых ученых.

Подготовка квалифицированных кадров языковедов, творчески овладевших богатым научным наследством, свободных от влияния «нового учения» о языке, марксистски мыслящих, способных развивать дальше советское языкознание, — одна из основных сторон деятельности научных лингвистических учреждений и высших филологических учебных заведений нашей страны. И. В. Сталин говорил, что передовой является та наука, «...которая не дает своим старым и признанным руководителям самодовольно замыкаться в скорлупу жрецов науки, в скорлупу монополистов науки, которая понимает смысл, значение, всеислие союза старых работников науки с молодыми работниками науки, которая добровольно и охотно открывает все двери науки молодым силам нашей страны и дает им возможность завоевать вершины науки, которая признает, что будущность принадлежит молодежи от науки»¹. Воспитание научных кадров языковедов является важной составной частью строительства марксистской языковедческой науки.

Задачи, выдвинутые перед советским языкознанием развитием социалистических наций и марксистской теорией языка, а также марксистской теорией исторического процесса, — не те, что стояли перед лингвистикой вчерашнего дня: они не сравнимы с ними ни по своим масштабам и сложности, ни по своему внутреннему содержанию и конечным целям, ни по комплексности проблем, требующих для своего решения широкой осведомленности в разных областях общественных наук.

Насколько же современная подготовка языковедов в высшей школе удовлетворяет требованиям жизни? Ведь «...высшее образование в нашей стране при всем его огромном размахе развивалось неравномерно... Факты говорят

¹ Речь тов. Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г., Госполитиздат, 1938, стр. 3—4.

о том, что планирование подготовки кадров как для целых отраслей народного хозяйства, так и по отдельным специальностям осуществлялось без достаточного изучения складывающихся потребностей и учета перспектив»². Лингвистические кадры готовятся во всех университетах нашей страны, во всех педагогических институтах и во всех институтах иностранных языков. Окончивший высшую школу языковед должен не только владеть значительной суммой знаний в сфере избранной им лингвистической специальности, но и уметь самостоятельно и критически мыслить в области своей науки. Научное лингвистическое знание системно и систематично. Оно связано воедино историческими и логическими нитями причин и следствий, отражающими как развитие языковедческой науки, так и ее современное сложное состояние. Вместе с тем лингвистическая наука должна быть представлена преподавателем и воспринята студентом в живой конкретности, а не в отвлеченных «стержневых моментах»³, по крайней мере, применительно к основной области специализации учащегося.

Высшее образование, в том числе и лингвистическое, не должно быть многопредметно, энциклопедично. Чем оно будет энциклопедичней, тем поверхностней окажется изучение каждой отдельной языковедческой дисциплины. Дробность предметов изучения несовместима с глубиной освоения основной специальности, ее научной базы. Общим недостатком в деле высшего образования, по признанию самого Министерства культуры СССР, является «...множественность и дробность профилей, по которым ведется подготовка специалистов»⁴. Широкий научный профиль языковеда-специалиста складывается и достигается путем основательного изучения «базовых дисциплин». «Научное творческое воображение,— справедливо писал проф. Н. Митропольский,—стимулируется глубоким и вдумчивым изучением той или иной дисциплины. Когда Ньютона спросили, как он пришел к своим великим открытиям, он отвечал: „Я просто много думал над этим“». Еще Гераклит говорил, что „многознание ума не научает“, а ведь „научение ума“ и является задачей высшей школы»⁵. Об этом по-неволе приходится говорить при постановке проблемы языковедческого образования. Ведь до сих пор нет полной ясности в решении вопроса, на чем должен быть сделан основной упор в университетском языковедческом образовании — на изложении в стройной, логически связанной системе возможно большего количества фактов и специфических особенностей истории и современного состояния изучаемых языков или же на привитии студенту навыков самостоятельного исследования языка, на закреплении в уме студента необходимых лингвистических понятий, определений, категорий. Очевидно, необходим разумный синтез всех этих задач.

Проф. В. Столетов в статье «Некоторые вопросы работы высшей школы» выдвинул правильный тезис о необходимости гармонического соответствия общего образования с глубоким и широким знанием своей специальности: «При всей необходимости дифференциации науки и в связи с этим специализации высшего образования процесс этот наряду с положительными сторонами может иметь и отрицательные стороны и последствия. Узкая специализация, при отсутствии общего образования, порождает привычку к одностороннему рассмотрению явлений. Она не разви-

² П. Пономаренко, О расширении и улучшении подготовки специалистов для сельского хозяйства, «Правда» 26 XII 53.

³ См. А. Предводителей, Воспитание молодых ученых-физиков, «Советская культура» 3 IX 53.

⁴ «Правда» 26 XII 53.

⁵ Н. Митропольский, Будущим специалистам — глубокие и прочные знания, «Советская культура» 17 XI 53.

вает умения... рассматривать вещи и явления всесторонне, в их взаимосвязи и взаимодействии. А односторонность таит в себе опасность заблуждений»⁶.

Хотя при настоящем состоянии лингвистики исследование даже отдельного конкретного языка расслоилось и разделилось на целый ряд дисциплин и теперь трудно найти языковеда, который чувствовал бы себя одинаково сведущим и сильным во всех областях избранной специальности, тем не менее университетская подготовка лингвиста должна охватывать все стороны того или иного языка в их связи и взаимодействии, а также в закономерностях их исторического развития. Этого требует марксистская теория языка, марксистское понимание законов его развития. Без глубокого освоения основных начал марксистского языкознания невозможно изучать и понимать систему живого языка во всей ее структурной полноте и исторической значительности. Поэтому-то курс «Введения в языкознание» должен дать толчок творческой инициативе студента в изучении того или иного конкретного языка, направить его внимание и интерес к установлению живых связей между разными элементами грамматического строя и словарного состава родного или чужого, осваиваемого языка. Следовательно, этот курс не должен быть отягощен изложением теорий о происхождении языка, рассуждениями о месте языкознания в системе общественных наук, сведениями о всех существующих и существовавших классификациях языков и т. д. Все эти вопросы, наряду с целым рядом других важных проблем общего языкознания (например, о языке и мышлении, о специфических приемах описательного и исторического, а также историко-сравнительного изучения языка, о марксистском понимании взаимодействия разных сторон системы языка в ее развитии, о внутренних законах развития языка и т. п.), должны быть систематически изложены в более позднем курсе «Общего языкознания», обобщающем и углубляющем методологическую подготовку студента, приобретенную на базе конкретно-исторического изучения того или иного языка.

Всестороннее знание и научное понимание изучаемого языка и законов его исторического развития в связи с историей народа и в общих соотношениях с историей близкородственных языков, умение самостоятельно разобраться в основных вопросах соответствующей отрасли языкознания, творческое овладение марксистской методологией, а также специальными приемами и техникой лингвистического исследования — вот ядро университетского языковедческого образования. Вместе с тем студент должен научиться самостоятельному чтению лингвистической литературы, умению осмыслить и группировать те новые факты, которые он будет приобретать путем самообразования и собственных наблюдений. Расширение теоретического и конкретно-исторического кругозора студентов-языковедов не может не сопровождаться развитием у них углубленного понимания изучаемого языка, его структуры, его национальных особенностей, его отношения к ближайшим родственным языкам. Все это создает твердую базу как для практической реализации приобретенных языковедческих знаний в той или иной сфере общественной деятельности (педагогической, переводческой, литературно-критической и т. п.), так и для дальнейших самостоятельных исследований в кругу избранной специальности.

Следует иметь в виду, что одна из основных задач современного университетского образования — подготовка высококвалифицированных преподавателей средней школы. Окончивший университет преподаватель должен быть теоретически подготовленным лингвистом, хорошо знающим не

⁶ «Большевик», М., 1951, № 23, стр. 24.

только основной предмет своей специальности, тот или иной язык в его истории и современном состоянии, но и историю филологической науки, свободно ориентирующимся в смежных лингвистических дисциплинах. В этом — одно из отличий университетского образования от образования, даваемого педагогическими институтами: эти институты должны готовить главным образом квалифицированных специалистов по изучению современного состояния языков, по нормативной стилистике этих языков, по всему кругу проблем, относящихся к культуре речи.

Большую роль в языковедческой подготовке студента играет практическое изучение иностранного языка, для большинства наших студентов, для которых русский язык является или родным, или «вторым родным» языком, — одного из западноевропейских языков: английского, немецкого, французского, испанского, итальянского. Филологическое изучение иностранного языка является превосходным средством осознания качественных своеобразий отдельного языка, его национальной специфики. Для языковеда-исследователя необходимо творческое отношение к языку, который он специально изучает, умение «создавать новые контексты, тонко понимая их смысл», «отличать возможные контексты от невозможных»⁷. Само собой разумеется, что это требование или, вернее, пожелание непосредственно обращено к преподавателю, поскольку от качеств преподавателя зависит очень многое в степени и характере языковедческой подготовки его учеников. Естественно, что изучение мертвых языков не дает такого простора для творческого использования языка, для тончайших наблюдений над смысловыми нюансами выражений и конструкций; но зато там особенно остро сказывается огромная роль историко-филологических и сравнительно-исторических приемов исследования языка.

Научное и творческое отношение к языку прививается студентам глубокими и самостоятельными, т. е. свободными от шаблона лекциями, но плодотворнее всего оно развивается и закрепляется на умело организованных практических занятиях. Признание огромной образовательной роли практических занятий стало общим местом методики обучения языку (или изучения языка). «Усвоение правил и законов языка возможно лишь в строгой системе, причем совершенно недостаточно словесное знание и понимание законов языка. Как и во всех науках, действительно глубокие знания и теоретическое обобщение должны строиться на наблюдениях над фактами, путем сравнения фактов, их сопоставления. Все это предполагает не только теоретическую часть курса, но и практическую часть...»⁸ Поточная система лекций должна быть подчинена групповой форме занятий, как наиболее в педагогическом отношении продуктивной и эффективной для овладения языком.

Методика практических занятий по основным языковедческим дисциплинам у нас мало разработана. Тут во многом приходится полагаться на мастерство руководителя. Мастеров неизмеримо меньше, чем рядовых работников, но мастерство приобретает: оно всегда — плод высокого уровня языковедческой культуры ученого. Языковедческая культура должна прививаться студенту-филологу с первых дней его пребывания в вузе. Разделение по специальностям — литературоведческой и языковедческой — нужно проводить уже со II курса, чтобы не загружать студентов-языковедов слушанием большого числа лекций по литературоведческим дисциплинам. Повышение уровня языковедческой подготовки в высшей школе

⁷ Л. В. Щербя, Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики, М.—Л., Изд-во АПН РСФСР, 1947, стр. 74.

⁸ И. Устинов и И. Василенко, Несколько замечаний о подготовке учителей русского языка, «Учит. газета» 28 XI 53.

требует углубления самостоятельной работы студентов. Специальные семинарии по общим и частным вопросам языкознания должны стать подлинной научно-творческой лабораторией, школой лингвистического мастерства, средством развития исследовательской активности студента. Но для этого нужно разгрузить учебный план, предоставить студенту больше свободного времени для самостоятельной работы. Между тем все громче раздаются жалобы: «У студентов остается очень мало свободного времени для чтения обязательной литературы, для чтения художественных произведений и совсем не остается времени для обсуждения и запоминания прочитанного. С утра и до вечера студент слушает и записывает. Ему некогда по-настоящему перечитать, исправить, дополнить свои записи. Как правило, лекции, записанные студентами, выучиваются перед экзаменами, и этим, по существу, заканчивается подготовка по данному курсу. Дальше терпеть такое положение нельзя. Надо создать для студентов такие условия, чтобы они в совершенстве изучили профилирующие дисциплины и прежде всего русский язык»⁹.

Предпосылкой к надлежащей организации самостоятельной работы студентов является сокращение часов обязательных занятий, плановое распределение времени самостоятельной работы, усиление контроля за деятельностью студентов и кафедр в этом направлении, коренной пересмотр содержания и объема всех читаемых курсов с целью удаления из них всего лишнего, устранения повторов, встречающихся в смежных курсах, оснащения их новейшими достижениями языкознания. Вовлечение студентов в научную работу требует строгой нормализации их учебного режима в целом. Необходимо, чтобы студенты, начиная со II курса, имели хотя бы один день, свободный от лекций и практических занятий и предназначенный для самостоятельной работы; на последнем курсе предоставление двух свободных дней может значительно повысить научный уровень дипломной работы. Хорошо поставленная научно-исследовательская работа самих студентов играет важную роль в подготовке высококвалифицированных специалистов: «Она прививает студентам навыки самостоятельного творчества, воспитывает ценные качества советского специалиста, способного самостоятельно решать возникающие перед ним сложные производственные задачи»¹⁰. Однако ни филологические факультеты университетов, ни факультеты литературы и языка педагогических институтов не могут похвалиться широким развитием и хорошей постановкой научно-исследовательской работы студентов в области языкознания.

Итак, подготовка языковедов в высшей школе не может быть признана вполне удовлетворяющей требованиям жизни. Об этом говорят и многочисленные факты неуспеваемости аспирантов-языковедов, и красноречивые цифры отчисления их без защиты диссертации, и тревожные сигналы о слабой подготовленности части преподавателей к педагогической работе в средней школе.

*

Изучение вопросов языковедческого образования целесообразно пока ограничить анализом задач и результатов деятельности филологических факультетов наших университетов. Филология (в буквальном переводе с греческого языка — любословие) — это совокупность наук, которые иссле-

⁹ И. Устинов и И. Василенко, указ. статья.

¹⁰ М. Чиликин, Укреплять единство учебной и научной работы в высшей школе, «Правда» 18 XII 53.

дуют запечатленные в словесных произведениях, в памятниках письменности явления культуры в их историческом развитии. Раньше сюда относились: литература, устное народное творчество (фольклор), философия с логикой и психологией и отчасти этнография, история народа и история материальной культуры. Основа изучения всех этих наук — тексты, написанные на том или ином языке. Следовательно, язык — главный предмет филологического образования. Знание языка, его структуры, его исторических изменений, его общественных функций служит базой изучения всех других филологических дисциплин.

В настоящее время — с развитием наук и с их глубокой дифференциацией — изучение собственно философских и исторических наук обособилось от филологии. Объем филологического образования ограничен задачей подготовки деятелей в области языкознания и литературоведения. На филологическом факультете Московского университета, например, изучаются десятки языков народов Советского Союза и зарубежных. Конечно, на первом месте стоит изучение великого русского языка в его истории и современном состоянии. Однако своеобразие строя языка, его характерные особенности выступают острее и ярче при сравнении с каким-нибудь другим родственным языком; поэтому даже те студенты, которые выбирают своей специальностью русский язык, наряду с ним изучают и другие славянские языки, прежде всего — украинский или белорусский.

Задача филологического факультета университета — в отличие от других филологических высших учебных заведений более узкого, практического направления — состоит в том, чтобы дать тем студентам, которые хотят стать языковедами, хорошую теоретическую подготовку в области языкознания и глубоко ввести их в знание исторических закономерностей развития того или иного языка в неразрывной связи с историей соответствующего народа и историей его культуры, прежде всего, с историей его литературы.

Нельзя научно понять язык, нельзя глубоко проникнуть в законы его развития, не зная истории этого языка. В то же время известно, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа...»¹¹. Вот почему студент-языковед должен, кроме специально языковедческих дисциплин, освоить (отчасти путем самообразования, путем научной самостоятельности) еще целый ряд дисциплин — философских, исторических и филологических. Методологической базой марксистской языковедческой подготовки являются курсы «Основ марксизма-ленинизма», «Диалектического и исторического материализма», «Политической экономии», «Истории философии». Кроме того, лингвист должен быть знаком с логикой и психологией: знание форм и законов мышления чрезвычайно существенно для понимания структуры языка и особенно его грамматики. Студент-лингвист должен ознакомиться также с историческими дисциплинами (помимо истории литературы и фольклора) — с историей народа (страны), с исторической этнографией и историей материальной культуры. Так определяется основное, главное направление в подготовке языковедов — специализация по тому или иному конкретному языку, изучение этого языка в его истории и в его современном состоянии.

Тяжелым последствием недавнего прошлого, связанным с временным господством так называемого «нового учения» о языке акад. Н. Я. Марра, является то, что у нас оборвались некогда славные традиции широкого лингвистического образования на базе сравнительно-исторического ис-

¹¹ И. Ст а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 22.

следования родственных языков. Этот «профиль» языковедческого образования должен быть возрожден. Он требует деятельной поддержки и особенного внимания, так как кадры квалифицированных ученых-специалистов по сравнительно-историческому изучению групп и семей родственных языков (славянских, балтийских, германских, романских, иранских и других индоевропейских, а также тюркских, финно-угорских, картвельских и, шире, иберийско-кавказских, тунгусо-маньчжурских и т. п.) у нас очень немногочисленны.

Подготовка специалистов по сравнительно-историческому языкознанию сопряжена с значительными трудностями: студенту необходимо изучить, по крайней мере, три родственных языка в их истории, сравнительно-историческую грамматику соответствующей группы языков, глубоко вникнуть в принципиальные основы и технику сравнительно-исторического метода, ознакомиться с общей проблематикой и теорией сравнительно-исторического языкознания. При такой специализации студенту очень важно расширить свой исторический кругозор и приобрести основательные конкретные знания по истории соответствующих народов, а также иметь представления о достижениях археологии и истории материальной культуры — в отношении этногенеза и последующего развития данных племен и народностей. Для того чтобы справиться с такими задачами в течение четырех- или пятилетнего обучения, необходимо разработать особый, специфический учебный план подготовки специалистов по сравнительно-историческому изучению родственных языков.

С этой специализацией особенно тесно связана специализация в области общего языкознания, хотя тут целесообразно развивать разные направления, разные «профили» подготовки.

Объем подготовки специалиста по общему языкознанию нередко определяется так: «Конкретным языком, научное и практическое знание которого здесь требуется, в первую очередь будет родной язык. Но чтобы лучше понять родной язык, глубоко вникнуть в его основу, надо „выйти за его пределы“, т. е. изучить хотя бы один из родственных языков. Кроме того, очень важно познакомиться с каким-либо языком и иного грамматического строя, чем родной язык»¹².

Действительно, изучение языка в высшей школе не может сводиться лишь к практическому овладению им или к приобретению общих представлений о путях и закономерностях его исторического развития, о национальной специфике его структуры, а также о месте его в ряду родственных языков и других языков мира. Необходима общелингвистическая подготовка, построенная на правильной методологической основе, на основе марксистской философии, марксистской теории исторического развития. Только сочетание такой теоретической подготовки с глубоким знанием хотя бы одного языка в его развитии может создать специалиста-языковеда. Конкретно-языковая база общего лингвистического образования должна быть широкой, прочной и упорядоченной. Конечно, есть разница — и притом глубокая, качественная разница между научно-лингвистическим изучением своего родного языка и языка чужого, хотя бы и хорошо знакомого: в последнем случае одно только теоретическое, книжное знание истории народа, его жизни и быта ограничивает возможности научного исследования стилистики соответствующего национального языка, а также его семантики и его употребления как «первоэлемента» художественной литературы. Тут мы подходим еще к двум особым специализациям в сфере лингвистического цикла университетского филологического образования.

¹² А. С. Чикобава, О подготовке специалистов по общему языкознанию, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 1, стр. 123.

Квинтэссенцией общенародного языка в период его национального развития является литературный язык. Это, по определению М. Горького, тот же народный язык, но обработанный мастерами художественного слова. Художественная литература создается и развивается на базе общенародного языка и его образно-экспрессивного применения и, в свою очередь, вносит большие изменения в общенародный язык. Изучение своеобразий художественной речи писателей и их роли в развитии общенародного языка, изучение приемов и типов использования общенародного языка для выражения идейно-художественных замыслов писателя — все это чрезвычайно важно для понимания закономерностей развития литературного языка и стилей художественной литературы. При изучении этих вопросов языковедение близко подходит к литературоведению и тесно сближается с ним.

Таким образом, намечается очень важная специализация в области языковедческого образования — с уклоном в сторону стилистики, в сторону изучения художественной речи, эстетики слова. Подготовка хороших специалистов в этой области оказала бы благотворное воздействие и на изучение вопросов мастерства писателя, вопросов художественной специфики литературы.

Должна быть расширена и глубоко продумана еще одна языковедческая специализация, приобретающая важное значение в условиях развития и расцвета национальных социалистических культур как в Советском Союзе, так и в странах народной демократии. Основой этой специализации является всестороннее знание систем двух языков, чаще всего принадлежащих к разным группам или семьям, и их сравнительное, дифференциальное, сопоставительное изучение¹³. Совершенно очевидно, что именно таким путем могут быть подготовлены кадры квалифицированных переводчиков, например, с русского языка на языки народов Советского Союза или, наоборот, — с какого-нибудь иного национального языка на русский. Вместе с тем именно на основе этой специализации педагогическими институтами национальных республик должны быть созданы кадры умелых преподавателей русского языка в национальной школе. Необходимость развития этой специализации подчеркивалась неоднократно в речах ответственных работников просвещения и в резолюциях о недостатках преподавания русского языка в школах союзных и автономных республик¹⁴.

Можно было бы привести много жалоб и сетований на то, что качество переводов — как художественных произведений, так и сочинений классиков марксизма-ленинизма — с русского языка на языки народов Советского Союза не всегда является достаточно высоким, что во многих языках нашей страны, особенно в тех, которые еще недавно были бесписьменными, наблюдается терминологический разнобой и большая путаница в передаче общественно-политической и отвлеченно-теоретической

¹³ У нас план этой специализации еще не может считаться всесторонне разработанным. Отчасти с задачами этой специализации сталкиваются факультеты русского языка и литературы педагогических институтов в наших национальных республиках. Однако принципы научного сопоставления систем двух языков в этих высших учебных заведениях реализуется слабо [см., например, заметку «Преподаватели русского языка для азербайджанских школ» («Учит. газета» 2 XII 53)].

¹⁴ См. статью заслуженной учительницы Х. Курбановой «О журнале „Вашкорстан укыгысыны“», («Советская Башкирия» 11 XI 53). См. также: доклад министра просвещения Марийской АССР М. А. Георгиной на VI сессии Верховного Совета Марийской АССР «О состоянии и мерах улучшения народного образования в Марийской АССР» («Марийская правда» 26 VII 53); доклад Ж. Шахметова на съезде учителей Казахстана «О состоянии и мерах улучшения народного образования в республике в свете директив XIX съезда партии» («Казахстанская правда» 5 VIII 53); статью Т. Каниной «Улучшать преподавание русского языка в школах» («Советская Чувашия» 22 VIII 53) и др.

лексики¹⁵. Глубокое сопоставительное изучение русского языка и других языков народов нашей страны помогло бы внести ясность и точность в эти спорные и трудные вопросы перевода.

Таким образом, намечается пять основных направлений («профилей») в подготовке языковедов: 1) специализация в области общего языкознания; 2) специализация по сравнительно-историческому изучению той или иной группы (семьи) родственных языков; 3) специализация по описательному и историческому изучению одного какого-нибудь языка; 4) специализация в области стилистики национального языка, культуры речи и изучения языка художественной литературы и 5) специализация в сфере сопоставительного изучения двух языков, а также теории и практики перевода с одного из этих языков на другой.

Вопрос о характере учебного плана для разных профилей языковедческого образования требует специального рассмотрения. Но необходимо подчеркнуть, что, разрабатывая учебные планы для любого из этих профилей, не следует увлекаться ни многопредметностью, ни обилием лекционных часов даже по основным лингвистическим дисциплинам. Нужно уделять больше внимания тематике специальных курсов и семинаров, посвященных изложению и исследованию центральных, важнейших проблем той или иной языковедческой специализации. Программы разных языковедческих курсов в пределах одной специальности должны быть внутренне объединены и согласованы. Их надо освободить от повторений и от противоречий.

Между тем, если обратиться хотя бы к университетским программам по русскому языку, то легко заметить, что в программе по современному русскому языку повторяются те же вопросы общего языкознания, которые занимают центральное место в программе курса «Введение в языкознание». Так, например, почти полностью совпадают разделы о слове, об основном словарном фонде и словарном составе языка, о фонеме, слого, членении на слоги и интонационно-смысловом членении речи, о предмете и задачах грамматики, о морфологии и синтаксисе и др. Программа по современному русскому языку не меньше, чем на одну четверть (а по объему времени гораздо больше) повторяет, дублирует вопросы из программы по введению в языкознание. Хорошо еще, если эти общие вопросы освещаются в обоих курсах одинаково. Но известно, что у разных преподавателей это не всегда бывает так.

Частичные совпадения с курсом «Введение в языкознание» наблюдаются и в программе по русской диалектологии (особенно во вводной части). Еще более ощутительны здесь повторения тех вопросов, которые входят в программу по исторической грамматике русского языка (например, в разделе III: «Русский язык в его исторических связях с другими восточнославянскими языками»). Программа по истории русского литературного языка лишь потому сравнительно мало соприкасается с программой по исторической грамматике русского языка, что почти вовсе не касается вопросов развития звукового и грамматического строя русского литературного языка. Кроме того, эта программа перегружена побочными вопросами о языке и стиле отдельных писателей, к тому же сформулированными крайне неопределенно, иногда чисто «номенклатурно», и едва ли найдется хоть один историк русского литературного языка, которому удалось бы целиком выполнить эту программу. Между программами есть и несоответствия, расхождения в принципах освещения языкового материала (например, в программе по старославянскому

¹⁵ См. об этом, например, статью Ф. Абдулжалилова «Улучшить качество переводов» («Советская Черкесия» 21 VII 53).

языку говорится о «дополнительном глагольном члене: инфинитиве, сушине», а в программах по исторической грамматике русского языка и по современному русскому языку понятие «дополнительного глагольного члена» отсутствует).

В передовой статье «Повышать качество обучения и воспитания студентов» «Правда» писала: «Учебные программы определяют объем и глубину преподаваемого студентам учебного материала. Недопустимо, когда программы перегружаются второстепенными материалами, а изучение особенно необходимых разделов подчас вовсе не предусматривается»¹⁶. Это относится и к программам по языковедческим дисциплинам. Так, у нас до сих пор еще нет программы по исторической лексикологии русского языка.

Само собой разумеется, что все эти недостатки программ могли бы и не отягчать лингвистического обучения, если бы были созданы хорошие учебники и учебные пособия по основным языковедческим дисциплинам. Однако и на этом участке работы наших языковедов дело обстоит не вполне благополучно.

*

Лингвистические учебники и учебные пособия — это та область языковедческой деятельности, в которой очень чувствительно сказываются слабые стороны нашего языкознания как в сфере собирания материалов, так и в сфере теоретических обобщений. Работа по созданию самых необходимых учебников и учебных пособий для высшей филологической школы идет медленно и не всегда успешно. Еще не созданы советские учебные пособия по курсам «Общее языкознание» и «История лингвистических учений». Не может считаться решенным вопрос о составе учебника (так же как и самого курса) по «Введению в языкознание» и о целесообразности включения в этот учебник всей совокупности вопросов общего языкознания. Самое понимание курса «Введения в языкознание» как введения именно в общее языкознание, а не как теоретического введения в описательное, конкретно-историческое и сравнительно-историческое изучение того или иного языка и, следовательно, в систему соответствующих дисциплин является в высшей степени спорным. Во всяком случае, необходимо дать широкий простор для создания разных типов учебников по курсу «Введение в языкознание».

В этом отношении следует всячески приветствовать, несмотря на наличие в них ряда спорных положений и недочетов, появление столь различных по замыслу, композиции, характеру изложения и по кругу затрагиваемых проблем учебников по курсу «Введение в языкознание», как книга проф. Э. Б. Агаяна на армянском языке и руководство действ. члена Грузинской Академии наук А. С. Чикобава на грузинском языке. Написанные на русском языке две части пособия по «Введению в языкознание», принадлежащие перу А. С. Чикобава и Л. А. Булаховского, могут быть использованы — по внесению необходимых исправлений и изменений — в соответствии с более глубоко раскрывшимися задачами курса «Введение в языкознание» — как ценный материал для построения будущего учебника по этому предмету.

Если обратиться к учебным пособиям, связанным со специализацией обучения тому или иному национальному языку, то сразу бросается в глаза почти полное отсутствие руководств по истории отдельных языков народов Советского Союза. Показательно, что еще не созданы на базе марксистской теории исторического развития языка достаточно глубокие и полные пособия по истории русского языка. Очень полезны, но движутся

¹⁶ «Правда» 24 XII 53.

целиком в русле старых традиций вышедшие «Историческая грамматика русского языка» проф. П. Я. Черных и «Историческая морфология русского языка» проф. П. С. Кузнецова. Независимо от оценок научных достоинств, нельзя не отнестись сочувственно к таким трудам, как «История скандинавских языков» проф. М. И. Стеблина-Каменского, недавно изданная «Историческая грамматика эрзянского языка» покойного члена-корр. АН СССР Д. В. Бубриха, «История армянского языка» Т. А. Ачаряна и др.

Есть сведения, что составляются или уже составлены учебные пособия по истории русского, украинского, грузинского, армянского, таджикского, азербайджанского и некоторых других литературных языков. Однако, зная состояние конкретно-исторических исследований в этой сфере и имея в виду отсутствие твердых решений по основным теоретическим вопросам развития и периодизации литературных языков, трудно представить себе, чтобы эти курсы заметно обновляли и углубляли понимание закономерностей истории отдельных литературных языков.

Несколько лучше и все же недостаточно глубоко и не всегда успешно идет работа по созданию курсов описательных грамматик разных языков народов Советского Союза (например, русского, украинского, белорусского, азербайджанского, казахского, башкирского и др.). Повышению научного уровня учебников в этой области должны содействовать, с одной стороны, теоретическая разработка принципов составления научных описательных грамматик и, с другой стороны, решительный поворот к конкретно-историческим исследованиям отдельных сторон грамматического строя разных языков, к решению спорных и неясных вопросов их грамматики, поворот, ярко обнаруживающийся сейчас в советском языкознании.

Следует всемерно поддерживать и укреплять усилившуюся за последние три года работу университетских языковедческих кафедр по созданию учебников и учебных пособий. Чем больше появится в свет разных лингвистических руководств, тем совершеннее будет постановка курсов по отдельным языковедческим дисциплинам, тем строже будут требования к курсам по теории и истории языка, тем успешнее будет идти подготовка кадров квалифицированных языковедов. Необходимо смело и свободно вовлекать в работу по созданию лингвистических учебников и учебных пособий наиболее квалифицированных преподавателей периферийных высших учебных заведений. Создание полноценных учебников и учебных пособий по основным языковедческим дисциплинам — большое, ответственное дело государственного значения. Это — органическая часть плана подготовки квалифицированных языковедов. Самостоятельная работа студентов станет достаточно продуктивной лишь в том случае, если появятся хорошие учебники.

В упомянутой выше передовой статье «Правды» «Повышать качество обучения и воспитания студентов» справедливо отмечалось: «Хороший учебник, небольшой по объему, но насыщенный основным материалом по соответствующей дисциплине — непременное условие высокой успеваемости студентов. Таких учебников пока еще мало». Рукописи учебников готовятся слишком медленно. «Некоторые важные учебники составляют многие годы и пока еще не закончены»¹⁷.

Совершенно ясно, что научный уровень наших учебников и учебных пособий всецело зависит от состояния теоретических и конкретно-исторических исследований в соответствующих областях лингвистического знания.

¹⁷ «Правда» 26 XII 53.

*

Недостатки языковедческого образования в высшей школе наглядно сказываются на подготовке аспирантов. В передовой статье «Повышать качество подготовки аспирантов» «Правда» писала: «Подготовка научных кадров является одним из важнейших условий дальнейшего прогресса советской науки. Любая область науки может преуспевать лишь в том случае, если будет обеспечен постоянный рост новых квалифицированных научных кадров... Выращивание молодых кадров науки — дело большой государственной важности»¹⁸.

Между тем положение с подготовкой аспирантов-языковедов не может считаться благополучным. Давая общую картину состояния у нас аспирантуры, «Правда» отметила, что «лишь около одной трети аспирантов успевают за трехгодичный срок подготовить и защитить диссертации. Часть диссертаций пишется на низком уровне, без серьезных теоретических обобщений, без умения осмыслить факты и цифры, добытые диссертантом в период подбора материалов и экспериментальных исследований. Во многих диссертациях и сейчас еще немало догматизма, схоластики, цитатничества, которыми отдельные аспиранты пытаются прикрыть отсутствие хорошего знания предмета и выдать все это за широкую эрудицию»¹⁹.

В «Правде» отмечалось, что «Ряд диссертаций на соискание ученой степени доктора или кандидата наук стоит на низком уровне. Многие диссертации не имеют ни теоретической, ни практической ценности, представляют собой слабые рефераты, компиляционные обзоры. Ученые советы часто в погоне за количественными показателями, без основания присваивают по таким диссертациям звание кандидатов, а иногда даже и докторов наук. Совершенно необходимо самым решительным образом повысить требования к диссертациям, прекратить либеральный псевдонаучный подход к этому делу»²⁰.

О неудовлетворительных методах подготовки аспирантов свидетельствуют такие цифры (по материалам Министерства культуры СССР). В 1951 г. числилось при университетах Советского Союза (по всем кафедрам) 3357 аспирантов (кроме того, в заочной аспирантуре состояло 182 человека), из них около 700 (681 человек из проходивших аспирантуру очно и 17 человек — заочно) должны были представить в течение 1951 г. кандидатские диссертации. Однако лишь 240 человек (т. е. около одной трети) защитили диссертации в срок, 458 аспирантов (из них 14 заочников) отчислены без защиты диссертаций. В 1952 г., при общем количестве аспирантов 3721 (и 322 человека в заочной аспирантуре), отчислено без защиты диссертации 658 человек (и 6 аспирантов-заочников), своевременно представили диссертации 182 человека. В 1953 г. при всех университетах страны числилось 4038 аспирантов (и 371 в заочной аспирантуре), представили диссертации в срок 206 аспирантов (и 2 заочника), отчислены без защиты диссертаций 763 аспиранта (и 37 заочников).

На общем фоне неудовлетворительного состояния подготовки аспирантов итоги подготовки языковедов за последние три года внушают особенно большую тревогу: процент неуспевающих аспирантов-лингвистов гораздо выше, чем две трети общего числа их (если не ограничиваться статистическими подсчетами отдельных годов). Из 22 университетских аспирантов-русистов, которые должны были стать кандидатами филологических наук в 1951 г., своевременно представили диссертации лишь 4; из 11 аспирантов, специализировавшихся по разным языкам народов Совет-

¹⁸ «Правда» 7 XII 53.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Правда» 26 XII 53.

ского Союза, защитили кандидатские диссертации в срок и получили ученое звание доцента лишь 2 (9 отчислены без представления диссертаций).

Не улучшилось, а скорее даже ухудшилось положение с подготовкой языковедов в 1952 г. Правда, общее количество аспирантов, проходящих подготовку при университетах, увеличивается год от году. Но соотношение между общим количеством аспирантов, отчисленных без защиты диссертаций, и количеством аспирантов, защитивших диссертации в срок (т. е. в конце третьего года пребывания в аспирантуре), изменяется в сторону увеличения числа неуспевающих. Симптоматично, например, что за последние три года не закончил аспирантуры со своевременной защитой кандидатской диссертации ни один из аспирантов, специализировавшихся по казахскому языку при Казахском университете, по узбекскому языку — при Среднеазиатском университете, по финно-угроведению при Карело-финском университете. И хотя за те же последние три с половиной года достигнуты некоторые успехи в подготовке аспирантов-языковедов отдельными лингвистическими научно-исследовательскими институтами Всесоюзной и республиканских академий (например, Институтом языкознания АН СССР, институтами языкознания в академиях Украинской, Армянской, Грузинской ССР), — все же наши недостатки в подготовке аспирантов очень велики. Тематика кандидатских диссертаций по разным отраслям языковедческой науки не разработана. На одну и ту же тему нередко пишется несколько работ (иногда даже в смежных научных учреждениях, например, в Московском университете и в Институте языкознания АН СССР). Выбор темы диссертации часто бывает случайным и неудачным (таковы, например, следующие темы кандидатских диссертаций: «Грузинская лексика в русской художественной литературе», «Лексика гнева в „Путешествии из Петербурга в Москву“ Радищева» и т. п.). Кроме того, в разработке отдельных типов диссертаций наблюдается опасная тенденция к стандартизации приемов описаний и принципов отбора материала. Так, выработался определенный шаблон в описании местных говоров русского языка: в качестве диссертации часто представляется развернутый ответ на существующую диалектологическую программу, без всяких элементов исследования или попыток обобщения. Такого рода диалектологические упражнения образуют многочисленный поток современных кандидатских диссертаций по диалектологии. Созданные на русском материале шаблоны переносятся в диалектологические работы по другим языкам народов Советского Союза. Точно так же шаблонизируется техника подготовки диссертаций, посвященных лексике и фразеологии какого-нибудь выдающегося писателя. Борьба с такого рода механизацией в изготовлении многих научных исследований очень актуальна.

Назрела острая необходимость в том, чтобы в едином центре велся систематический учет всех тем, которые разрабатываются в качестве диссертационных. Такой центр должен быть создан при Министерстве культуры СССР; им же должны окончательно утверждаться все темы, предлагаемые отдельными университетами и институтами.

Темы диссертаций должны быть всесторонне и глубоко продуманы; они должны полностью соответствовать основным задачам дальнейшего развития той или иной области советского языкознания. Необходимо разработать примерные списки актуальных тем для кандидатских диссертаций и в специальных теоретических статьях осветить основную проблематику по всем разделам и отраслям языковедческой науки. Хорошая диссертация должна представлять собою новый шаг, новую ступень в исследовании того вопроса, разработке которого она посвящена.

Собственно научная работа, подбор материала, его обобщение, последовательное и четкое изложение фактов, доказательств, выводов должны

поглотить большую часть времени пребывания в аспирантуре. Это значит, что аспирант уже с самого начала должен быть хотя и начинающим, но самостоятельным исследователем. Естественно, что при такой постановке дела следует решительно изменить самый характер и способы руководства аспирантурой. Должны быть изжиты применяемые некоторыми руководителями приемы мелочной опеки и совместного с аспирантом писания диссертации. «Научное руководство аспирантом заключается прежде всего в том, чтобы дать ему верное направление в работе, вооружить необходимыми методами исследования, контролировать выполнение плана, оказывать научную помощь в преодолении трудностей, которые встречаются в процессе исследования вопроса и оформления диссертации»²¹.

Жизнь настоятельно требует четкого планирования в подготовке научных языковедческих кадров, с тем чтобы больше готовить научных работников по таким отраслям лингвистического знания, в которых особенно ощущается недостаток квалифицированных научных сил. Так, в советском языкознании остро ощущается необходимость в расширении круга специалистов по языкам народов Севера, по северо-восточным языкам Кавказа, а также — частично — по финно-угорским языкам, по некоторым индоевропейским языкам (например, иранским, славянским), по семитическим языкам и отдельным языкам Дальнего Востока. Само собой разумеется, что разные отрасли языкознания требуют каждая своих особых конкретных мер для пополнения кадров квалифицированных специалистов по соответствующим языкам.

В качестве конкретной иллюстрации можно остановиться на современном состоянии подготовки специалистов по языкам народов Севера. Следует сказать, что по некоторым языкам народов Севера имеющееся у нас количество специалистов достаточно для выполнения того объема научно-исследовательской, научно-педагогической и научно-практической работы, который определяется задачами сегодняшнего дня. Так, например, по эвенкийскому языку у нас 9 специалистов (из них кандидатов наук — 6, аспирантов — 2); по нанайскому языку тоже 9 (из них кандидатов наук — 5, аспирант — 1), по венецкому языку — 7 (из них кандидатов наук — 4, аспирант — 1). Но по другим языкам народов Севера подготовленных лингвистов явно недостаточно. Так, по корякскому языку, который является одним из наиболее пестрых в диалектологическом отношении, имеется всего 3 специалиста (если не считать трех специалистов по чукотскому языку, которые вынуждены принимать участие и в работе по корякскому языку), из них один окончил аспирантуру, остальные двое имеют высшее специальное образование. По мансийскому языку имеется 5 специалистов, из которых один еще до войны перешел целиком на археологические исследования, а двое еще состоят аспирантами; вся работа по этому языку ведется двумя специалистами, из которых один — кандидат наук, другой имеет высшее специальное образование. По эвенскому языку у нас есть только 4 специалиста (один доктор наук, два кандидата и один со специальным высшим образованием). По хантыйскому языку, который распадается фактически на 4 самостоятельных, хотя и родственных языка, имеется всего 6 специалистов, из которых двое уже давно не работают в области языкознания. Необходимо в ближайшие годы подготовить еще не менее трех специалистов по корякскому языку, двух — по мансийскому языку, двух — по эвенскому языку и не менее пяти специалистов по хантыйскому языку.

Как наиболее существенный недостаток подготовленных и готовящихся в настоящее время кадров следует отметить слишком малое коли-

²¹ «Правда» 7 XII 53.

чество специалистов, для которых язык специальности является родным, т. е. специалистов по языкам народов Севера из среды самих носителей этих языков.

Без хорошо поставленной исследовательской работы по языкам народов Севера невозможно создание всех необходимых учебников и разнообразных книг на этих языках, невозможна также подготовка хороших учителей и других культурных работников, а без надлежащей постановки работы северных нерусских школ, в частности, хорошо поставленного преподавания на родном языке, крайне затруднена подготовка научно-исследовательских кадров по этим языкам.

Не может удовлетворить и состояние подготовки специалистов по многим языкам народов Востока. Так, например, в Институте востоковедения АН СССР за последние три года защитили кандидатские диссертации всего 3 аспиранта. Их работы были посвящены изучению отдельных сторон дунганского, афганского и бурят-монгольского языков. Институт не имеет и не готовит специалистов по персидскому языку, по языкам Индии и Юго-Восточной Азии, по арабскому, корейскому и вьетнамскому языкам. Показательно, что из 24 диссертаций, рассмотренных Ученым советом Института в 1952 г., лингвистическим вопросам была посвящена только одна диссертация. Ненормальным следует признать то положение, что новые кадры часто готовятся в Институте по тем языкам, над изучением которых в стенах Института не работает никто из крупных специалистов. В то же время здесь не было подготовлено ни одной диссертации по китайскому или японскому языкам.

*

Особенно важное значение для развития советской науки о языке имеет подготовка языковедов высшей квалификации — докторов филологических наук. В их руках — будущее нашей науки. Естественно, что рост этих кадров целиком зависит от творческой интенсивности и научной плодотворности исследовательской работы кандидатов наук, от общих темпов развития разных отраслей советского языкознания, от характера и результатов научно-исследовательской деятельности академических институтов языкознания и лингвистических кафедр высшей школы.

К сожалению, научная продукция университетских языковедческих кафедр очень невелика и довольно пестра. В отличие от старой университетской традиции печатания диссертаций и монографических исследований, здесь возобладал жанр сборников, «ученых записок», чаще всего лишенных внутреннего единства и характеризующихся мозаичностью и случайностью своего состава. Как уже отмечалось в нашей печати, именно таковы сборники: «Вопросы грамматического строя и словарного состава языка» — 1 и 2 («Ученые записки» Ленинградского университета, №№ 156 и 161, Серия филол. наук, выпуски 15 и 18, 1952), «Труды» Тбилисского университета, тт. 47 и 49 (1952 и 1953), «Філологічний збірник», № 3 («Наукові записки» Киевского университета, т. X, вып. 3, 1951) и др.

Издания таких монографий, как «Принципы этимологических исследований» А. А. Белецкого (Киевский университет, 1950), «Акцентологический комментарий к польскому языку» (Киевский университет, 1950) и «Акцентологический комментарий к чешскому языку», вып. 1, члена-корр. АН СССР Л. А. Булаховского (Киевский университет, 1953), «Язык Н. Г. Чернышевского» А. Ф. Ефремова («Ученые записки» Саратовского пед. института, вып. XIV, 1951), «Язык сатиры Салтыкова-Щедрина» А. И. Ефимова (Московский университет, 1953), «История грузинской письменности», тт. I и II,

действ. члена АН Груз. ССР К. С. Кекелидзе (Тбилисский университет, 1951—1952, на груз. яз.), «Основы грузинской грамматики. I—Морфология» члена — корр. АН СССР А. Г. Шанидзе (Тбилисский университет, 1953) и многие другие — желанные, но сравнительно редкие явления в научно-издательской деятельности наших университетов и педагогических институтов в области языкознания. Далеко не все наши лингвисты — кандидаты наук обогащают советскую науку о языке самостоятельными творческими исследованиями. Бывают случаи, когда ученая степень кандидата филологических наук не ликвидирует и не покрывает недостатков лингвистического образования или отсутствия языковедческой школы. Конечно, эти случаи не составляют правила. Они скорее — исключения, нарушения нормы. Поэтому увеличение количества защищенных кандидатских диссертаций является признаком роста советского языкознания и вместе с тем выражением подъема нашего языковедческого образования. Но в этой связи нельзя не привлечь общественного внимания к одному очень тревожному факту: значительная часть языковедов, защитивших кандидатские диссертации, затем отходит от творческой научно-исследовательской работы. Поглощенные разнообразной педагогической, научно-административной, организационной деятельностью, молодые кандидаты наук не успевают продолжать, расширять и углублять исследования в области своей конкретной специальности и постепенно утрачивают вкус к большим научным темам и изысканиям. Самые условия работы в периферийных высших учебных заведениях, огромный общественный спрос на специалистов и разнообразие обязанностей и обязательств, возлагаемых на них, отсутствие широкой научной среды, увлеченной задачами и интересами той же области знания, — все это не может не оказать влияния на ослабление научно-исследовательских занятий и устремлений молодых ученых. Для того чтобы поддерживать и стимулировать интерес этих языковедов к живой творческой работе в области своей специальности, чтобы устранить опасность отрыва работников периферии от передовых научно-исследовательских центров страны, необходимо установить формы более тесной научной связи этих работников с теми языковедскими учреждениями, в которых проходила их аспирантская подготовка. Кроме того, следует шире практиковать всесоюзные, республиканские и областные языковедческие конференции, посвященные актуальным и практически важным проблемам той или иной отрасли лингвистической науки. Очевидно, нужен контроль над научно-исследовательской работой наших молодых ученых, работающих на периферии, гораздо более действенный и более четко организованный, чем в настоящее время.

Необходимо вовлечь в творческую атмосферу научного исследования все наши языковедческие кадры, превратить в живую действующую силу все возможности и резервы, организовать борьбу за полное их использование в важном деле развития советского, марксистского языкознания. Вместе с тем вопросы подбора и целесообразной расстановки языковедческих кадров как в высших учебных заведениях филологического типа, так и в научно-исследовательских институтах языкознания приобретают особенно важное и острое значение.

Языковеды-педагоги, работающие в высших учебных заведениях, должны принимать активное участие в подготовке учебников и учебных пособий по лингвистическим дисциплинам, печатать или издавать на правах рукописи свои лекционные курсы. Целесообразно подумать о способах более широкого привлечения таких работников языковедческого фронта к участию в осуществлении крупных лингвистических начинаний, например, в составлении больших научных грамматик национальных языков

диалектологических атласов разных языков народов Советского Союза, к сотрудничеству в наших теоретических и научно-педагогических лингвистических журналах и коллективных трудах и т. д.

Необходимо принять все меры к повышению квалификации языковедов, работающих на лингвистических кафедрах в университетах и других высших филологических учебных заведениях национальных республик, автономных областей, периферийных центров Российской Федерации. Эта обязанность, в основном, должна пасть на языковедческие институты академий и на языковедческие кафедры наших ведущих вузов.

Лингвистические кафедры многих периферийных университетов очень бедны научными силами. Так, например, в Казахском университете из 16 преподавателей-русистов лишь 1 имеет звание доцента и ученую степень кандидата филологических наук. В Харьковском университете на кафедре русского языка, кроме заведующего ею доцента, все другие ее члены (5) еще не достигли ученых степеней и званий. Почти такая же картина наблюдается в Среднеазиатском (Ташкентском) университете.

На этом фоне становится понятно, с какими огромными трудностями связана подготовка кадров высшей квалификации — лингвистов с ученой степенью доктора наук. Тут остро сказываются как теневые стороны современной организации научно-исследовательской работы в высшей школе, так и недостатки научного воспитания докторантов. Среди языковедов—кандидатов филологических наук оказывается чрезвычайно мало ученых, уже имеющих не только тему, но и собранный в достаточном количестве и систематизированный материал для докторской диссертации. Многие даровитые молодые ученые, лишённые руководства, не имеют возможности удостовериться в правильности интерпретации исследуемого ими материала, проверить свои приемы и методы исследования. Больше того: при неразработанности тематики докторских диссертаций почти во всех областях языковедения и при отсутствии систематической и точной информации о защищенных и подготовленных диссертациях и тут на одну и ту же тему иногда пишутся два и больше исследования. Упорядочить эту работу, так же как и работу в области кандидатских диссертаций, должны соответствующие отделы Министерства культуры.

Из неудовлетворительного состояния языковедческой докторантуры, из очевидных и существенных недостатков в современной подготовке языковедов высшей квалификации вытекает настоятельная необходимость коренного улучшения работы наших руководящих научно-исследовательских институтов с кадрами лингвистов—преподавателей высшей школы. Все возрастающие общественные требования к советской науке о языке не могут быть удовлетворены без решительной перестройки всей работы по подготовке лингвистов — докторов наук. До сих пор отсутствует план такой подготовки. Успешное завершение докторантуры, своевременная защита докторской диссертации учеными, прикомандированными, например, к Институту языковедения АН СССР, — явление если не исключительное, то, во всяком случае, не вполне обычное. Это обстоятельство объясняется отсутствием у значительной части докторантов высокой языковедческой культуры и необходимого опыта научного исследования, а также предварительной работы по накоплению материалов, связанных с избранной темой, и по их теоретическому осмыслению.

Для характеристики состояния подготовки докторантов-языковедов за последние годы целесообразно привести статистические данные о докторантуре языковедческих институтов Всесоюзной Академии наук за пять лет, начиная с 1948 г. В 1948 г. был произведен экстренный набор языковедов-докторантов в Институт языка и мышления и в Институт русского языка АН СССР — без предъявления каких-нибудь более или менее оп-

ределенных требований к состоянию осуществляемого докторантом научного исследования. В оба института было принято 20 докторантов (13 — по русскому языкознанию, 6 — по тюркским языкам, 1 — по горским северо-восточным языкам Кавказа). Из них своевременно защитили докторские диссертации лишь 5 человек (4 — по истории русского языка, 1 — по чувашскому языку). В 1949 г. в те же институты было прикомандировано в докторантуру 16 языковедов (10 — по русскому языкознанию, 1 — по украинскому языку, 1 — по романским языкам, 3 — по тюркским языкам, 1 — по вопросам общего языкознания — по общей фонетике и фонологии). Из них в срок или с некоторым запозданием защитили докторские диссертации 7 человек (4 — по русскому языку, 1 — по французскому и провансальскому языкам, 1 — по украинскому языку, 1 — по узбекской диалектологии). Опыт 1948 и 1949 годов показал, что лишь около одной трети (с колебанием до одной четверти) прикомандированных оказывается в состоянии справиться в требуемый срок с докторской диссертацией. Необходимо принять во внимание также то обстоятельство, что в эти годы массового набора вступил в докторантуру целый ряд квалифцированных научных работников, уже широко известных своими научными трудами (например, из русистов — С. Д. Никифоров, С. А. Копорский, из тюркологов — В. В. Решетов и др.).

С 1950 г. начинается спад притока докторантов-языковедов в Институт языкознания АН СССР. Объясняется это обстоятельство, прежде всего, повысившимися требованиями к языковедческим исследованиям, представляемым на соискание ученой степени доктора филологических наук. В связи с изменившимися условиями и принципами научной оценки исследовательских качеств и теоретической квалификации языковедов, очевидно, находится тот факт, что ни Министерство высшего образования СССР, ни министерства просвещения союзных республик, ни республиканские академии наук, ни филиалы АН СССР на протяжении 1951—1952 гг., в сущности, почти не направляли докторантов в Институт языкознания АН СССР. Так, в 1950 г. были прикомандированы в докторантуру этого Института Министерством высшего образования только 3 кандидата наук (2 — по русскому и по другим восточнославянским языкам, 1 — по киргизскому языку). В 1951 г. двух кандидатов наук (специалистов по киргизскому языку) направил в докторантуру Института языкознания Совет министров Киргизской ССР, одного языковеда, специализирующегося по украинскому языку, — Академия наук Украинской ССР. В 1952—1953 гг. вступили в докторантуру Института языкознания уже 5 кандидатов наук (1 — по русскому языку, 1 — по нанайскому, 1 — по английскому, 1 — по абхазскому и 1 — по общему языкознанию — по истории письма). Работают над подготовкой докторских диссертаций или уже защитили их в течение трех последних лет 7 научных сотрудников самого Института языкознания АН СССР. Но это не меняет общей картины неудовлетворительного состояния подготовки докторантов: отбор основного контингента докторантов-языковедов должен происходить из числа преподавателей высшей школы и сотрудников внеакадемических научно-исследовательских институтов, главным образом периферийных. С 1953 г. началось плановое прикрепление прикомандированных кандидатов наук к Институту языкознания в качестве докторантов. В 1953 г. предполагалось зачислить в докторантуру 10 или 11 человек: по русскому языку 4 или 5, по тюркским языкам — 2, по иранским, финно-угорским — по одному; по одному специалисту каждый должны были быть представлены романские, германские, классические языки. Министерство культуры предполагало направить в докторантуру 8 русистов. Но намеченные им кандидаты в основной своей массе явно не удовлетворяли тем требованиям, кото-

рые были разработаны для вступающих в докторантуру Президиумом АН СССР.

По плану подготовки докторантов на 1954 г. предполагается прикомандировать к Институту языкознания 12 кандидатов наук, в том числе 5 специалистов по русскому и другим восточнославянским языкам, 2 — по тюркским языкам, 2 — по романским и 3 — по германским языкам. В 1955 г. в докторантуру Института языкознания должно быть принято 13 кандидатов наук: 7 — по русскому и другим восточнославянским языкам, 2 — по тюркским языкам, 1 — по финно-угорским, 2 — по романским и 1 — по германским языкам. Само собой разумеется, что осуществление этого плана целиком зависит от общего подъема научно-исследовательской работы по языкознанию и прежде всего среди работников высшей школы. Требования к поступающим в докторантуру повышаются: прикомандированный докторант должен иметь около половины (40%) написанной диссертации; тема диссертации, а также написанные разделы работы должны быть одобрены ученым советом того высшего учебного заведения, которое направляет докторанта, а также Министерством культуры. В докторантуру должны направляться ученые, имеющие не менее 3—4 печатных научных работ исследовательского характера, выполненных после защиты кандидатской диссертации.

В своей статье «Укреплять единство учебной и научной работы в высшей школе» проф. М. Чиликин правильно писал: «...чем лучше в каждом данном вузе сочетается единство учебной и научной работы, тем выше уровень подготовки специалистов... К сожалению, принцип единства учебной и научной работы не во всех вузах нашей страны пользуется полными правами гражданства. Есть еще у нас руководители высших учебных заведений, которые считают научную работу в вузах делом второстепенным. Сторонники такой точки зрения имеются и в Министерстве культуры СССР, которое, к сожалению, мало заботится о научной работе вузов, не обобщает уже имеющийся опыт в этой области. В Главном управлении высшего образования Министерства культуры СССР существуют отдел аспирантуры и отдел научно-исследовательской работы. Как известно, подготовка научных и научно-педагогических кадров, осуществляемая через аспирантуру и докторантуру, должна основываться на научных работах, которые затем защищаются как кандидатские или докторские диссертации. Следовательно, отдел аспирантуры и отдел научно-исследовательской работы должны действовать в полном контакте. Но эти отделы никак не связаны между собой, что отрицательно сказывается на руководстве подготовкой научных и научно-педагогических кадров»²². Понятно, что от уровня и широты научно-исследовательской работы языковедческих кафедр в высших учебных заведениях зависит актуальность и высокое научное качество диссертаций, подготовляемых работниками этих кафедр.

В то же время вполне очевидно, что даже сильные лингвистические кафедры вузов и их сотрудники нуждаются в контроле и содействии, в оперативной помощи со стороны наших руководящих научно-исследовательских учреждений по языкознанию. Суть этой помощи должна заключаться прежде всего в последовательном сплочении всех научных сил и в направлении их по пути творческой научно-исследовательской работы. Научные собрания секторов и отделов лингвистических институтов, заседания их ученых советов и секций должны стать общественной трибуной, на которой может и должно происходить научно-критическое обсуждение исследований не только постоянных сотрудников этих институтов, но и

²² М. Чиликин, Укреплять единство учебной и научной работы в высшей школе, «Правда» 18 XII 53. Ср. также передовую статью «Важная задача высшей школы» («Советская культура» 29 XII 53).

лучших работ исследователей-языковедов из числа преподавателей высшей школы.

Осуществление задачи расширения и улучшения подготовки высококвалифицированных лингвистических кадров связано с подъемом и углублением общей научно-исследовательской работы по языкознанию, с ее четким планированием и со строгой координацией деятельности всех наших академий в области науки о языке. Необходимо, чтобы научные результаты всех защищенных кандидатских и докторских диссертаций по языкознанию сразу же входили в широкий научный оборот. Этому нельзя достигнуть печатанием в очень ограниченном количестве их авторефератов. Следует периодически публиковать аннотированные библиографические указатели этих диссертаций, а также помещать в наших лингвистических журналах и сборниках систематические обзоры новейших достижений по разным отраслям и разделам науки о языке. Между тем многие диссертации, не увидевшие широкого света, своевременно не напечатанные, постепенно забываются. Об этом недавно справедливо напомнила газета «Советская культура», указав на то, что и в лекциях, и в научных работах очень мало используются основные положения и материалы кандидатских и докторских диссертаций. «Эти исследования, подчас очень ценные, лежат мертвым капиталом в библиотеках вузов, научных институтов»²³.

*

Вопрос о новых кадрах советских языковедов — важный, большой вопрос. В советскую эпоху выросло новое поколение ученых-языковедов из среды носителей самых разнообразных языков многонационального Советского Союза. История мирового языкознания никогда раньше не знала такой поистине грандиозной по своим масштабам лингвистической работы, которая развернулась в нашей стране — стране победившего социализма. Никогда не были так велики, сложны и ответственны задачи советского языкознания, как в настоящее время. Для того чтобы в полной мере осуществить эти важные задачи, для того чтобы занять первое место в мировом языкознании, необходимо неперестанно пополнять наши кадры новыми лингвистическими силами, получившими хорошую методологическую, научно-теоретическую и научно-практическую подготовку, творчески овладевшими марксистской философией и всеми лучшими, плодотворными достижениями мировой науки о языке.

²³ С. К у т о в о й, Учить студентов работать творчески, «Советская культура» 26 XI 53.

И. К. БЕЛОДЕД

ВЛИЯНИЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ
НА РАЗВИТИЕ УКРАИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

I

В январе 1954 г. исполнилось 300 лет со дня воссоединения Украины с Россией в результате освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. «Воссоединение Украины с Россией, несмотря на то, что во главе России стояли тогда царь и помещики, имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития украинского и русского народов»¹.

Героическое освободительное движение украинского народа, его консолидация в борьбе против гнета шляхетской Польши и агрессивных устремлений султанской Турции, против попыток духовно поработить украинский народ при помощи уни, уничтожить его культуру, язык, религию находили отображение в острой полемической, обличительной литературе публицистически-церковного и светского характера, в художественных произведениях, в научных трактатах, проповедях и т. п.

Литературный язык на Украине в XVII в. имел довольно широкое для своего времени применение в печатных и рукописных сочинениях разных жанров, а также в устных произведениях ораторски-полемического, ораторски-проповеднического, панегирического и другого характера. Язык украинской народности в то время еще не выработал единой нормализованной письменности; это совершилось позже — в конце XVIII — в начале XIX в., в период формирования украинской нации и ее национального литературного языка. В XVII в. на Украине для нужд просвещения, науки, государственно-дипломатических, деловых сношений, художественной литературы, для нужд церкви использовались два вида литературного языка, имевших уже длительную историю и прочные традиции, — это так называемый «язык славянорусский» (т. е. та система книжной речи, которая сложилась на основе взаимодействия церковнославянского и книжного русского языка) и «книжный украинский» (южнорусский, малорусский, «диалект русский»)²; кроме того, школа, наука, административные органы, церковь нередко пользовались польским, латинским, греческим языками³.

Среди тех факторов, которые вносят большие изменения в развитие языка, первостепенное значение имеют появление печатного станка и разви-

¹ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654 — 1954 гг.). Одобрены ЦК КПСС, I, «Правда» 12 I 54.

² Ср. П. Ж и т е ц к и й, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII веке, Киев, 1889; его же, «Энеида» Котляревского и древнейший список ее в связи с обзором малорусской литературы XVIII века, Киев, 1900.

³ См. С. I. М а с л о в, Українська друкована книга в XVI—XVIII вв., Держ. вид-во України, 1925.

тие литературы. Эти факторы сыграли огромную роль и в развитии украинского литературного языка конца XVI и XVII в. Одним из ярких свидетельств братской связи русской и украинской культуры является то, что русский первопечатник Иван Федоров был и первопечатником Украины. В 1574 г. Иван Федоров напечатал в основанной им во Львове типографии книгу «Апостол». Затем Иван Федоров организовал типографию в г. Остроге и в 1581 г. напечатал Острожскую библию. В 1615 г. типография была основана в Киево-Печерской лавре; работали также типографии на Волыни, в Галиции, были и так называемые передвижные типографии (например, типография украинского общественного деятеля и писателя Кирилла Транквильона, напечатавшего в 1618 г. в Почаевском монастыре свое «Зерцало богословия», а в следующем году в с. Рахманове Кременецкого уезда — учительное евангелие. Появление книгопечатания содействовало развитию украинской литературы и литературного языка.

К середине XVII в. украинская литература уже имела выдающиеся произведения различных жанров.

1. Полемическая литература: «Ключ царства небесного» Герасима Смотрицкого (1587), «Казанье святого Кирилла, патриарха Иерусалимского, о Антихристе и знаках его в розширеніем науки против ересей розныхх...» Стефана Зизания (1596), «Апокрисис albo отповѣдь на книжку о съборѣ Берестейском, именем людей старожитной релѣги (религии) греческой, через Христофора Филялета врихлѣ дана» (на польском языке — 1597 г., украинский перевод — 1598 г.), «Пересторога» неизвестного автора (1606), «Палинодія» Захария Кошыстенского (1621), учительное евангелие (1619) Кирилла Транквильона Ставроведского и др. К концу XVI — началу XVII в. относится литературно-полемическая деятельность Ивана Вишенского, творчество которого представляет целую эпоху как в истории украинской литературы, так и в истории украинского литературного языка. До нас дошло 17 произведений Ивана Вишенского, большая часть которых при жизни автора распространялась в рукописях. Главнейшие из них: «Извѣщеніе краткое о латинских прелестех» (1588), «Писаніе до всѣхъ обще в Лядской земли живущихъ» (1596), «Писаніе к утекшим от православно вѣри епископамъ» (1597—1599), «Обличеніе діавола-миродержца» (1599—1600), «Краткословный отвѣтъ Петру Скарге (1600—1601), «Посланіе к старицѣ Домникии» (1605) и др. Конечно, это были полемические произведения церковного характера, но они перерастали религиозные рамки: здесь высказывались мысли не только в защиту православия, но и в защиту украинского народа от польской шляхты вообще; эти произведения часто носили активный наступательный характер, они были направлены против угнетателей — князей светских и князей католической церкви. Это находило свое отражение в языке произведений: в них, как увидим ниже, использовалась лексика и фразеология далеко не религиозного характера. К этой литературе полностью может быть отнесено известное высказывание Ф. Энгельса: «...во время так называемых религиозных войн XVI столетия вопрос шел прежде всего о весьма положительных материальных классовых интересах... Если эта классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени»⁴. Полемическая украинская литература XVI—XVII вв. сыграла огромную роль в идейной подготовке освободительной войны 1648—1654 гг.

2. Летописание, деловая письменность: Киевская (по месту обнаружения называемая также Львовской), Чернигов-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 128.

ская, Острожская и другие, меньшие летописи, которые составились на периферии, а также так называемые «Гродские книги», грамоты, универсалы, юридические документы (купчие, завешания) и разные хроники. Язык этих документов исследован меньше всего, но именно они являются наиболее характерными памятниками книжного украинского литературного языка XVI—XVII вв.

3. Историческая повесть начала XVII в.: «Книга о побище Мамай, царя татарского».

4. Научная литература: «Зерцало богословия» Кирилла Транквилиона Ставровецкого (1618), содержащее, между прочим, сведения по космографии. С конца XVI и первой половины XVII в. известны грамматические сочинения, например: «Адельфотес» (1596), «Грамматика словенська» Лаврентия Зизания (1596), знаменитая «Грамматика словенскія правильное синтагма» Мелетия Смотрицкого (1619) и др. К началу XVII в. относится и выдающееся произведение этой эпохи — «Лексікон славенороскій» Памвы Беринды (1627).

5. Художественная литература (поэзия и драма). К концу XVI и началу XVII в. относится возникновение украинского книжного стихосложения. Образцы поэтического языка этого времени мы видим в стихотворениях Герасима Смотрицкого, приложенных к Острожской библии, в стихотворении «Лямент о утрапеніу міщан острожских» (1636) неизвестного автора, в сборнике Кирилла Транквилиона Ставровецкого «Перло многоцѣнное» (1646), в стихотворениях Андрея Римши («Хронологія», 1581), в произведениях «Възерунок цют... Елисея Плетенецкого» Александра Митуры (1618), «Имнологія си ест пѣсно-словіе» (1630), «Евфонія веселобрмячая» (1633) и в других панегирических стихотворениях, например, посвященных Петру Могиле; в стихотворении «На жалосный погреб зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачного, гетмана войска ... Запорозкого» Кассиана Саковича (1622) и др. Памятниками поэтического языка в драматическом жанре для этого времени являются диалоги Памвы Беринды, Кассиана Саковича, Кирилла Транквилиона, Иоаникия Волковича (1630) и других авторов. Большое значение для историка языка имеют интермедии, вставленные в польские драмы Якуба Гаватовича (1619). К этим произведениям относится найденное и опубликованное Иваном Франко «Слово о збуренню пекла» (очевидно, первая половина XVII в.). К этому же периоду относятся самые ранние известные нам записи украинской народной песни: 1) в чешской грамматике Яна Благодслава, умершего в 1571 г. (опубликована в 1857 г.), помещена украинская песня о Стефане воеводе; 2) в польской брошюре 1625 г. напечатана народная украинская песня о козаке и Кулине.

*

Таким образом, во второй половине XVI и первой половине XVII в. украинская литература уже имела серьезные достижения. Памятники письменности этого времени являются яркими показателями как общерусской духовной культуры, так и культуры украинского народа. В тяжелые столетия татарского и турецкого ига, польско-шляхетской оккупации культура, которую польская шляхта и Ватикан стремились уничтожить «огнем и мечом», смогла противопоставить католическо-иезуитской «культуре» свои высокие творения и выйти победителем в длительной борьбе.

Каковы же были основные черты украинского литературного языка конца XVI — первой половины XVII в. и какие ведущие тенденции развития складывались в нем в это время в ожидании тех общественных сил, которые смогли бы активизировать и ускорить совершенствование языка?

В XVII в. еще высоко держался авторитет церковнославянского, или «славянского», языка, который был признан образованным миром и известен не только на Украине, на котором были написаны многочисленные памятники старины — религиозные книги, полемическо-публицистические, научные, художественные и другие произведения. Этот язык был необходимым и проверенным орудием борьбы против католицизма и унии, «идеи» которых распространялись на латинском и польском языках. Как правильно отметил П. Житецкий, украинские деятели, писатели, вообще книжные люди того времени «...спешили организовать литературную речь на готовой почве книжных преданий, спешили найти в них объединяющий фокус, чтобы не растеряться в массе диалектических подробностей. Таким литературным фокусом был для них церковнославянский язык. Это была своего рода униформа для всех народных наречий, освобождавшая как писателя, так и читателей от непосредственного знакомства с этими наречиями, мало того — рассчитанная не на одну Русь, но и на других славян греческого исповедания»⁵. Защита и пропаганда славянорусского языка была формой борьбы против католицизма и его латинизированной схоластики.

Захария Копыстенский, возражая против пропаганды латинского языка, писал, что латинский язык неудовлетворителен и недостаточен; зато «...той славенский язык есть знаменит, которого Иафет и его поколѣнье уживало: широко и далеко ся ростиаго, и славный был: для чего от славны славенским названный ест: заж бо всѣм не славный ест, гды от заходу Бѣлого моря и Венецких и Рымских ся тыкает границ, а от полудня з Грецією в сусѣдствѣ и в братерствѣ живет: на востод зѣсь солнца над Чорным морем до Персіи притагает, а у Ледовитого моря ся опирает»⁶. Однако церковнославянский язык XVII в. во многом отличался от языка памятников старой письменности, например Остромирова евангелия и т. п. Он вобрал в себя элементы лексики и фразеологии живого народного языка, а также многие слова польского и латинского языков, которые были распространены в школе и в литературе; не оставались без изменений также фонетика, морфология и синтаксис. Наличие элементов живого народного языка в церковнославянском языке XVI—XVII вв. было настолько значительным, что этот язык называли уже славянорусским или, в некоторых случаях, славяномалорусским. Кроме этого стихийного проникновения элементов народного языка, имели место все учащавшиеся попытки перевода текстов церковнославянских памятников на «простой» язык, который был в то время ближе всего к народному языку.

Попытки перевода (переработки) произведений славянорусской письменности на украинский («южнорусский», «малорусский») язык были еще в XV в. Сначала это были вольные переводы конфессиональных памятников, предназначенных для провозглашения: житий святых, легенд, поучительных и прадничных слов (например, в «Четье» 1489 г. и в «Измарагде» XV в.). С XVI в. эти переработки распространяются на «священное писание» и богослужебные книги.

Выдающимся явлением в этой области был перевод Пересопницкого евангелия (1556—1561) с «языка бльгарского на мову рускую», т. е. на «простой» украинский язык с заметными элементами языка белорусского⁷.

⁵ П. Ж и т е ц к и й, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII веке, стр. 3.

⁶ С. Г о л у б е в, История Киевской духовной академии, вып. 1, Киев, 1886, стр. 182. Здесь, как и в последующих старых текстах, допускаем упрощение в графической их передаче, опуская ъ в конце слов, а также ь в случаях, когда он не обозначает смягчения конечного согласного.

⁷ См. П. Ж и т е ц к и й, Описание Пересопницкой рукописи XVI в., Киев, 1876.

К этому же типу памятников относятся так называемые «учительные евангелия», например, евангелие Почаевской лавры XVI в., а также евангелие Негалевого 1581 г. и другие, менее известные. Все эти памятники переведены так называемым «простым языком», т. е., по словам В. Перетца, «...тем своеобразным языком образованных украинцев и белорусов, который возник и сформировался на протяжении XVI в. и в конце его стал общепризнанным для выражения богословской и научной мысли и вообще понятий и дум культурных слоев южной и западной Руси»⁸. Для характеристики этих переводов-переработок приведем пример перевода синаксаря из «Триоди Постной», оскущенного в киево-печерской типографии в 1627 г.; переводчиком считается печерский типограф Тарас Земка, а «справщиком» — знаменитый лексикограф XVI в. Памва Беринда.

Московское издание «Триоди Постной», 1589 г., л. 158 об.

«Юліану преступнику по Коньстантіи великого Константина снѣ (л. 159) хоругви царствія удержавшу и от Христа ко идоложерству предложуся, гоненіе на христіяны воздвиге велико, явѣ же вкупѣ и не явленнѣ. Отрек убо алочестивый еже мучити суровѣ. вкупѣ же і объявлено безчеловѣчьнѣ тако искушати христіяны. стыдися убо и обзирая да не прилагаютя мнѣжайшии. сокровенне явѣ како осквернити их лъстивый неподобѣ умысли».

Перевод, сделанный в киево-печерской типографии, 1627 г., стр. 272.

«Гды Юліан преступник по Константіи, великого Константина снѣ скипетра царства одѣржал и от Христа до балвохвалства перешол и отступил преслѣдоване на христіяны барзо великое повстало и почѣлося явне, посполу и потаемне. Нехотячи тѣды незбожикъ оный мучити тяжко, так же теж и откупил досвѣтчати христіан веты даючыся, к тому и обавляючыся, жебы более вѣрных не приывало, потаемне ся зрадливыи и непобожный радил, яко бы их могли посквернити и опоганити»⁹.

Как видно, переводчик совершенно изменял синтаксическую структуру оригинала, вводя синтаксические конструкции живого разговорного языка, который был основой книжного украинского языка того времени. Например, тяжелая конструкция с дательным самостоятельным передается конструкцией с начальным придаточным предложением с союзом, с главным сказуемым и с ясно выделяемым главным предложением.

Интересны также лексические замены: *удержавшу — одѣржал; гонение ... воздвиге велико — преслѣдоване... великое повстало; явѣ же вкупѣ и не явленнѣ — и почѣлося явне, посполу и потаемне; отрек убо — нехотячи...* и т. п.

Переводчик, как видим, вводит и полонизмы (*барзо, гды, теды, балвохвалство* и т. п.), которые были свойственны украинскому литературному языку того времени так же, как и многие украинизмы — польскому языку¹⁰. Таким образом, в результате этого перевода-переработки перед нами возникает памятник церковного жанра, написанный на украинском литературном языке XVI—XVII вв.

Из многочисленных рукописных учительных евангелий обращает на себя внимание мало упоминаемое в литературе учительное евангелие Симеона Тимофеевича¹¹. Этот памятник дает яркое представление об общих

⁸ В. Н. Перетц, Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков, III («Сборник по русскому языку и словесности», т. I, вып. 3), Л., 1929, стр. 22.

⁹ Пример взят из указанной книги В. Н. Перетца, стр. 38—39.

¹⁰ См. П. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII веке, стр. 43—44.

¹¹ Это евангелие имеет следующее название: «Наука христіанская 3 Евгліи аборѣтѣв злобная; в кождую недѣлю и празникъ Господскія и бжогявленія; на увѣсь аѣльый рокъ. Барзо прѣстою мѣвою и диялѣктом. иж и напрѣстѣйшому челоувѣковѣ

тенденциях развития украинского литературного языка в конце XVI и в XVII в. Значительный интерес представляют теоретические позиции Симеона Тимофеевича, изложенные им в предисловии под названием: «Мова в книгу сію ласкавою чителнику». Доказывая необходимость говорить с церковной кафедры «простою барзо мовою», Симеон Тимофеевич подчеркивает, что «ширбкая а узловáтая мова рѣдкїй пожиток члку принѣсит, але прѣстая и короткая, а до тогѣ з вырозумѣньем одкрѣтая мова в прудком часѣ всѣ обширныя аргуméнта и завыхляныя мѣвы загѣртует, и двомá або тромá слѣвы короткими барзо много слѣв мѣжет в собѣ замкнути...» (2-й лист рукописи).

Исследователи полагают, что Симеон Тимофеевич был воспитанником Киево-могилянской коллегии, т. е. человеком высокообразованным. Приведенное высказывание его дает основание утверждать, что он был представителем той группы демократически настроенных образованных людей своего времени, которые понимали, что славянорусский язык с его традициями сложного и тяжелого для понимания выражения, с его «многоглаголанием» нуждался в обновлении не только в области лексики, но и в области синтаксического строя и образно-выразительных средств. В меру своих возможностей эти люди и работали над усовершенствованием литературного языка. Движение это было настолько популярным, что появились голоса, предостерегающие против упрощения славянорусского языка, призывающие сохранять его традиционный характер. Так, даже Иван Вишенский требовал: «Евангелія и апостола в церкви на литургии простым языком не выворочайте; по литургии же, для вырозумѣнья людского, попросту толкуйте и выкладайте»¹².

Однако, как известно, в своей собственной языковой практике Иван Вишенский прибегал к выразительным средствам лексики и фразеологии «простого языка» не только для «вырозумѣнья людского», но и в посланиях, в полемических произведениях, направленных против «князей» католической и униатской церкви, полемика с которыми требовала совершенного знания литературного славянорусского языка, а также языка польского, латинского, греческого. В языке Ивана Вишенского переплетались черты стилей публицистического, богословско-аскетического, поэтического, просторечного и книжного. Стремительная, динамическая его речь была насыщена риторическими вопросами и восклицаниями, эмоциональными повторами, конкретизированными и метафорическими обращениями, фигурами антитез-сопоставлений. Примером концентрации такого типа языковых средств может служить «Послание к епископам» (униатам). Обращения к епископам-перебежчикам носят характер то саркастической метафоры («о згуду вяжучи»), то конкретного обличения («лживыи бискупи»); они влетают в ряды риторически вопросительных и восклицательных.

свѣдно повѣтая ...Зложылося... многогрѣшным и велице недостоѣйным слугѣю слуг христовых Семіѣом Тимофѣевичем: сщеником на тот час Решетилѣвским трактору Полтавского... року 1670». Евангелие Симеона Тимофеевича представляет собой большую рукопись, написанную частично полууставом, а в основном — скорописью второй половины XVII в.; оно хранится в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки АН УССР в Киеве. См. о нем Н. И. Петров, Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков, Киев, 1911, стр. 30—32. В работе «О переводах Евангелия на малорусский язык» («Известия Отд. рус. языка и словесности Имп. акад. наук», т. X, кн. IV, СПб., 1905, стр. 1—65) П. Житецкий приводит сравнение текстов перевода «Притчи о блудном сыне» в Пересопницком евангелии (1556—1561), в учительном евангелии XVI в. (по рукописи Почаевской лавры), в учительных евангелиях 1604, 1637 гг. и, наконец, в учительном евангелии Симеона Тимофеевича 1670 г., в котором наиболее выразительно обнаруживается переработка.

¹² Иоанн Вишенский, Послание ко князю Василію Острожскому..., «Акты, относящиеся к истории южной и западной России», т. II, СПб., 1865, стр. 210.

цательных предложений, усиливая анафорические зачины фраз и целых периодов¹³.

Для языка Ивана Вишенского характерно употребление широких антигез-параллелизмов, которые дают ему возможность построить в одном предложении резкое противопоставление.

Лексико-фразеологические средства языка Ивана Вишенского выходили за пределы славянорусского языка, расширяясь за счет украинской устно-разговорной, просторечной лексики, особенно эмоциональной, но частично и терминологической; яркий пласт в лексике писателя представляют его неологизмы — глагольные образования от имен существительных и необычные сложные слова. Приведем несколько примеров: «брата своего ...хлопаєте, кожемякаєте, сѣделникаєте...»; «...чирвонных золотых в руку *тыць*..., овому *тыць* и сему *тыць*, а писаредрачѣ юж не бракують, и потройники з грошами берутъ и деруть»; из разговорной лексики: *потилиця, чобот, черевичище, горілка, барило, сіромаха* и т. п.; примеры сложных слов: *скачомудрець; грошовладатель; богочревиці; писародрач; крово-, мясо-, воло-, ското-, звѣро-, свино-, сластно-, масло-, пирогонд; перино-, мяко-, подушкоспал; кровопрагнитель; перцо-, шафрано-, имберолобець* и многие другие.

Язык Ивана Вишенского, безусловно, сыграл значительную роль в сближении традиционного славянорусского языка с языком народным, а языковые элементы его сатиры обогатили лексико-фразеологический фонд украинского языка.

Менее эмоциональна, но шире по объему лексика и фразеология другого известного полемического произведения — «Палинодія» Захарии Копыстенского (1621). Богатая и разнообразная топонимическая, ономастическая, научная лексика свидетельствует не только о богословской, но и об исторической, юридической, философской образованности автора. В предисловии к «Палинодія» Захария Копыстенский помещает «Каталог книг учителей, которых ся до тоей книги уживано»; этот каталог-библиография, размещенный в порядке алфавита, содержит в себе свыше 100 названий. Стиль произведения — повествовательно-дидактический, ровный, но местами переходит в патетические или в сатирические тона, особенно там, где автор обличает притеснение и угнетение «росского» народа светскими и духовными шляхетскими вельможами. События украинской истории он связывает с событиями в жизни России, подчеркивая этим идею единства восточнославянских народов.

Язык Захарии Копыстенского показывает не только его высокую эрудицию, но и то, что он не чуждался народной пословицы, сравнения:

«А што ся римляне хвалят наукою тогосвѣтною — чужим перьем хваляться“, „в чужом плацу напинаются!“ Грекии то суть мудрости — Платонова и Аристотелева и иных философов грецких мудрость, отчасти им удѣлена!..»

Говоря о заимствованиях из западных наук, Копыстенский четко определяет характер и цель этих заимствований: «... отбираемо з ростропностью, еднак смѣте отмѣтуемо, а зерно беремо, уголе зоставуемо, а золото виймуемо...»¹⁴.

Стилистические средства его повествования разнообразны; от языка ученого трактата он переходит к своеобразному просторечию:

¹³ См. «Хрестоматія давньої української літератури», 2-е вид., упорядк. О. І. Білецький, Киев, «Рад. школа», 1952, стр. 117—121.

¹⁴ Захарія Копыстенский, Палинодія [1621 г.], «Памятники полемической литературы в Западной Руси», кн. 1 («Русская историческая библиотека, изд. Археограф. комиссия», т. IV), Пб., 1878, стр. 900—901.

«Але ово, як на лихо, от кого было замыкати, тому ключи вручили! Отец патриарх, як чоловік ширый, лисови тому хитрому лацно увѣрил... Той жарт взяв Терлецкого за серце... як бы ся з того жарту был вывертѣл»¹⁵.

Интересен прием введения в авторское повествование диалогизированной новеллы, например: «Розмовы Стефана короля з князем Острогским, воеводою Киевским» и др.

Среди фразеологических средств богословского и научно-публицистического трактата нередко встречаются народные украинские фразеологизмы: «Не все те перун, що з Риму гримить; Чужим пір'ям хваляться; У живого мужа жінки намісник не буває; Але то очам їх сіль; Так щастить йому, як голому в кропиві» и т. п.

В богословском трактате Кирилла Транквилиона Ставровецкого «Зерцало богословия» (изд. 1618, 1692 гг.) есть места, в которых излагаются взгляды автора на окружающий его материальный мир; изложение это ведется научным языком XVI—XVII вв. Например:

[Об элементах]—«Подобает же вѣдати о елементѣх, яко не суть равны: едины бо вѣм легкого и сущельного естества, яко огонь и воздух; други же тяжшего и грубшего, яко вода и земля... [О водах]—Раздѣляют же ся воды моря окіяньского на одни и езера, и на малыи моря, на рѣки и на жрудла, которіи от камени и от землѣ исходят. А иж вода морская слана ест и горка, повѣдають нѣкоторіи философи: длі того ест такова, поневаж много стоит на одном мѣстѣ непоступна и недвижима...»¹⁶

Заметьно, что в языке этого произведения нет выразительной тенденции сближения с языком народным. Наоборот, как видим, автор употребляет даже не старорусские формы, а старославянские, например *езеро* и другие. В предисловии к своему трактату Ставровецкий объясняет, почему он употребляет церковнославянскую лексику: «Вѣдай и то, ласкавий чителнику, для чого покладалося в той книзѣ простый язык и словенскій, а не все попросту. Та причина ест: по словенскій ся клали слова богословцов и доводы писма святаго. А другое, иж слова нѣкоторіи словенського языку трудны на простый язык также нелацно понятыи, яко то „качество“, або „якости“ попросту»¹⁷.

Тенденция к сохранению славянорусской основы книжной речи и расширению ее возможностей за счет так называемого «простого» языка характерна в XVI—XVII вв. и для художественной литературы — стихотворений и драматических диалогов: чем «жизненнее», конкретнее была тема такого произведения, тем больше в нем было элементов устно-разговорной лексики и фразеологии; однако они проникали и в произведения с отвлеченной, абстрактной тематикой.

Можно сказать, что язык стихотворной и драматической литературы этого времени представляет собой синтез элементов славянорусского и книжного украинского языка; именно в этих жанрах быстрее всего вырабатывались тенденции к широкому употреблению «простого» языка, отчетливо оформившиеся в языке произведений Я. Гаватовича, И. Некрашевича, М. Довгалевского.

Язык художественных произведений украинской литературы XVI—XVII вв. представляет собой стилистически пеструю картину. Например, язык «Ляменту о утрапеню мещан острожких...» не может быть отнесен

¹⁵ Захария Копыстенский, указ. соч., стр. 1060—1061.

¹⁶ «Хрестоматія давньої української літератури», стр. 145.

¹⁷ Там же, стр. 145—146.

ни к собственно славянорусскому, ни к книжному украинскому: он соединяет черты обоих и широко пользуется народной лексикой.

Характеризуя язык Ивана Вишенского, Иван Франко писал, что этот язык представляет собой «безмерно интересный образ... того хаотического состояния, в котором находился наш язык в начале своей литературной карьеры, освобождаясь из объятий церковщины»¹⁸. Это высказывание требует комментариев. Следует подчеркнуть, что, «освобождаясь из объятий» славянорусского языка, украинский книжный литературный язык не находился в антагонистических противоречиях с ним. Нельзя недооценивать значения славянорусского языка в формировании украинского литературного языка XVI—XVII вв. Собственно говоря, славянорусский язык был частью украинского литературного языка той эпохи, а определенная упорядоченность славянорусского языка, наличие «словенских» грамматик служили основой и для книжного украинского литературного языка.

Известно, что в лексике и в синтаксисе книжного украинского литературного языка того времени были и элементы польского языка. Распространению их, ассимиляторским стремлениям польской шляхты твердо противостоял живой язык украинского народа; в этом противоборстве большую помощь украинскому языку оказывал славянорусский язык. Значение славянорусского языка состояло также и в том, что он был понятен всем восточным славянам — русским, украинцам, белорусам. О знаменитой грамматике Мелетия Смотрицкого (1619) Житецкий писал: «...помимо сознания самого Смотрицкого, церковнославянский язык, представленный в его грамматике, сближен был с общими свойствами русских наречий. Писатели малорусские, старавшиеся усвоить этот язык, охотно брали из богослужебных книг церковнославянские буквы, не соответствовавшие русским звукам, не менее охотно брали церковнославянские формы, чуждые русским наречиям, но не отказывались и от некоторых особенностей живой речи, если только она совпадала с книжной речью, хотя бы эти особенности составляли исключительную принадлежность того или другого русского наречия»¹⁹.

Как известно, грамматика Мелетия Смотрицкого сыграла большую роль в развитии грамматической науки всех восточных славян. Она вышла из школьного употребления только после появления «Российской грамматики» М. В. Ломоносова и до сих пор остается выдающимся памятником филологической науки. Грамматика Смотрицкого была, конечно, известна всем украинским писателям XVII в., представителям и конфессиональных, и светских стилей литературного языка. «После появления грамматики Мелетия Смотрицкого,— отмечает П. Житецкий,— сделалось возможным прочное взаимодействие между речью книжною — славянорусскою и народною. Плодом этого взаимодействия была книжная малорусская речь, которая должна была удовлетворять как людей более книжных своею грамматическою правильностью, так и людей менее книжных своею общедоступностью»²⁰.

Книжный украинский язык, обслуживая разнообразные потребности в областях государственно-деловой, юридической, научной и других, на много шире и свободнее, чем славянорусский, вбирал в себя черты словаря и грамматики живого языка украинского народа. Будучи исторически связан с деловыми стилями старорусского литературного языка периода Киевской Руси, подвергаясь влиянию славянорусского языка и приобретая, в условиях формирования украинской народности,

¹⁸ И. Франко, Иван Вишенский і його твори, Львів, 1895, стр. 498.

¹⁹ П. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII веке, стр. 26—27.

²⁰ Там же, стр. 40.

новые черты, отчетливо отражавшие явления живого языка украинского народа, так называемый книжный украинский язык XVI — XVII вв. нашел широкое применение в украинской летописной, исторической литературе, разного рода деловых документах (грамоты, универсалы и т. п.), а также в хрониках, переписке, дневниках. Язык этой многообразной литературы изучен еще недостаточно, хотя он и представляет собой исключительно ценный материал для историка украинского литературного языка как в отношении своего лексического состава, фразеологического фонда, так и в отношении построения фразы.

Если в произведениях Ивана Вишенского, Захарии Копыстенского и в других полемических сочинениях наблюдаются лишь элементы народной лексики, фразеологии, синтаксических конструкций разговорного украинского языка, то о языке произведений летописной, исторической литературы, деловых документов можно говорить уже как о приближающемся к источникам устного народного языка. Об этом приближении свидетельствует, например, любая страница Киевской (Львовской) летописи начала XVII в. Эта летопись была написана, как считают историки, Михаилом Гунашевским, который некоторое время жил в Межигорском монастыре под Киевом, был свидетелем восстания украинского народа против поляков в 1630 г., затем служил в канцелярии Богдана Хмельницкого.

Приведем отрывки из записи под годом 1630:

«Гетман Конецполскій ходил за Дибір козаков зносити. Людей много стратил и сам ледве ся вынѣс; але предди гарматы им зоставил и познал що козаки!

...Пришедши в вечер на мѣстечко, на монастир хтели вдарити, и ударили были; леч козаки не подалѣку были, а до того оуслышали звонів великих квалт, вернулись тыѣ, опановали монастир и нѣмцов одразили. На завтре знову. Нѣмци штурмовали до монастира, кулѣ с кобыл на церков падали: гдѣ шѣ за страх был, хто выловѣсть!

На третій дѣнь, тыж нѣмци Іерданскіи под Кіевским монастирем пошарпали, и до Межигорского монастиря хтели штурмовати, леч ся чернци постерегли и забѣжали тому. Щѣж розумѣете, в яком мы страху были? Же юж в козацким монастиру, на который вшитки зубами скреготали...»²¹

Как видим, в языке летописи есть элементы польской лексики (*вшитки, юж, союзы же, жеби* и др.), но основу его составляет разговорный украинский язык. Почти каждая фраза летописи содержит конструкции, характерные для устной украинской речи: восклицательные предложения, словосочетания фразеологического характера, устно-разговорные эллиптические конструкции и др. Значительная часть предложений свободна от польско-латинской конструкции с вынесением глагола-сказуемого в конец предложения.

Сходной по стилю, словарю и грамматическим чертам является другая Киевская летопись (первая четверть XVII в.), связанная с именем Божка (Богдана) Балыки²²; она написана образным, ярким языком.

Близок к языку этих летописей (хотя и обладает меньшим количеством устно-разговорных черт) язык исторической повести «Сказание о Мамае-

²¹ «Львовская русская летопись», в кн. «Русский исторический сборник, издаваемый обществом истории и древностей российских», ред. проф. Погодин, т. III, кн. 3, М., 1839, стр. 239, 244—245.

²² Киевская летопись, в кн. «Сборник летописей, относящихся к истории южной и западной Руси...», Киев, 1888, стр. 71—92.

вом побоище», представляющей собой образец перевода-переработки украинским писателем начала XVII в. известного произведения братской русской литературы; целью этого перевода было рассказать об освободительной борьбе русских против захватчиков-татар, имевшей большое значение и для украинского народа. Язык перевода-переработки свидетельствует о широком использовании украинского книжного языка в историческом жанре,

«Глава 9... В празник Рождества пресвятой Бѣы, третей години на день справившися, почали обои войска трубити на войну. Рускии трубы гримѣли, а татарскии як онемѣли²³. Еще не вышлись з собою, бо мѣгла была. А великий кнѣзь Димитрий, ѣздячи на своем выборном конѣ, укреплял свое войско и мовил з слезами: Не страшѣтеся за свѣтые церкви и за вѣру хрѣстианскую и за отчизну милую, голов своих класти не шадѣте.— Так укрьпивши, подѣхал под свою чорную короков и, зсѣбвши з своего коня, зложил з себе царскую одежду, възсѣл на иного коня и в иншую одежду одѣваясь²⁴.

С. К. Шамбинаго считает, что эта «западнорусская» переработка-перевод отвечает третьей редакции «Сказания о Мамаевом побоище»²⁵. Сравнение языка переработки с языком третьей редакции «Сказания» даст нам представление об отличиях книжного русского и украинского языков в историческом жанре начала XVII в. Приведем соответствующий отрывок из третьей редакции:

«Наставшу ж второму часу дни, и почаша гѣси трубнии обоих плѣков снѣматися, татарскыя ж трубы яко онемѣша, а рускиа трубы паче утврѣдшаѣ. Плѣкы ж еще не видятя, занеж оутро мгляно...

Великому ж кнѣзю пресѣдаюшу на избранный конь, ѣздя по плѣком и глѣше от великыа горести ѣрдца своего, слезы, аки рѣка течаше от очию его: Оци и братіа моа, Гѣ ради подвизайтеся и стѣх ради црквей и вѣры ради хрѣтианскыа, сіа бо смерть нам нѣб нѣ смѣртъ, нѣ живот вѣчный, и ничто ж. братіе, земнаго помышляйте, но оуклонимся убо, да вѣици побѣдными оувяземся от Ха Бѣа и Сѣса дшам нашим.— Оутврѣд ж плѣкы и паки приде под свое знамя черное и ссѣде с коня и на ин конь всяде и сѣвлече с себя приволоку црѣскую и в ину облечеса²⁶.

Сравнение показывает, что русский текст сохраняет больше церковнославянских форм как в лексике (*слезы, аки рѣка течаше от очию его; смерть нам ныне нѣсть смерть, но живот вѣчный* и др.), так и в грамматическом строе (ср. обороты с дательным самостоятельным, которыми начинаются оба абзаца и др.); украинский текст обнаруживает тенденцию к замене церковнославянизмов элементами живого языка.

Таким образом, язык летописей, исторических повестей, деловых документов XVII в. отражает приближение письменного языка к народно-разговорному. Но это было только приближение. Хотя грамматическая

²³ Вариант *онѣмили*.

²⁴ «Книга о побоищи Мамае, даря татарского, от князя Владимирского и Московского Димитрия» — см.: С. Ш а м б и н а г о, Повести о Мамаевом побоище («Сборник Отд-ния рус. языка и словесности Имп. акад. наук», т. LXXXI, № 7), СПб., 1906, стр. 183—184 второй пагинации; «Хрестоматія давньої української літератури», стр. 94.

²⁵ См. С. Ш а м б и н а г о, Повести о Мамаевом побоище, стр. 365 первой пагинации.

²⁶ Там же, стр. 62—63.

система и словарный состав этого языка, в основе своей восточнославянские, старорусские, и были близки к народному украинскому языку, хотя под влиянием разговорной речи в книжном языке постоянно происходили процессы преобразования, все же нельзя сказать, что широкой основой украинского литературного языка XVI — первой половины XVII в. во всех его жанрах был разговорный язык украинского народа.

Живой разговорный язык украинского народа в XVI—XVII вв., как и в XIV—XV вв., нашел в письменном языке лишь частичное свое отражение. Зато богатство его лексики и фразеологии, образные средства выражения ярко отразились в высоких образцах народного творчества, в эпосе — в исторических думах, стихотворениях и поэмах, в лирических песнях, социально-бытовых диалогах, пословицах, поговорках и т. п. К сожалению, до нас дошло очень мало ранних записей произведений народного творчества; имеющееся небольшое количество этих записей относится уже к концу XVI — началу XVII в. Но и это немногое может дать представление о высокой поэтичности выразительных средств языка украинского народа, о его лексике, фразеологии, грамматическом строе, т. е. о том народном языке, который пережил столетия и, непрерывно совершенствуясь и обогащаясь, сложился в новых условиях в язык украинской нации.

Образцами народного языка в его поэтически-песенном жанре могут служить народные песни. Вот отрывок из песни «Стефан воевода» (конец XVI в.):

Дунаю, Дунаю, чему смутен течеш?
 [Ой як же Дунаю смутному не теци,
 Що дно його точуть студені кришині,
 А по середині та рибоньки мутьяї],
 На версі Дунаю три роти ту стою...

Ср. также «Пісню про козака і Кулину» (начало XVI в.)²⁷.

Отражение живого народного языка этой эпохи наблюдаем также в интермедиях Я. Гаватовича, поставленных в Каменке-Струмиловой в 1619 г. Конечно, изучая язык этих интермедий, нужно помнить, что языковые средства отбирались здесь для создания комического эффекта; с этой целью автором могли быть использованы формы, для того времени уже архаические, провинциальные; вводились также польско-украинские макаронизмы, характерные для книжного языка, но не свойственные устной народной речи. Однако следует признать правильным вывод исследователя языка этих интермедий, что «хотя, не зафиксированный научно, язык интермедий и не дает точной картины всего богатства звуков и форм живого народного языка и может обнаруживать иногда даже ошибочные формы, он, нужно полагать, является документальной иллюстрацией надднепрянского говора начала XVII ст.»²⁸.

К началу XVII в. относится и выдающийся памятник восточнославянской лексикографии — «Лексікон славеноросскій, имен толькование...» Памвы Беринды (первое издание — 1627 г., второе — 1653 г.). Словник «Лексікона» составляют преимущественно церковнославянские и общерусские слова; в объяснительной части — слова преимущественно украинские, обилье с русским языком, а также польские, но есть и греческие, латинские, немецкие; приводятся также в некоторых случаях параллели из сербского, чешского и других славянских языков. Украинские

²⁷ «Хрестоматія давньої української літератури», стр. 149—150.

²⁸ Л. Л. Гумецька, Нариси з історії української мови, «Мовознавство» («Наукові записки» Ін-ту мовознавства ім. О. О. Потебні АН УРСР), т. X, Киев, 1952, стр. 111.

слова обозначаются терминами «росскій» и «русскій», один раз, при определении слова *пъвень*, употребляется термин «волынскій».

Наличие большого количества украинских, или, как их тогда называли, «простых» слов, в словаре Памвы Беринды свидетельствует об определенных установившихся традициях их использования в литературном языке. Словарь П. Беринды как бы подводит итог долголетней практике употребления в литературном языке разных категорий лексики — церковнославянской, общерусской, книжной украинской, а также слов белорусских и польских; состав словаря — свидетельство длительного взаимодействия и сложных взаимосвязей разговорного народного и письменного языка.

В «Лексіконе» Памвы Беринды отражены также фонетические и морфологические явления, в большей или меньшей степени свойственные письменным памятникам украинского литературного языка эпохи и свидетельствующие о влиянии живого народного языка на язык письменный. Например, в фонетике: смешение *ы* и *и* (*крык, давных, кривый, жолтяниця, крила, рибъ, язичок, гризуся*); новое *ъ* в именах существительных с суффиксом *-ень* (*колынъ, камынъ, зряжынъ, взложынъ*), с суффиксами *-ен, -ел* (*камънь, плотънь, коростъль, приятъль*); смешение *ъ* и *и*: *ъ* вместо *и* (*видънь* — *видыше; грубъли, свъцу*), *и* вместо *ъ*, хотя *и* не часто (*пострикатель, свидительством, разсмотривши, посмотривши*); переход *о* в *у* (*ю*) в закрытом слоге (*покуль, кувната, намот*); переход *е* в *у* (*ю*) (*юй, чужоземцюв, отсюль, в ний*); переход удлиненного *о* в *и*, отмечаемый редко (*оубир, кистка, биб*); смешение *у* и *в* (*врядом, оучинках*); употребление *дж* (из ст.-слав. *dj*) (*рджу, шкобжу, доводжу*); употребление *ждж* (из ст.-слав. *zđj, zđj* и *zđ*) (*дрождждь, наждждаю*); иногда употребление *х* вместо *к* (*хто, нъхто, перехретье*); переход *л* в *в* в конце слога перед согласным (*вовна, довготерпячий, шовку, довбаю*). В морфологии: в основах на *о* мужского рода в родительном падеже единственного числа чередуются окончания *а* и *у*; в дательном падеже — *-у, -ови, -еви* и т. д.; в глагольных формах — в первом лице множественного числа настоящего времени чаще всего *-мо* (*мовимо, чинимо*), во втором лице *-те*; причастия настоящего времени на *-чий* (*будучий, чинячий*), изредка на *-ций*; деепричастия настоящего времени на *-чи* (*даруючи, мовячи, чинячи*), изредка на *-а* (*терпя, видя, баца*)²⁹.

Такова в общих чертах характеристика состояния украинского литературного языка в XVI — первой половине XVII в. Хотя этот язык и был пестрым, хотя в его развитии были глубокие противоречия, однако он в свою эпоху выполнял важную социальную функцию: он был орудием борьбы против агрессивных намерений польской шляхты и Ватикана, стремившихся уничтожить украинскую культуру и язык. Имея выдающиеся образцы полемической, летописной, исторической, художественной литературы, деловых документов, этот язык жил и находил отклик и поддержку не только у украинского народа, но и у всего восточного славянства. Нужно решительно отвергнуть старое и неверное мнение, будто бы в конце XVI в. «употребление „русского“ языка в литературных делах стало признаком плохого тона и старый „русский“ язык скоро ушел в забвение»³⁰, уступая место польскому языку.

Наличие значительной и богатой жанрами литературы на «русском» языке в XVI—XVII вв. опровергает это утверждение. Тот факт, что в

²⁹ Подробное описание см. в статье: З. М. Веселовська, Мова «Лексікону» Памви Беринди («Записки історично-філологічного відділу АН УРСР», кн. XIII—XIV, Київ, 1927, стр. 311—339). Заметим, что, на наш взгляд, характеристика формирования украинского литературного языка XVI—XVII вв. в этой статье основывается на ошибочных методологических установках.

³⁰ «Мова І. Вишньського», «Рад. школа», Київ, 1948, стр. 4.

полемиической борьбе украинские деятели и писатели пользовались и польским языком, а также то, что на польский язык перешли перебежчики — некоторая часть украинской духовной и светской шляхты, не может преуменьшить роли и значения украинского литературного языка в эту эпоху. Не эти факты определили собою дальнейшие пути развития украинского литературного языка XVI—XVIII вв. Пути эти были определены глубокими историческими процессами формирования украинской нации.

Огромное значение для развития украинского языка имело историческое событие в жизни украинского народа — его воссоединение с великим русским народом в 1654 г.

II

Освободительная война украинского народа против польской шляхты и воссоединение его с великим русским народом в едином и могучем Российском государстве принесли украинскому народу спасение и открыли перед ним новые пути развития в неразрывном единении с братским русским народом и при его всесторонней поддержке. Историческое значение воссоединения «...для судеб украинского народа заключалось прежде всего в том, что, соединившись с Россией в рамках единого Российского государства, Украина была спасена от порабощения шляхетской Польшей и поглощения султанской Турцией.

Актом воссоединения украинский народ закрепил исторически сложившуюся тесную и неразрывную связь с русским народом, в лице которого он обрел великого союзника, верного друга и защитника в борьбе за свое социальное и национальное освобождение»³¹. В. Г. Белинский, оценивая в свое время значение этого события, писал: «Слившись навеки с единокровною ей Россиею, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке... Вместе с Россиею ей предстоит теперь великая будущность...»³²

Воссоединение Украины с Россией имело огромное историческое значение и для развития украинского литературного языка. Польско-шляхетское государство, угнетавшее украинский народ на протяжении нескольких столетий, разрушало культуру украинского народа, уничтожало его школы, стремилось ассимилировать украинский язык. Иезуитской схоластикой, латинской мертвой догмой, сковывавшей творческие возможности развития самого польского литературного языка, порабитители старались разрушить украинский литературный язык; они причинили ему много вреда, засорив польской лексикой, чуждыми фразеологическими и синтаксическими оборотами.

Конечно, речь здесь идет не о языковых заимствованиях из польского языка в украинский или из украинского в польский, совершавшихся естественным путем, т. е. вследствие общения соседних славянских народов. Украинские заимствования в польском языке, как и польские в украинском, нашли свое отражение в литературах обоих народов. В. Н. Перетц замечает, что «поляки XVII века охотно заносили в свои записные книжки, сборники выписок и заметок также и произведения малорусского творчества», что «образованные поляки XVII ст. не чуждались малорусской литературы».³³

³¹ «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.)», «Правда» 12 I 54.

³² В. Г. Белинский, Избранные философские сочинения, т. I, Госполитиздат, 1948, стр. 519.

³³ «Малорусские вирши в польских рукописных сборниках XVII—XVIII вв.», в кн. В. Н. Перетца «Историко-литературные исследования и материалы», т. I, СПб., 1900, стр. 93

Воссоединение Украины с Россией положило конец агрессивным стремлениям польской шляхты ассимилировать украинский язык, создало условия для очищения украинского литературного языка от латинопольских конструкций и обеспечило ему возможности развития в братской семье восточнославянских языков под влиянием растущей русской прогрессивной культуры и науки.

В освободительной борьбе против польской шляхты в 1648—1654 и последующие годы принимали активное участие культурные силы украинского народа. Особо нужно отметить участие в освободительной войне воспитанников Киево-могилянской коллегии, которая была в XVI—XVII вв. важным центром просвещения и науки. Преобразованная в 1631 г. Петром Могилой из Киево-братской школы³⁴ в заведение высшего ранга, Киево-могилянская коллегия на протяжении десятилетий принимала активное участие в борьбе против унии и католицизма. Петр Могила заботился о том, чтобы организация обучения в коллегии была на уровне европейской, в частности польской науки, чтобы воспитанники коллегии были в состоянии противостоять выученикам польских католических академий. В стенах коллегии работали и учились видные деятели эпохи: еще в период Киево-братской школы тут учился Богдан Хмельницкий; учились в коллегии Захария Копыстенский, Елисей Плетенецкий, Кирилл Транквилион Ставровецкий, Антоний Радивилловский и др.; преподавателями были Мелетий Смотрицкий, написавший тут свою грамматику, Иов Борецкий; выдающимися воспитанниками, а затем учителями коллегии были Иннокентий Гизель, Иоаникий Галатовский, Епифаний Славинецкий, Лазарь Баранович и другие. Обучение в коллегии велось на латинском, славяно-русском и польском языках. В коллегии было хорошо поставлено преподавание философии, богословия, риторики, пиитики; изучались латинский, славянский, греческий, польский языки (впоследствии Петр Могила отменил преподавание польского языка).

Киево-могилянская коллегия подвергалась жестоким преследованиям со стороны польской шляхты и католическо-иезуитских школ, которых в Киеве было немало; несколько раз коллегия совсем разрушалась польскими чиновниками и польским войском, но вновь и вновь поднималась и продолжала борьбу. С началом освободительной войны воспитанники коллегии устремились в войско Богдана Хмельницкого: «...сознание своих обязанностей к отечеству, невыразимые бедствия его, предсмертное слово Могилы, полные энергии, ума и воли универсалы Хмельницкого, наконец, возможность приобрести почетное название бравого козака — все это вместе влекло молодежь из мирной обители просвещения на поле брани, где решался великий вопрос: быть или не быть Малороссии»³⁵.

Киево-могилянская коллегия доказала свою верность союзу с братским русским народом и в то критическое время, когда изменник и предатель Выговский, нарушив присягу русскому государству, заключил с польской шляхтой так называемые «гадяцкие статьи» (1658). Зная большое влияние Киево-могилянской коллегии, ее авторитет на Украине и в России, желая привлечь ее на свою сторону подкупом, польская шляхта внесла в эти статьи пункт, которым коллегии предлагался статут академии наравне с краковской. Коллегия не приняла этой «милости»³⁶. Получив права и статут академии от Российской державы в 1701 г. (грамота Петра I), Киево-могилянская коллегия (Киевская академия) начала

³⁴ Основана по одним данным в 1589 г., по другим — в 1615 г. См. С. Голубев, указ. соч., стр. 7.

³⁵ В. Аскоченский, Киев с древнейшим его училищем Академиею, ч. I, Киев, 1856, стр. 177.

³⁶ См. там же, стр. 185—186.

энергично перестраивать свою работу, укрепляя свои традиционные связи с русской наукой и просвещением.

Дальнейшие пути развития украинского литературного языка определились участием в социальных событиях широких масс народа, пробуждением их к активной общественной жизни. Нужно было новое слово, способное отразить в литературе насущные потребности и стремления народа. Конечно, эти изменения в литературном языке произошли не сразу. В определенных жанрах (историко-мемуарная и ораторская публицистически-богословская проза, историческая «высокая» драма и некоторые другие) старый книжный литературный язык прочно удерживался и во второй половине XVII в. и в XVIII в., хотя и эти жанры преобразовывались и обновлялись под влиянием живого устного языка и образцов поэтического народного творчества. Этому процессу благоприятствовало общее приближение науки к жизни, все возрастающая роль в литературе и науке светских элементов.

Освободительная война 1648—1654 гг., воссоединение украинского народа с русским народом и дальнейшая совместная их борьба за судьбу Украины вызвали большой подъем народного поэтического творчества. Выдающиеся события того времени, подвиги героев воспевались в исторических думах и песнях, в разных преданиях и легендах. Язык дум и песен свидетельствует о его народно-поэтической основе. Примером может служить стихотворение о Желтоводской битве:

Висипався Хміль із міха
І вярбив ляхам ліха,
Показав ім розуму,
Вивернув дідчу думу...³⁷

Ср. также язык стихотворения о пленении Потоцких под Желтыми Водами и Корсунем ³⁸.

Иногда язык стихотворения свидетельствует о книжной выучке его автора. Ср., например, «Плач российский»:

О боже мой милостивій!
взри на плач мой ревнивій.
Где бѣдница есть такая,
яз я Россія Малая?
Всѣ маткою называютъ,
а не всѣ за матку мають:
Другій хоше загубити,
в ложцѣ води утопити.
Бо чи треба горшой муки,
як подати ляхом в руки?³⁹

Во время войны и после воссоединения особенно возросло значение деловых стилей украинского литературного языка. Универсалы, письма, грамоты и другие документы полковников, сотников, представителей гетманской администрации, получавшие самое широкое распространение, в большинстве своем были рассчитаны на широкие массы. Поэтому, несмотря на наличие здесь обязательных канцелярских фразовых и лексических штампов, в этих документах, как и в летописях того времени, отмечается сильная струя народного разговорного языка. Таков язык писем Богдана Хмельницкого и документов государственно-дипломатического характера. Вот, например, отрывок из письма к царю Алексею Михайловичу от 8 июня 1648 г.

³⁷ «Хрестоматія давньої української літератури», стр. 200.

³⁸ См. там же, стр. 200—201.

³⁹ Там же, стр. 202—203.

«...радостью пришло нам твою царскую велможность вѣдомым учинити о повоженю въри наше старожитной греческой, за которую з давних часов и за волности свои, криваве заслужоние, от королей давних надание, помираем и до тех час от безбожных ариянь покою не маем... Которую яму под нами были викопали, сами в ню ся обвалили, же двѣ войска з великими таборами их помог нам Господь Бог опановати и трох гетьманов живдем взяти... Зычили быхмо собѣ самодержця господаря такого в своей земли, яко ваша царская велможность православный хрестиянский цар...»⁴⁰

Несмотря на наличие полонизмов и книжных конструкций, язык этого письма отражает народный украинский язык как в лексике, так и в фразеологии.

В письмах Богдана Хмельницкого к полковникам за традиционным — как в универсалах — началом следует текст в непринужденном стиле частного письма, с более свободным, чем в других документах, словопорядком и словоупотреблением, с эмоционально окрашенной лексикой. Характерна общая тенденция универсалов Богдана Хмельницкого к освобождению от полонизмов.

Естественно, что языковые нормы канцелярии Богдана Хмельницкого принимались в полковых и других канцеляриях. Подтверждением этому являются любые полковые документы, например, универсал киевского полковника Василия Дворецкого от 12 мая 1660 г.⁴¹, универсал черниговского полковника Якова Лизогуба⁴², оба касающиеся вопросов общественного благоустройства в послевоенный период. Характерным признаком языка этих документов является «унизывание» ряда предложений в порядке сочинения и подчинения; однако это не ведет к нарушению логического развертывания мысли и к затемнению содержания предложения. Л. А. Булаховский, исследовавший синтаксис украинского литературного языка XVI—XVII вв., заметил, что «при всей чрезвычайной развернутости украинской письменной фразы XVI—XVIII столетий, при сложности, так сказать, „многоэтажности“ ее, останавливает на себе внимание то, что даже продукты канцелярий тех времен — сугубо деловые документы — обнаруживают высокое совершенство своего синтаксического построения, если, разумеется, не принимать во внимание того, что выходило из-под пера малограмотных писарей захолустных канцелярий или случайных составителей разных челобитных и актов»⁴³.

Государственные и деловые документы, в языке которых отражена и общественно-политическая, и профессионально-терминологическая, и общеупотребительная, в частности и просторечная, лексика и фразеология, а также синтаксические конструкции разговорного языка, в значительной мере сближали письменный язык с общенародным разговорным языком.

По своему характеру и по своей роли в общей системе литературного языка к деловым стилям близок стиль летописания. Традиция летописания не прерывалась. Как в Киеве, так и в других городах, в разных монастырях составлялись летописи, ярко отразившие народный украинский язык. Примером может служить язык так называемой Хмельницкой летописи (вторая четверть XVII в.)⁴⁴.

⁴⁰ «Памятники, издаанные Киевскою комиссиею...», т. I, 2-е изд., Киев, 1898, стр. 219—220.

⁴¹ См. «Киевская старина», т. XI, апрель, Киев, 1885, стр. 744—745.

⁴² См. там же, март, стр. 541—542.

⁴³ Л. А. Булаховський, З історичних коментаріїв до української мови. Сполучники і сполучні групи (речення). Синтаксичні особливості при них, «Наукові записки Київ. ун-ту», т. V, вип. 2, Киев, 1946, стр. 71.

⁴⁴ Название происходит от города Хмельника, где летопись была написана.

Здесь, как и в других летописях, фиксируется живой народно-разговорный украинский язык, обработанный рукою мастера. Можно сказать, что некоторые места летописи по своему стилю напоминают художественно-историческую повесть с выразительными поэтическими фигурами, например:

«...и не дармо земля *тряслася*: *трясли* и *ляжи* козаков. На Украинѣ рѣчки зафарбовалися от кривѣ людскои, *повны* были болота трупы ляцкогo, а *повны* *пали* были трупы козацкого по мѣстах» (курсив мой. — И. Б.)⁴⁵.

Не утрачивал своего значения и славянорусский язык, на котором во второй половине XVII в. были написаны выдающиеся произведения историко-повествовательной, ораторской, художественной литературы (стихотворения и драмы). Однако и здесь распространялось употребление новой, «светской» общественно-публицистической, научно-терминологической лексики и фразеологии. Это определялось самой тематикой произведений, отражающих возросший интерес широких кругов общества к историческим событиям. К произведениям этого типа принадлежат, например, «Густинская летопись», написанная в 1670 г. иеромонахом Михаилом Лосицким⁴⁶, «Кройника з Лѣтописей староданных» Феодосия Сафоновича (вторая половина XVII в.) и связанный с ней «Синописис» Иннокентия Гизеля, впервые напечатанный в Киеве в 1674 г.⁴⁷ — популярная книга по родной истории, выдержавшая до 18 изданий и распространявшаяся в рукописных копиях в России и на Украине.

Заметное место среди других жанров во второй половине XVII в. занимала ораторская проза религиозно-публицистического характера. Здесь разъяснялось значение воссоединения Украины с Россией для спасения украинского народа, резко осуждалась иезуитско-католическая и турецко-татарская экспансия, направленная на порабощение украинского народа. Среди произведений этого жанра выделяются «Назання» Лазаря Барановича, собранные в книгах «Меч духовный» (1666) и «Трубы словес проповѣдных» (1674); «Ключ разумлѣный» (1659) и приложенный к этой книге при переиздании ее трактат «Наука, албо способ зложения казанья»; сборник религиозных рассказов «Небо новое» (1665, 1667, 1699) Иоанкия Галытовского; «Огородок...» (1676) и другие произведения Антония Радвильовского.

Как известно, авторы этих произведений были преподавателями Киево-могилянской академии, где ораторское искусство и в теоретико-учебном, и в практическом плане стояло очень высоко. В зависимости от предмета речи различались разные типы ораторских произведений (высший, средний и низший); ораторское искусство имело дифференцированные стили, или слог, например: цветущий, лаконичский, азиатский, плинвианский, сенеклианский, остроумный, аллегорический, ученый, исторический, ораторский, проповеднический, удивительный и другие⁴⁸.

Не удивительно, что в произведениях упомянутых авторов мы наблюдаем сложное словесное построение, изысканную орнаментацию, хитро-

⁴⁵ Хмельницкая летопись, в кн. «Лѣтопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложеніями», Киев, 1878, стр. 78.

⁴⁶ «Густинская летопись», в кн. «Поля. собр. рус. летописей», т. II, Прибавление к «Ипатьевской летописи», СПб., 1843, стр. 233—373.

⁴⁷ См. А. Рогозинский, «Кройника» Феодосия Сафоновича и ее отношение к «Киевскому Синописису» Иннокентия Гизеля, «Известия Отдѣния рус. языка и словесности Имп. акад. наук», т. XV, кн. 4, СПб., 1910, стр. 270—286.

⁴⁸ См. Н. Петров, О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 году, «Труды Киевской духовной академии», Киев, 1868, т. I, стр. 481.

умные аллегории, широкие сравнения, метафоры, анафоры, градации, сложную символику [ср., например, символику букв в имени *Марія* в произведении Д. Туптало «Руно орошенное» (1683)]⁴⁹. Однако нередко в ткань высокой ораторской прозы включались рассказы об исторических происшествиях, анекдоты, бытовые сценки, написанные более «реалистическим» языком, особенно со стороны лексики и фразеологии (ср., например, язык такого рода «новелл» в произведениях А. Радивиловского — о царе и двух дочерях, о купцах и т. п.)⁵⁰.

На славянорусском языке во второй половине XVII в. был создан также ряд религиозно-панегирических стихотворений и много школьных драм⁵¹. Со стороны языка особенно интересна драма об Алексее, человеке божьем (1673—1674): в бытовых сценах (например, с крестьянами, которые приносят молодым подарки) действующие лица говорят на народном украинском языке. Впоследствии эти бытовые сцены, разговор персонажей на народном языке получили широкое распространение в интермедиях, которые заняли важное место в драматической литературе эпохи и сыграли значительную роль в развитии литературного языка. Другой характерной чертой языка драмы об Алексее является употребление, наряду с польскими лексическими элементами, русских слов (например, в языке Евфимиана, отца Алексея). Это явление наблюдается также в драме XVIII в.

Таким образом, к концу XVIII в. народно-разговорный украинский язык все активнее проникает в разные сферы письменности. Противоречия между старой книжной формой литературного языка и потребностями письменного общения на общенародном языке все настойчивее требовали преобразования литературного языка. Это преобразование усилилось в XVIII в. под непосредственным влиянием русского языка и русской культуры.

После воссоединения с Россией Украина вступила на новый путь экономического и культурного развития. Тесные связи с Россией содействовали экономическому и культурному росту Украины. На украинскую культуру и науку огромное прогрессивное влияние оказывали передовые идеи, зарождавшиеся и распространявшиеся в России. Петровские реформы, ограничившие влияние церкви и стимулировавшие развитие естественных, математических и других наук, реформы школы и книгопечатания находили свой отклик и на Украине. Развития украинской науки и культуры не могли остановить ни тяжелый крепостнический гнет, ни национальное угнетение со стороны русского царизма.

В течение XVIII в., особенно во второй его половине, деятельность передовых русских ученых и писателей оказывала благотворное влияние на развитие общественной и научной мысли Украины; особенно большое значение имела деятельность М. В. Ломоносова. П. Житецкий писал, что сложные задачи упорядочения литературного языка «решил, как известно, Ломоносов, создатель нашего литературного языка, который служит органом умственной жизни для всех нас — людей Великой, Малой и Белой России»⁵². Теоретические установки и языковая практика Ломоносова открыли живому народному языку широкую дорогу в письменный язык. Характерно, что хотя Ломоносов отвел для языкового просторечия «низкий» стиль, сам он употреблял просторечие и в произведениях

⁴⁹ См. «Хрестоматія давньої української літератури», стр. 274.

⁵⁰ См. там же, стр. 273.

⁵¹ Со времени 1673 г. до 1795 г. сохранилось свыше двадцати текстов школьных драм, преимущественно религиозно-поучительного содержания.

⁵² П. И. Ж и т е ц к и й, Старинные воззрения русских людей на русский язык, «Киевская старина», т. IV, Киев, 1882, стр. 291.

«высокого» стиля. Еще больше вводили просторечие в «высокий» и «средний» стили последователи Ломоносова.

Научные и философские труды, литературные произведения М. В. Ломоносова глубоко изучались и практически использовались в Киевской академии, которая играла значительную роль в русско-украинских культурных связях еще в XVII в. Ряд видных преподавателей Академии, писателей и ораторов, например, Димитрий Ростовский (Дмитро Туптало), Стефан Яворский, а особенно Феофан Прокопович, деятельность которых была направлена на укрепление русско-украинских связей, подолгу жили в России. В самой Киевской академии постепенно менялся дух и направление обучения. Уже со второй половины XVII в. в классах пиитики и риторики упражнения выполнялись воспитанниками не только на латинском и польском, но и на так называемом «южнорусском» языке⁵³. На этот язык были в Академии переведены и некоторые богословские книги, например, катехизис В. Ясинского (1665)⁵⁴. С 1736 г. в пиитиках Академии как материал для упражнений появляются стихотворения на русском языке⁵⁵. С середины XVIII в. в Академии уже преподавались русская риторика и поэзия. При преподавании просодии опирались на теоретические положения и на литературные произведения Феофана Прокоповича и М. В. Ломоносова⁵⁶. Поэмы Горация переводились — и стихами, и прозой — на русский язык⁵⁷. Оды Ломоносова, Кантемира, Сумарокова, Хераскова, Петрова, Майкова стали рассматриваться в Киевской академии как образцы⁵⁸; они принимались за образцы и киевскими поэтами. Примером могут служить стихотворения М. Козачинского по случаю прибытия в Киев царицы Елизаветы (1744), написанные на русском языке с выразительными украинизмами («Як не можно *Вси* не ложно считать звѣзды в горѣ; Трудно знати и поняти, Скільки воды в морѣ») ⁵⁹. Гимны Ириней Фальковского по своему стилю сходны с одами М. В. Ломоносова⁶⁰.

С середины XVIII в. в Киевской академии вводится преподавание русского языка. Большую роль здесь сыграла деятельность ректора Самуила Миславского (период ректорства 1759—1768 гг.). Хорошо зная русский язык и литературу, С. Миславский высоко ценил научную и литературную деятельность М. В. Ломоносова и предлагал воспитанникам Академии учить его оды наизусть, а преподавателям советовал вместе с учениками упражняться в составлении стихотворений на русском языке по образцам Ломоносова и других русских поэтов, чтобы достичь «остроты в эпиграммах, нежности в мадригалах, простоты в баснях, удовольствия в песнях, страдания в элегиях, искренности в сатире, восторга в оде, ужаса и жалости в трагедии, смеха и обмана в комедии»⁶¹. С. Мис-

⁵³ См. Н. И. Петров, Киевская Академия во второй половине XVII века, Киев, 1895, стр. 83.

⁵⁴ См. там же, стр. 80; в этой же книге помещен текст катехизиса (стр. 147—171).

⁵⁵ См. Н. И. Петров, Очерки из истории украинской литературы XVIII века, Киев, 1880, стр. 6.

⁵⁶ См. «Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии», Отд. II, т. II, Киев, 1905, стр. 77.

⁵⁷ См. В. Серебрянников, Киевская Академия с половины XVIII века до преобразования ее в 1819 году, Киев, 1897, стр. 139.

⁵⁸ См. об этом П. М. Попов, Записки до історії українського письменства XVII—XVIII вв., I—III, Киев, 1923, стр. 18.

⁵⁹ Цит. по кн. В. Аскоченского «Киев с древнейшим его училищем Академиею», ч. II (Киев, 1856, стр. 55—56).

⁶⁰ См. Н. И. Петров, О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии..., 1867, т. I, стр. 89.

⁶¹ См. М. И. Сухомилов, История Российской Академии, вып. I (Прилож. к XXIV тому «Записок Имп. акад. наук», № 2), СПб., 1874, стр. 189.

лавский заботился о надлежащем уровне изучения русского языка воспитанниками Академии, о чем свидетельствует его распоряжение от 26 октября 1784 г. «О наблюдении как самими учителями, так и студентами и учениками Академии в русском языке исправного правописания и в чтении выговора»⁶².

Новые веяния и новые требования обусловили критическое отношение в Академии к «высокому», но искусственному, схоластическому красноречию. Внимание преподавателей и студентов привлекает реалистическое словесное искусство. Это нашло свое отражение в теоретических трудах. Уже с начала XVIII в. (1701—1705) в Академии была принята пиитика Феофана Прокоповича, отстаивающая требования реалистического искусства слова. Широкое применение в Академии имела также пиитика Аполлоса Байбакова (вторая половина XVIII в.)⁶³, где наряду с произведениями Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова изучались и комментировались образцы народной поэзии. Так, в качестве примеров стихотворений разных размеров Аполлос приводит тексты народных песен: «У дородного доброго молодца приуныло да ретиво сердце...»; «Стукнуло, грянуло в лесе, комар с дубу свалился, великий гром учинился»; «Не бушуйте вы, ветры буйные, вы, буйные ветры, осенние» — и др.⁶⁴ Привлечение фольклорно-песенного материала в академические пиитики и его теоретическое изучение было прогрессивным явлением: оно расширяло рамки литературного языка, привлекало внимание писателей к народному творчеству, благотворно влияло на выработку литературных вкусов.

Многообразные произведения устного народного творчества оказывали значительное влияние на язык письменной литературы. Как правильно отмечает проф. Н. Петров, в произведениях украинской литературы XVIII в. можно наблюдать «...удивительную амальгаму письменных источников всякого рода с произведениями устной народной словесности»⁶⁵. В украинской литературе господствовала тенденция к сближению с русской литературой. Как отмечает тот же исследователь, украинская литература стремилась к очищению «ожнорусского», т. е. украинского литературного языка от иностранных элементов и ко все более широкому внедрению в него живой стихии народного языкового творчества.

Украинское устное народное творчество богато историческими песнями и думами, посвященными героической борьбе украинского народа против захватчиков, выдающимся историческим событиям, тяжелой судьбе крепостного крестьянства и его борьбе с эксплуататорами. Народная песня XVIII в. характеризуется дальнейшим расширением своей тематики, охватом разнообразных сторон общественной жизни и быта (ср. песни батрацкие, рекрутские, солдатские, чумацкие, лирические и т. п.). Соответственно обогащаются и расширяются словесно-художественные средства, лексика, фразеология, ритмо-мелодика песни. Народные песни часто подвергались литературной обработке; они служили образцом для создания новых литературных произведений песенного жанра. Такова созданная в начале XVIII в. известная песня «Їхав козак за Дунай», песня о «чайке-небоге», некоторые песни Григория Сковороды и др. Резкой грани между народными песнями и произведениями художественной

⁶² «Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии», Отд-ние II, т. V, Киев, 1908, стр. 81.

⁶³ См. Н. Петров, О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии..., 1867, т. 1, стр. 89.

⁶⁴ Цит. по указ. работе М. И. Сухомлинова, стр. 207.

⁶⁵ Н. Петров, Очерки из истории украинской литературы XVIII века, стр. 5.

литературы близкого жанра в XVIII в., особенно во второй его половине, не было⁶⁶. От XVIII в. сохранились также рукописные сборники украинских пословиц и поговорок, например, сборник 1738—1743 гг. И. Ушивского — ученика харьковского коллежника⁶⁷. Сложнее был процесс взаимодействия письменного и разговорного языка в других жанрах украинской литературы XVIII в. — в «казацких» летописях, в драме, сатире, лирике и др. Здесь ярко отразились разные вкусы писателей, различное понимание ими норм литературного языка.

В языке летописания, историко-мемуарной прозы можно отметить три основные тенденции: это было или продолжение традиций украинского книжного языка, тесно взаимодействующего с языком разговорным, или продолжение традиции славянорусского языка, или, наконец, последовательно проводимое обогащение книжного украинского языка, почти лишенного старославянизмов и полонизмов, словами и формами русского литературного языка.

Примером осуществления первой из названных тенденций может служить «Летопись Самовидца», описывающая события второй половины XVII и начала XVIII в. (кончая 1702 г.), а также летопись С. Величко⁶⁸. Язык «Летописи Самовидца» в основных чертах похож на язык упоминавшихся выше летописей Киевской и Хмельницкой: он близок к украинской народной речи, включает в себя живые народные пословицы, простонародные выражения⁶⁹. Общий стиль этой летописи отходит от стиля «чистого» документального летописания и приближается к жанру литературного повествования.

В сравнении с простой повествовательной манерой этой летописи язык летописи С. Величко много сложнее. Лексика и фразеология книжного языка соединяется здесь с устно-разговорными элементами русского, польского и латинского языков; синтаксис характеризуется сложной, разветвленной фразой, яркими чертами риторичности. В исследовании о синтаксисе летописи С. Величко А. Я. Петренко подчеркивает, что синтаксис языка этой летописи своей сложностью и стройностью отражает высший, в сравнении с предыдущим периодом, этап в развитии украинского литературного языка, сформировавшегося уже в язык национальный. В украинском языке постепенно вырабатывались средства передачи все более сложных мыслей, что нашло, в частности, свое отражение в оформлении сложной системы подчинительных союзов⁷⁰.

В летописи Грабянки (1710) черты разговорного украинского языка незначительны. Стремясь создать произведение высокого, патетического стиля, автор прибегнул к подчеркнутой стилизации под церковнославянский

⁶⁶ См. «Історія української літератури», т. I (макет), Київ, 1953, стр. 113.

⁶⁷ Характеристика сборника дана Н. Петровым в «Очерках из истории украинской литературы XVIII века», стр. 3—5.

⁶⁸ «Летопись событий в юго-западной России в XVII вѣкѣ. Составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского. 1720», Київ, изд. Временной комиссии для разбора древних актов, 1848—1864.

⁶⁹ См. О. Левичкиной, Опыт исследования о летописи Самовидца, в кн. «Летопись Самовидца...», стр. 64.

⁷⁰ Изучение системы подчинительных союзов в летописи С. Величко дало А. Я. Петренко возможность показать, что в основе этой системы, как и в основе всего украинского национального языка, лежат прежде всего явления полтавско-киевского диалекта. При всей «высокости» стиля Величко, при его часто искусственных попытках оперировать староболгаризмами или польскими элементами для сцепления предложений — все же элементы живой речи полтавско-киевского диалекта дают себя заметно чувствовать в каждой группе союзов (изъяснительное *що*, причинное *бо*, результативные *отже* и *аж* и т. д.) (А. Я. Петренко, Очерк по истории гипотактических союзов в украинском языке. На материале летописи С. Величко. Автореферат канд. дисс., Харьков, Изд-во Харьк. ун-та, 1952, стр. 14).

язык (ср., например, употребление старых временных форм глаголов, старославянских союзов и др.); даже для своего времени этот стиль в жанре историко-мемуарной прозы был уже в некоторой степени архаичным.

По-разному использовались украинскими писателями XVIII в. достижения русского литературного языка. Широко применялось непосредственное заимствование русской лексики и фразеологии, вводившейся в язык украинских произведений как в украинизированных, так и в собственно русских формах. Примером произведения историко-мемуарного жанра, широко использующего русскую лексику, может служить «Летописец, или описание краткое знатнейших дѣйств и случаев, что в котором году дѣялось в Украини малороссійской обѣх сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким» (1742).

Следует отметить, что при всей пестроте и, во многих случаях, искусственности языка историко-мемуарной прозы XVIII в. она представляла собой важный этап в развитии и усовершенствовании украинской литературы и языка. Ее достижения в развитии и синтаксическом совершенствовании фразы были использованы в последующее время в языке так называемой новой литературы. Каким бы ни был общий стиль «козацкий» летописи — книжно-украинским или «славянорусским» — в нее всегда вводились образцы устного народного творчества и живого языка народа — пословицы, поговорки, исторические песни, предания и т. д. Даже в летописи Грабянки находим исторические народные песни о Богдане Хмельницком, о битвах украинского народа против польской шляхты и т. д.

Подобные явления наблюдаются и в произведениях драматургического жанра. Так, трагедокомедия Феофана Прокоповича «Владимір, славенороссійских стран князь и повелитель» (1705), приписываемая Ф. Трофимовичу драма «Милость божія, Украину от неудоб носимых обид лядских чрез Богдана Зиновія Хмельницкого преславного войск запорозких гетмана, свободившая...» (1728) и др. написаны в основе своей на церковнославянском языке, но в них ясно проступают фонетические черты украинского народного языка (например, рифмовка слов с *и* и *ь*: *кумиры* — *вьры* и т. п.), украинская лексика и т. д. Особенно характерен в этом отношении язык «Милости божіей...», где церковнославянские и украинские народно-разговорные элементы чередуются в зависимости от того, кто говорит и к кому обращена речь. Язык монологов Богдана Хмельницкого, Музы и Аполло, символических фигур «Смотрѣнія божого», Украины, а также прозаического эпизода резко отличается от обращений Хмельницкого к казакам, ответов казаков, выступлений хора, язык которых очень близок к народному украинскому языку⁷¹.

И уже совсем свободно звучал украинский народно-разговорный язык в интермедиях к пьесам М. Довгалева «Комическое дѣйствіе» (1736) и «„Властотворный“ образ челоѡколюбія божія» (1737), к пьесе Г. Конисского «Воскресеніе мертвых», в вертенной драме. Для М. Довгалева украинский язык интермедий (или интерлюдий) не был чем-то случайным; он определялся теоретическими взглядами автора, для которого интермедии «...не были только пародиями на простой народ или бесцельными насмешками над ним, как у польских иезуитов XVII века, а представляли реальные бытовые картины, не чуждые иногда и драматического элемента»⁷².

Питика М. Довгалева требовала, чтобы комедии писались «слогом простым, деревенским, мужицким»⁷³. В соответствии с этими установ-

⁷¹ См. «Хрестоматія давньої української літератури», стр. 327.

⁷² Н. И. Петров, Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков, стр. 294.

⁷³ См. Н. И. Петров, Очерки из истории украинской литературы XVIII века, стр. 69.

нами персонажи интермедий М. Довгалевского — украинские крестьяне, запорожцы — говорили на народно-разговорном украинском языке. В качестве примера приведем язык казака из интермедии М. Довгалевского к пьесе «Комическое дѣйствие»:

Мати моя старенька, чи ти мнѣ раденька
 Моєй молодости (2).
 Був у турка под рукамы, а в татаров з кайданами
 У самой жалости (2).
 Да же правда тепера нема добра всюди.
 Дармо прицдем виставляем груди...⁷⁴ и т. д.

Если принять во внимание то, что эти интермедии показывались как на левобережной Украине, так и в украинских землях, захваченных польской шляхтой, что в создании интермедий принимало участие много людей — студентов Академии из разных мест Украины и Белоруссии ⁷⁵, то следует признать, что интермедии сыграли значительную роль в развитии реалистического направления в украинской литературе и в развитии украинского литературного языка. Язык интермедий Довгалевского, вертепной драмы, сатирических стихотворений, песен и произведений других жанров, описанных выше, оказал бесспорное влияние на многие произведения «новой» украинской литературы. «Интермедия, — замечает А. И. Белецкий, — сыграла заметную роль в приближении литературы к народности и реализму» ⁷⁶.

Новая тематика, связанная с народной жизнью, требовала привлечения в литературу новых языковых средств. Особенно заметно это отразилось в стихотворных произведениях XVIII в. — в исторических, социально-бытовых, сатирических, бурлескных, лирических стихотворениях, так называемых рождественских и пасхальных виршах пародийного и шуточно-сатирического характера и др., распространявшихся преимущественно в рукописных копиях, в сборниках или в устном исполнении «странствующих дяков». Эта литература, широко известная и любимая народом, была близка ему по тематике и языку.

Среди стихотворений на социально-бытовые темы обращают на себя внимание произведения Климентия Зиновиева сына (конец XVII — нач. XVIII в.). Изображая в своих стихотворениях жизнь людей разных профессий — хлеборобов, пастухов, казаков, рыбаков, бондарей, кузнецов, кожемяк, слесарей, столяров, токарей, портных, ткачей, печатников и других, Климентий широко вводил в свои стихотворения профессиональную лексику ⁷⁷.

Для украинской литературы XVIII в. характерно большое количество сатирических стихотворений, сохранившихся в рукописных сборниках. В этих стихотворениях очень заметно влияние русской сатиры, в частности произведений А. Кантемира. Это свидетельствует «...о существовании тесных русско-украинских взаимоотношений в области общественно-политической, разоблачительно-сатирической поэзии XVIII столетия» ⁷⁸.

Сатирические стихотворения этого времени писались на украинском языке с элементами языков русского и польского, а также на языке церковнославянском. Украинский язык сатиры (например, стихотворения

⁷⁴ «Хрестоматія давньої української літератури», стр. 361 и др.

⁷⁵ См. Н. И. Петров, Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков, стр. 318.

⁷⁶ «Хрестоматія давньої української літератури», стр. 359.

⁷⁷ См. там же, стр. 206—211.

⁷⁸ Ф. Я. Шолом, Російсько-українські зв'язки в галузі громадсько-політичної поезії XVIII століття, «Филолог. збірник», № 4 («Наукові записки Київ. ун-ту», т. XI, вип. IX), Киев, 1952, стр. 137.

«Отець Негребецький», «Пекельний Марко», о Кирике и др.) близок к современному:

Село Негрибка, воно на Подолі;
Там двір є, церква, парохвія доволі...
Дяк, паламарь гладкі, тільки піп бідняк:
Хоч не старий і розумний, трохи був гуляка.
Не душив конійку, не міг доробитись,
Бо частенько і гульненько любив веселитись».⁷⁹

«Отець Негребецький»

Исполненным юмора украинским языком, богатым просторечной и аффективной лексикой и фразеологией, написаны бурлескные и пародийные стихотворения и диалоги, короткие рассказы, оказавшие впоследствии заметное влияние на «Энеиду» Котляревского.

Более сложное явление представляет собой язык произведений выдающегося украинского писателя и философа Г. С. Сковороды (1722—1794). Человек высокой учености, Г. С. Сковорода был знаком с передовыми идеями русской общественной прогрессивной мысли, в частности, с идеями Ломоносова и Радищева, оказавшими значительное влияние на украинского философа. С разнообразием писательской деятельности Г. С. Сковороды связано разнообразие его языковых средств. В стихотворениях на философские и научные темы, в прозаических «Баснях харьковских», в диалогах обнаруживается своеобразное смешение старославянского, русского и украинского языков, сопровождаемое словотворчеством на основе смешения элементов украинского и русского языков. П. Житецкий, характеризует язык произведений Г. С. Сковороды, писал, что «не легко иногда разобраться в этом хаосе слов, то различных по значению и по происхождению, то сходных по значению, но различных по происхождению»⁸⁰. В языке произведений Г. С. Сковороды отражаются противоречия, характерные для украинского литературного языка и для соотношения его стилей в конце XVIII в., отражается борьба нового и старого. Язык произведений Г. С. Сковороды завершает собой длительную традицию широкого использования в украинской литературе старокнижного, церковнославянского языка. В то же время здесь обнаруживаются прогрессивные тенденции сатирического использования старославянской лексики, введения русских слов для обозначения сложных понятий, сочетания этих элементов с живым украинским языком, — тенденции, дающие основание считать Г. С. Сковороду одним из предшественников И. П. Котляревского. В истории развития украинского литературного языка XVIII в. большую роль сыграл язык переводных произведений. Здесь выделяются переводные произведения византийско-славянского происхождения (апокрифы, житийная литература, патерики, повести, например, «Александрия», «Варлаам и Иоасаф», «Сказание об индийском царстве» и др.) и произведения, восходящие к западным источникам (например, повести о Троянской войне, о Бове Королевиче, о Петре Золотые Ключи, новеллы Боккаччо и др.). Язык этих переводов еще ждет своего исследователя. Однако само наличие их свидетельствует о существовании в XVIII в. разнообразной и богатой литературы на украинском языке.

Все сказанное о развитии украинского литературного языка XVIII в. свидетельствует о том, что в нем укреплялись и обогащались стили, непосредственно основывавшиеся на народно-разговорной речи, обслуживавшие широкие массы украинского народа; эти стили вступали в противоречие с традиционными стилями церковнославянского языка, пережи-

⁷⁹ «Хрестоматія давньої української літератури», стр. 421.

⁸⁰ П. Ж и т е ц к и й, «Энеида» Котляревского..., стр. 52.

вавшими кризис и упадок и все более и более сужавшими сферу своего употребления.

Эти знаменательные явления были обусловлены всем историческим процессом формирования украинской народности в нацию. В. И. Ленин писал: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»⁸¹. Закрепление народно-разговорного языка в литературе, устранение разрыва между языком письменным и устным было, таким образом, явлением, исторически обусловленным и необходимым. Подготовленный всем ходом исторического развития, этот процесс нашел свое яркое проявление именно в эпоху формирования украинской нации. Самым выдающимся представителем украинского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. был И. П. Котляревский, языковое творчество которого было важным этапом в развитии украинского литературного языка. Позднее, в творчестве Т. Г. Шевченко украинский литературный язык был поднят на дальнейшую ступень своего исторического развития: здесь органически соединились сокровища украинского народного творчества, разговорного языка украинского народа, лучшие черты литературной традиции и творчески воспринятые достижения русского литературного языка.

Объединившись с великим русским народом в 1654 г., украинский народ спас себя от национального уничтожения иноземными захватчиками, спас свою национальную культуру и язык. Пользуясь братской поддержкой со стороны прогрессивных сил русского народа, вопреки царским запретам и правительственной цензуре, украинский народ неуклонно шел вперед по пути развития и совершенствования своего литературного языка. Еще в дооктябрьский период он выдвинул таких мастеров художественного слова, как Шевченко, Франко, Коцюбинский, Леся Украинка и другие, своим творчеством обеспечивших украинскому литературному языку прочное место среди богатейших литературных языков мира.

Еще в дореволюционное время, в условиях жестокой реакции, Коммунистическая партия, ее великие вожди В. И. Ленин и И. В. Сталин горячо отстаивали право украинского языка на свободное развитие и совершенствование. В братской семье народов Советского Союза, на основе ленинско-сталинской национальной политики расцвела социалистическая по содержанию, национальная по форме культура украинской социалистической нации. Развиваясь в тесном дружеском общении с литературным языком великого русского народа, украинский литературный язык неизмеримо вырос и обогатился. Языковые богатства украинского народа отражены в произведениях выдающихся украинских советских писателей, публицистов, ученых.

Язык украинского народа, воссоединившегося благодаря мудрой деятельности Коммунистической партии во всех своих землях, является мощным орудием развития и борьбы за построение коммунистического общества в нашей стране.

⁸¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 368.

С. Б. БЕРНШТЕЙН

**ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ
«СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ»**

§ 1. После длительного перерыва перед советскими лингвистами вновь поставлена важнейшая задача сравнительно-исторического изучения групп родственных языков. Несмотря на совершенно ясные и четкие заявления Маркса и Энгельса о важности сравнительно-исторического метода, последователи акад. Н. Я. Марра объявили сравнительное языкознание порождением идеалистических и расистских тенденций буржуазной науки. Приостановив на длительный срок исследования в области сравнительного языкознания, нарушив нормальную подготовку молодых ученых, марристы нанесли советской науке большой ущерб. Почти прекратились исследования по истории русского языка (главным образом, древнейшего периода), так как успешно они могли проводиться лишь на основе сравнительно-исторического изучения славянских языков.

И. В. Сталин положил конец господству «нового учения» о языке Н. Я. Марра и поставил перед советскими лингвистами задачу внедрения марксизма в языкознание. Он указал на необходимость дальнейшего развития сравнительного языкознания, на необходимость изучения языкового родства славянских народов¹.

Перед специалистами по сравнительной грамматике славянских языков в настоящее время стоят очень ответственные задачи. Необходимо начать работу над специальными монографиями, приступить к написанию сводной сравнительной грамматики славянских языков, обратить особое внимание на подготовку молодых специалистов. «Необходимо в ближайшие же годы написать сравнительно-историческую грамматику славянских языков. Чтобы приблизить осуществление этой важнейшей задачи, выдвинутой И. В. Сталиным, следует немедленно и энергично взяться за собирание новых материалов, относящихся к исследованию истории грамматического строя отдельных славянских языков, прежде всего русского. Для выполнения этой важной задачи, тесно связанной с изучением „языкового родства славянских наций“, нужны организационные меры, необходимы объединенные усилия институтов языкознания и Института славяноведения Академии наук СССР и Украинской Академии наук»².

После 1950 г. опубликовано много статей, посвященных сравнительно-историческому методу, определению задач, стоящих в настоящее время перед специалистами в области сравнительного языкознания (главным образом, славянского). Нет сомнения, что они принесли большую пользу и помогли подойти к исследованию конкретного материала на новых методологических основах. Большую роль сыграли дискуссии, проведенные в Институте языкознания АН СССР и на филологическом факультете МГУ.

¹ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, стр. 33—34.

² В. В. Виноградов, Развитие советского языкознания в свете учения И. В. Сталина о языке, сб. «Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“», М., 1951, стр. 109—110.

В настоящее время начата работа над рядом специальных монографий («История категорий твердости и мягкости согласных в славянских языках в связи с историей вокализма», «Творительный падеж в славянских языках», «История именных и местоименных прилагательных в славянских языках», «История видовых отношений славянского глагола»). Утверждено несколько новых диссертационных тем. Начата работа над большим проспектом по сравнительной грамматике славянских языков, а также над учебным пособием для студентов.

Создание обобщающей сравнительной грамматики славянских языков — дело очень трудное и ответственное. Оно требует предварительного решения многих сложных вопросов. Необходимо точно определить содержание данной грамматики, что, как мы увидим дальше, не так просто и легко сделать. Нужно всесторонне оценить вклад русских ученых в сравнительно-историческое изучение славянских языков, обратив при этом особое внимание на основные методологические принципы. Не менее важной задачей является анализ состояния современного зарубежного языкознания. Нужно обратить внимание на сравнительно-историческое изучение групп родственных языков представителями различных школ и направлений (теория субстрата, структурализм, неолингвистика и др.). В самых общих чертах недостатки многих новейших исследований нам ясны и теперь. Мы не можем принять антиисторических схем «неолингвиста» Д. Бонфанте, бесплодных сравнительных сопоставлений отдельных изолированных фактов, характерных для структуралистов. Однако необходимо уяснить не только суть основных ошибок, с которыми приходится встречаться в новейших зарубежных исследованиях по сравнительно-историческому языкознанию. Эти труды требуют всестороннего анализа и критики с позиций советского языкознания. Это необходимо еще и потому, что во многих трудах мы находим ценные и важные наблюдения, открытия, которые необходимо учитывать в полной мере³.

Совершенно очевидно, что работа над созданием сводной сравнительной грамматики славянских языков должна вестись в самом тесном контакте с передовыми лингвистами славянских стран народной демократии, работающими в области сравнительного языкознания. В последние годы в Чехословакии, Польше и Болгарии начался серьезный пересмотр основных методологических принципов, лежащих в основе сравнительно-исторических исследований. Так, в чешском журнале «Slavia» напечатано несколько статей, авторы которых стремятся по-новому подойти к определению основных задач сравнительной грамматики. Проф. Б. А. Гавранек в своей статье справедливо указывает на то, что «буржуазная лингвистика завела сравнительное изучение славянских языков в тупик»⁴. Он обращает внимание на необходимость серьезной критики структурализма, который в довоенной Чехословакии пустил глубокие корни и влияние которого еще сильно сказывается в настоящее время. Аналогичная задача стоит и перед польскими и болгарскими лингвистами.

§ 2. Как мы указали выше, советские лингвисты в последние годы много сделали в определении возможностей сравнительно-исторического метода, его отношения к другим приемам исследования. Однако некоторые положения вызывают серьезные возражения. Речь идет о его применении в области синтаксиса и о так называемой «внутренней» и «внешней» реконструкции.

³ Ср., например, очень важное для славистов новейшее исследование Ю. Куриловича (J. Kuryłowicz, L'accentuation des langues indoeuropéennes, Kraków, 1952).

⁴ B. Havránek, Srovnávací slovenská jazyková ve světle Stalinových prací, «Slavia», R. XXI, seš. 1, Praha, 1952, стр. 1.

Следует отметить, что во многих статьях последних лет, посвященных проблемам сравнительно-исторического изучения групп родственных языков, вольно или невольно смешиваются два различных понятия: сравнительная грамматика и сравнительно-исторический метод. Один термин свободно подменяется другим. А между тем это вещи разные. Сравнительно-исторический метод получает широкое применение не только в сравнительной грамматике. Этим методом обычно пользуются историки отдельных языков, диалектологи. Различные типы южновеликорусского яканья были установлены именно при помощи сравнительно-исторического метода. С другой стороны, специалист по сравнительной грамматике пользуется различными методами и приемами исследования, среди которых сравнительно-исторический метод занимает, бесспорно, центральное место. Сравнительно-исторический метод, опирающийся на изучение родственных морфем, не может найти применения в области синтаксиса. Отсюда нельзя делать вывод, что в сравнительной грамматике нет места для синтаксиса. Изучение синтаксических вопросов теперь должно стоять в центре внимания специалистов по сравнительной грамматике. Однако нет никакого сомнения в том, что, например, общеславянская форма **gord-* и общеславянские функции и значения творительного падежа восстанавливаются различными приемами.

Исследуя родственные морфемы в различных условиях, в разные исторические периоды, мы в ряде случаев уверенно и безошибочно можем реконструировать утраченный уже в дописьменный период вид морфем. Все фонетические соответствия родственных языков, наконец, все фонетические законы были установлены при помощи сравнительно-исторического изучения родственных морфем. Именно на этой основе и строится сравнительно-исторический метод.

Иными приемами приходится пользоваться при изучении значения различных грамматических категорий (например, значений падежей), при изучении синтаксических конструкций. Нужно прямо сказать, что сравнительно-историческое языкознание не выработало точных и вполне научных приемов сравнения в области синтаксиса. Сравнительный синтаксис оказался наименее разработанным отделом, несмотря на то, что уже в середине XIX в. ему уделялось большое внимание (ср., например, работы Фр. Миклошича). Именно этим объясняются бесконечные споры о значении глагольного вида в общеславянском языке, о значении и функциях падежей в древнейший период истории индоевропейских языков.

Изучение истории синтаксических явлений дописьменного периода представляет собою большие трудности. Оно требует тщательного и глубокого исследования памятников письменности, говоров, привлечения материала многих родственных языков. Исследователь должен обратить особое внимание на историю функций и значений различных синтаксических категорий в отдельных родственных языках. Здесь очень опасны внешние сопоставления, сделанные без учета данных истории. Примеры подобных сопоставлений можно привести даже из новых работ.

Еще в 1911 г. в своих «Славяно-балтийских этюдах» проф. Я. Эндзелин обратил внимание на творительный предикативный в славянских и балтийских языках. Тогда он высказал предположение, что данное синтаксическое явление «...указывает на эпоху совместной жизни славянских и балтийских племен...»⁵ Несмотря на то, что это положение было подвергнуто основательной критике, проф. Эндзелин вновь повторил его в 1953 г. в еще более категорической форме⁶. К такому выводу он пришел

⁵ И. Эндзелин, Славяно-балтийские этюды, Харьков, 1911, стр. 190.

⁶ См. его же, Древнейшие славяно-балтийские языковые связи, «Труды Ин-та языка и лит-ры АН Латв. ССР», II, Рига, 1953, стр. 77.

на основе внешнего сопоставления сходных синтаксических конструкций, без учета истории этих конструкций в славянских и балтийских языках.

А между тем творительный предикативный в славянских языках появился сравнительно поздно. Его нет в старославянском языке. И в настоящее время он распространен не во всех славянских языках. Так, в южных славянских языках он встречается редко. Представляют различия в его употреблении западные и восточные славянские языки. Памятники славянской письменности хорошо показывают процесс вытеснения второго именительного творительным падежом. Нет никакого сомнения, что общеславянский язык в составе сказуемого творительного падежа не употреблялся.

Совсем другой характер творительный предикативный носит в балтийских языках. И здесь он не является общей синтаксической конструкцией. Наибольшее развитие он получил в литовском языке. Однако самая важная особенность этой синтаксической конструкции заключается в том, что, например, в латышском языке, по свидетельству самого Эндзелена, она является архаичной, встречающейся теперь уже редко — лишь в народных песнях. «О том, что и латыши прежде могли так выражаться (т. е. употреблять творительный падеж в именной части сказуемого. — С. Б.), свидетельствуют латышские народные песни»⁷. Таким образом, в латышском второй именительный вытеснил творительный падеж, что существенно в данном пункте отличает его от литовского языка.

Итак, данное синтаксическое явление не может свидетельствовать в пользу теории «славяно-балтийского языка-основы». Эндзелин допустил грубую ошибку в самом принципе сравнения синтаксических явлений, так как он не опирался на изучение внутренних законов развития славянских и балтийских языков.

При исследовании истории падежей перед нами встают различные задачи, которые требуют различных методов и приемов исследования. Нас может интересовать происхождение и история падежных форматов. Этот вопрос решается при помощи сравнительно-исторического метода. Он дает нам возможность выяснить генезис различных флексий, историю их в отдельных родственных языках. Но перед исследователем стоит еще задача изучения истории синтаксических функций и истории значений падежей. Эти вопросы не могут быть изучены при помощи сравнительно-исторического метода. Они требуют других приемов изучения.

Язык развивается по определенным законам. Однако необходимо учитывать их своеобразие в различных аспектах языка. Изучая звуковой строй, мы видим, как в результате определенных фонетических законов происходит изменение одних звуков в другие. Сравнительно-исторический метод дает нам возможность изучить эти законы и с их помощью реконструировать древнейший вид морфем «языка-основы». Развитие синтаксических конструкций и значений идет иначе. Лингвистам удалось восстановить большинство индоевропейских падежных флексий. Однако древнейшие значения индоевропейских падежей до сих пор определить не удалось, так как развитие их происходит гораздо сложнее.

Трудно в настоящее время точно определить приемы реконструкций функций и значений. Особенно сложно это сделать при изучении индоевропейского «языка-основы». Задача, как нам представляется, состоит в настоящее время в том, чтобы детально изучить историю функций и значений по памятникам письменности с широким привлечением диалектных данных. В этом направлении предстоит еще большая работа. До сих пор историки синтаксических явлений игнорируют диалектологический ма-

⁷ И. Эндзелени, Древнейшие славяно-балтийские языковые связи, стр. 77.

териал⁸. Исследовав историю функций и значений различных грамматических категорий, синтаксических конструкций в отдельных славянских языках, мы получим надежный материал для характеристики общеславянского языка.

В журнале «Вопросы языкознания» была напечатана очень интересная статья А. И. Смирницкого о сравнительно-историческом методе в языкознании, которая содержит ряд важных и принципиальных положений. Однако имеются в ней и спорные утверждения. Правильно указав на то, что сравнительно-исторический метод опирается на изучение морфем, А. И. Смирницкий, однако, полагает, что изучение родственных морфем в пределах одного языка уже выходит за рамки этого метода. Сравнительное изучение родственных морфем в одном языке производится при помощи метода фоно-морфологического анализа. «Можно, следовательно, говорить о „методе фоно-морфологического анализа“, как другом приеме восстановления, существующем наряду со сравнительно-историческим методом. Различием между обоими методами является то, что при сравнительно-историческом методе сравниваются факты разных языков, тогда как при „методе фоно-морфологического анализа“ сопоставляются факты в пределах одного языка (почему здесь говорят о „внутренней“ реконструкции)... Фоно-морфологический анализ является важным дополнением к сравнительно-историческому методу, с которым он естественно может сочетаться»⁹.

Это положение проф. Смирницкого представляется нам ошибочным. Фоно-морфологический анализ слов присутствует в любом лингвистическом исследовании. Существо этого анализа бывает различным в зависимости от характера и задач самого исследования. Присутствует этот анализ и в любом сравнительно-историческом труде. Противопоставлять вслед за некоторыми зарубежными лингвистами «внутреннюю» и «внешнюю» реконструкции нет оснований. Методы и приемы сравнительно-исторического изучения родственных морфем только в одном литературном языке, или во всех диалектах одного языка, или, наконец, во всех родственных языках будут одинаковыми.

Существование носового гласного в слове *рука* доказывается сравнением этого русского слова с польским *reka*, со старославянским *рѣка*, с болгарским *ръка*, со словинским *roka*, всех этих славянских примеров с литовским *ranka*. Однако для доказательства существования носовых гласных в древнерусском языке в ряде случаев достаточно ограничиться сравнением родственных морфем в современном русском литературном языке (ср. *взять* — *возьму*, *жечь* — *жгу*, *имя* — *имена*, *запутывать* — *запонка*, *дуть* — *надменный* и т. д.). И в том и в другом случае мы имеем дело с одним и тем же приемом изучения родственных морфем, который в нашей науке называется сравнительно-историческим методом.

Таким образом, дальнейшая разработка более точных приемов сравнительного изучения родственных языков, ограничение собственно сравнительно-исторического метода от близких ему приемов сравнения должны идти не по тому пути, который рекомендует А. И. Смирницкий. Сравнительно-исторические исследования в области синтаксиса строятся на других приемах, нежели исследования в области фонетики и морфологии. Нет сомнения, что и изучение лексики также потребует разработки новых приемов исследования групп родственных языков.

⁸ Ср., например, автореферат недавно защищенной кандидатской диссертации Е. А. Седелникова «Функции непредикативных конструкций с творительным падежом в древнерусском литературном языке» (М., 1953).

⁹ А. И. Смирницкий, К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 4, стр. 14.

§ 3. Уже теперь, в самом начале нашей работы, мы должны тщательно продумать вопрос о построении будущей сравнительной грамматики славянских языков, о принципах отбора материала. План сравнительной грамматики Фр. Миклошича нельзя признать удачным. Как известно, его труд представляет собой краткие очерки отдельных славянских языков: старославянского, словенского, болгарского, сербско-хорватского, украинского, русского, чешского, польского, верхнелужицкого и нижнелужицкого. При таком построении невозможно изложить историю общеславянского языка, общеславянские процессы в отдельных славянских языках, установить соотносительную хронологию различных процессов, определить характер родственных связей между славянскими языками в различные периоды их истории. Аналогично построены «Лекции по славянскому языкознанию» Т. Д. Флоринского и «Славянское языкознание» А. М. Селищева. Однако авторы этих трудов не ставили перед собою задачи создания сравнительной грамматики.

Нам представляется, что в основу будущей сравнительной грамматики славянских языков необходимо положить иной принцип группировки материала. Следует пойти по пути известного чешского слависта В. Вондрака, который в своей «Сравнительной грамматике славянских языков» дает синтетическое описание фонетики, словообразования, морфологии и синтаксиса. По такому плану написано большинство сравнительных грамматик. Именно такой план избрал и А. Вайан, опубликовавший в 1950 г. первый том (фонетику) своей сравнительной грамматики славянских языков.

Нет сомнения в том, что, кроме фонетики, словообразования, морфологии и синтаксиса, в сравнительной грамматике должна быть часть (том), посвященная словарному составу. Должны быть охарактеризованы древнейший славянский словарный фонд, связанный с условиями жизни и быта древних славян, и наиболее существенные изменения в словарном составе, а также должен быть дан анализ древнейших заимствованных слов. Именно здесь необходимо подвести основные итоги многолетним этимологическим исследованиям славистов и определить наиболее важные задачи, стоящие в настоящее время перед славистами-этимологами. В подобного рода исследованиях крайне заинтересованы историки, стремящиеся использовать данные языка для изучения древнейшей истории славян.

Вводная часть (том) сравнительной грамматики славянских языков должна содержать детальный критический разбор всех основных трудов по сравнительно-историческому изучению славянских языков, определение тех новых задач, которые в настоящее время стоят перед советскими славистами, всесторонний анализ современного состояния славяно-балтийской проблемы. Необходимо также точно определить, насколько возможно на основании данных языкового материала решать вопросы этногенеза славян. Таким образом, «Сравнительная грамматика славянских языков» должна состоять из следующих частей (томов): введение, фонетика, словообразование, морфология, синтаксис и словарный состав.

Прежде лингвисты очень легко и просто решали вопросы о границах между фонетикой и морфологией, между морфологией и синтаксисом. Именно поэтому для Вондрака, например, не существовало никаких трудностей при распределении материала по основным разделам его сравнительной грамматики. В настоящее время эти вопросы решить гораздо сложнее. Например, так как теперь нет сомнения в том, что древнейшие чередования гласных уже в общеславянском языке не были позиционно обусловлены, а представляли собою чередования различных фонем в составе одной морфемы, они должны рассматриваться при изучении грамматического строя общеславянского языка, при исследовании именных

и глагольных основ, а не в фонетике. Вопросы чередований согласных разрешить сложнее. В общеславянском языке эти чередования были в определенные периоды его истории позиционными, т. е. характеризовали звуковую строй. Позже и они стали непозиционными. Именно поэтому различные изменения согласных должны рассматриваться как в фонетике, так и в других частях (томах). В настоящее время нельзя историю ударения и количества излагать только при характеристике звуковых изменений. Славянская интонация, возникшая в результате определенных фонетических условий (в результате перехода ударения с внутренних слогов на начальный), впоследствии начала играть важную морфологическую роль. Вот почему вопросы интонации будут подробно трактоваться как в фонетике, так и в морфологии.

Совершенно ясно, что построение сравнительной грамматики, ее внутренняя структура являются важнейшими теоретическими проблемами. Они должны быть подвергнуты всестороннему обсуждению.

Еще сложнее решается вопрос отбора материала. Он тесно связан с определением задач сравнительно-исторического изучения групп родственных языков. Решается этот вопрос по-разному. В рецензии на «Сравнительную грамматику славянских языков» А. Вайана П. С. Кузнецов пишет: «Задачей сравнительно-исторической фонетики является восстановление на основании сопоставления звуковых систем родственных языков различных периодов их исторически засвидетельствованного существования звуковой системы общего для данной группы или семьи языка-основы (в какой мере, конечно, эта система может быть восстановлена) и определение тех путей, какими эта система развивалась, преобразовывалась постепенно в различные звуковые системы, которые ныне характеризуют отдельные родственные языки и их диалекты»¹⁰. С таким определением задач сравнительной фонетики родственных языков согласиться невозможно. Все ли явления исторической фонетики славянских языков должны войти в сравнительную грамматику славянских языков? Конечно, нет. Сравнительная фонетика не должна представлять собою механического соединения исторических фонетик отдельных славянских языков. Сравнительная грамматика — самостоятельная область языкознания со своей проблематикой и своим материалом. Конечно, она самым тесным образом связана с историей отдельных родственных языков. Больше того, нельзя определить объема сравнительной грамматики, решить вопрос о включении того или иного явления в сравнительную грамматику, не опираясь при этом на изучение внутренних законов развития отдельных языков. Но при этом нужно видеть не только общее, не только то, что связывает сравнительно-историческое изучение групп родственных языков и изучение истории одного из этих языков, но и отличное, особенное. Специалист по сравнительной грамматике изучает историю «языка-основы» и те явления в истории отдельных родственных языков, которые объединяют их в одну группу, которые в какой-то степени являются реализацией законов, действовавших в древнейший дописьменный период. Так, у нас нет оснований включать в сравнительную грамматику славянских языков изменения безударного вокализма в южновеликорусских, белорусских, восточноболгарских и словенских говорах в связи с тем, что эти процессы сравнительно позднего происхождения, генезис их в указанных славянских языках различен. Это уже давно достаточно убедительно было показано акад. Шахматовым. В сравнительной грамматике большое место должно занять всестороннее изучение истории славянской

¹⁰ П. С. Кузнецов, [рец. на кн.:] André Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves, t. I, Paris, 1950...., «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М.—Л., 1951, вып. 4, стр. 393—394.

именной системы. Но нет сомнения в том, что утрата падежных флексий в болгарском языке не может трактоваться в сравнительной грамматике.

Процесс изменения гласного *e* в *o* в определенных фонетических условиях был пережит рядом славянских языков в сравнительно поздний период (например, русским, польским и лужицкими языками). Многие славянские языки этого фонетического процесса не знали. И тем не менее специалист по сравнительной грамматике должен уделить изменению *e* в *o* большое внимание, так как данное фонетическое явление самым тесным образом связано с историей категории твердости и мягкости согласных — одной из центральных проблем сравнительной фонетики славянских языков.

При исследовании многих частных проблем отдельных языков исследователь может стать на путь сравнения, он может привлечь разнообразные факты из родственных языков, которые окажутся ему очень полезными и нужными. Трудно предусмотреть все возможные случаи. Однако в с в о д н о й сравнительной грамматике должен быть произведен строгий отбор этих фактов. В ней должны найти место лишь те явления из поздней истории языков, которые в какой-то степени являются отражением общих процессов для данной группы родственных языков, генетически связанных между собою.

§ 4. Одной из центральных задач, стоящих перед исследователями в области сравнительной грамматики славянских языков, является изучение истории общеславянского «языка-основы». Необходимо обратить особое внимание на установление важнейших принципов изучения истории языков дописьменного периода, на необходимость всестороннего анализа существующих трудов, посвященных общеславянскому языку.

Современные индоевропейские языки имеют длительную историю. От начальных эпох их развития и до появления первых памятников письменности прошел очень большой срок. Нельзя понять структуры современных языков, если игнорировать дописьменную эпоху, более длительную и для ряда языков более важную, нежели период, отраженный в сохранившихся рукописных и старопечатных текстах.

Впервые славянская речь получила литературную обработку во второй половине IX в. н. э. На основании сохранившихся древнейших памятников (самый старый датированный текст идет от 943 г.) мы можем представить состояние славянских языков к концу I тысячелетия н. э., и можно сказать, что уже самые первые памятники славянской речи свидетельствуют, что славянские языки к этому времени пережили чрезвычайно глубокие изменения. Именно в дописьменный период был пережит процесс утраты закрытых слогов, в результате которого произошли существенные изменения в звуковом и грамматическом строе общеславянского языка.

Нельзя сказать, что лингвисты игнорируют дописьменный период. Наоборот, начиная с самого возникновения сравнительно-исторического языкознания, основное внимание компаративистов было направлено именно на реконструкцию древнейших утраченных форм. Бесспорно, дописьменный период в истории всех индоевропейских языков изучался более тщательно, нежели поздние эпохи. И тем не менее в изучении именно этого периода обнаруживаются существенные недостатки, которые в предстоящей работе по сравнительной грамматике необходимо преодолеть.

Дописьменный период истории большинства языков — это время существования родовых и племенных языков. Чаще всего письменность на родном языке появляется в эпоху раннего феодализма, уже в период существования народности и народного языка. Работая над сравнительной грамматикой, мы должны особое внимание обратить на изучение дописьменного периода в истории славянских языков. Старой науке о язы-

ке не удалось полностью разрешить проблему изучения истории языков дописьменного периода. В языкознании крепко утвердилось учение о «доисторическом периоде». И тут дело не только в термине. Оно вполне соответствует содержанию как общих, так и частных исследований судеб различных индоевропейских языков древнейшей поры. Это сказалося не только в том, что язык отрывался от истории общества, от истории первобытно-общинного коллектива, но и в изучении самих языковых процессов. Приведем в качестве примера книгу известного французского лингвиста А. Мейе «Общеславянский язык», вышедшую недавно в русском переводе. Пример этот будет вполне показателен, так как книга А. Мейе принадлежит к числу лучших трудов, трактующих вопросы общеславянского периода.

В предисловии к своему труду Мейе пишет, что на общеславянском языке, анализу которого посвящена его книга, «...говорили в одной, точно не установленной, области Восточной Европы, в эпоху, также не поддающуюся уточнению — значительно позже I века и значительно раньше IX века н. э.»¹¹. Эта хронология является совершенно условной, она не связана с содержанием книги, в которой сам языковой материал рассматривается вне всякой связи с историей славян указанного автором периода и находится в очевидном противоречии с хронологией автора.

Формирование общеславянского «языка-основы» произошло в глубокой древности. Хронология Мейе («значительно позже I века и значительно раньше IX века н. э.») охватывает поздний период истории общеславянского языка, непосредственно предшествующий его распаду на диалекты, из которых впоследствии сформировались три основные группы славянских языков. Нельзя упрекнуть автора за то, что он решил посвятить свой труд истории общеславянского языка в I тысячелетии н. э. Научно вполне оправдано изучение позднего периода истории этого языка. Однако материал книги оказался в противоречии с поставленной автором задачей. Мейе рассматривает результаты в с е х важнейших процессах общеславянского периода, происходивших на протяжении в с е й его истории. Больше того, привлекая богатый и ценный материал из санскрита, греческого, латинского, готского, литовского и других индоевропейских языков, Мейе фактически главное внимание уделяет именно древнейшим процессам. Изучение поздних процессов общеславянского языка возможно прежде всего на материале с л а в я н с к и х языков.

Мейе часто смешивает различные эпохи в истории общеславянского языка и отдельных славянских языков. Так, он сопоставляет открытый характер общеславянского *ѣ* с аканием в русском и белорусском языках. В книге совершенно свободно сопоставляются языковые факты самых различных эпох. Смело и уверенно он создает из разнородных фактов «общеславянский язык», отдельные элементы которого реально существовали, но в различные эпохи. Вот почему его книга «Общеславянский язык» — это не и с т о р и я общеславянского «языка-основы», а только ценное собрание славянских языковых древностей. Мейе даже и не ставит перед собой задачи изучения истории общеславянского языка. Он пишет: «Наша задача состоит в том, чтобы определить здесь фонетическую и морфологическую с и с т е м у (разрядка наша.— С. Б.) общеславянского языка и показать его отношение к общиндоевропейскому и к исторически засвидетельствованным славянским языкам»¹². Но системы не получилось и не могло получиться, так как в течение своей многовековой истории общеславянский язык претерпевал глубокие изменения. Нельзя говорить

¹¹ А. Мейе, *Общеславянский язык*, М., Изд-во иностр. лит-ры, 1951, стр. 1.

¹² Там же, стр. 6.

об единой системе общеславянского языка в различные периоды его существования.

Близка по своему методу к труду Мейе вышедшая недавно книга А. М. Селищева «Старославянский язык» (части I и II). Преимущество А. М. Селищева — превосходное знание славянских языков, их истории и диалектологии. А. М. Селищев лучше Мейе умеет обнаруживать процессовую сторону отдельных явлений, в его работе нет ошибочных сопоставлений. Но и А. М. Селищев, подобно Мейе, не дает истории общеславянского языка. Автор все время нарушает хронологию, так как для него дописьменный период также является историческим. Это часто приводит к противоречиям, особенно недопустимым в учебном пособии. Приведу один из многочисленных примеров.

Из § 44 читатель узнает, что «все славянские языки имели гласные долгие и краткие»¹³. Затем указывается, что в некоторых позициях долгота могла сокращаться, в других — сохраняться. После этого приводятся примеры из разных индоевропейских языков, свидетельствующие, что \bar{a} и \bar{o} в славянском совпали в одном звуке \bar{a} , а \bar{a} и \bar{o} — в звуке \bar{o} . Говоря в разных местах книги о монофтонгизации дифтонгов (цельного изложения этого важнейшего процесса общеславянского языка в книге нет), автор указывает, что монофтонгизация предшествовало сокращению слоговой части дифтонга. Это привело к совпадению дифтонгов $\bar{o}y$ и $\bar{a}y$, $\bar{o}i$ и $\bar{a}i$, так как \bar{a} должно было измениться в \bar{o} . В § 154 А. М. Селищев сообщает о других случаях сокращения прежних долгот. «Можно полагать, что уже в доисторическую эпоху произошли сокращения долготы слога в следующих положениях.

1) Долгие гласные сократились перед ударным слогом, имевшим акутовый (восходящий) тип ударения на долгом гласном...

2) Сократился долгий гласный, не находившийся непосредственно перед ударением...

3) Сократился долгий гласный под ударением в третьем или четвертом слоге от конца...

4) Сократился долгий гласный в конце слова вне ударения и под ударением...»¹⁴ В результате произошло сокращение \bar{a} в таких словах, как: *daleko* > *dāleko*; *jāgodā* > *jāgoda*; *rȳbā* > *rȳbā*; *vodā* > *vodā* и многих других. Естественно, что у читателя возникает вопрос, на который, однако, в книге ответа нет: почему во всех указанных случаях \bar{a} не изменилось в \bar{o} ? Объясняется же это тем, что сокращения долгот происходили в различные периоды истории общеславянского языка. Сокращение долгот слоговой части дифтонгов происходило еще в тот период, когда позиционные изменения количества приводили обязательно к изменению артикуляции гласного. Это был период до утраты закрытых слогов. В других случаях (например, в конце слова) долготы утрачивались поздно, в тот период развития общеславянского вокализма, когда в определенных условиях возможны были не только \bar{a} , но и \bar{o} .

Изучение дописьменного периода в истории любой группы родственных языков производится прежде всего при помощи сравнительно-исторического метода. Именно этот метод дает возможность проникнуть вглубь истории языков, установить их древнейшие законы, изучить происхождение корнеслова и формативов, верно реконструировать утраченную форму. Однако данные нашей науки показывают, что для изучения подлинной истории дописьменного периода недостаточно владеть сравнительно-историческим методом. Лучшим подтверждением этой мысли

¹³ А. М. Селищев, Старославянский язык. Ч. I — Введение. Фонетика, М., Учпедгиз, 1951, стр. 112.

¹⁴ Там же, стр. 233—234.

является уже упоминавшийся нами «Общеславянский язык» Мейе. А. Мейе был выдающимся специалистом в области сравнительного языкознания. Его многочисленные этимологии свидетельствуют о превосходном и мастерском владении сравнительно-историческим методом. В этом отношении современным лингвистам есть чему поучиться у Мейе. И тем не менее ему не удалось дать истории общеславянского языка.

В «Общеславянском языке» мы найдем очень много безупречных этимологий, бесспорных реконструкций. Задача, однако, состоит в том, чтобы правильно соотнести реконструированные формы, чтобы установить взаимосвязь между ними и показать их историю. Реконструированная морфема является своего рода абстракцией. Исследователь должен определить ее место в истории общеславянского языка. А это возможно лишь при конкретно-историческом подходе к языковым фактам. Обнаружив те или иные звуковые изменения в определенных морфемах, недостаточно только определить условия их появления (например, условия смягчения заднебных, условия перехода *s* в *x* и др.). Необходимо определить характер этих изменений для различных периодов в истории языка. В одних случаях это будут позиционные фонетические изменения одной фонемы, в других — непозиционные морфологические чередования разных фонем. Разрешение этой задачи невозможно без определения фонологического значения фонетических изменений, без установления взаимосвязи между всеми элементами языковой системы.

Этого мы не найдем в «Общеславянском языке». Изложение звуковой системы в этой книге начинается с определения состава согласных и гласных. Мы узнаем, что общеславянский язык имел гласные заднего ряда *a, o, ъ, y, u, i, ѳ*, переднего ряда — *ě, e, ъ, i, e*. Долгими были гласные *a, ѳ, ѥ, y, e*, краткими — *o, e*, сверхкраткими — *ъ, ѵ*. «Эти гласные, — пишет Мейе, — образуют пары: *ě* противостоит *a*, *e* — *o*, *ъ* — *ъ*, *i* — одновременно *y* и *u*, *e* — *ѳ*. Это противопоставление господствует в фонетике и расширяет поэтому различные морфологические типы»¹⁵.

Эта схема лишена определенной исторической конкретности. Предложенная система гласных явилась результатом длительного развития общеславянского языка. В начальной стадии его развития были представлены долгие гласные *a, o, e, u, i* и краткие *a, o, e, u, i*. В этот древнейший период соотношения между долгими и краткими гласными были иными, нежели в поздний. Позже в этой системе вокализма произошли существенные изменения. Долгие *a* и *o* совпали в *ā*; краткие *a* и *o* совпали в *ǫ*. Долгое *e* изменилось в *ě*, после заднебных и *j* — в *a*. Долгое *u* изменилось в *y*. Из кратких *u, i* возникли новые сверхкраткие, редуцированные гласные. Такова была система вокализма, предшествовавшая непосредственно периоду утраты закрытых слогов. К этому времени установились иные взаимоотношения между долгими и краткими гласными. Так, древняя пара *ā — ǫ* в этот период уже отражена в виде *y — ѵ*. Устанавливаются иные взаимоотношения между гласными *a, o, e, ѥ*. Устанавливаются новые пары *a — ě, o — e* (ср. *kriĭati — хотѣти, seloiĭxъ — полѣихъ*). В результате утраты закрытых слогов в общеславянском языке возникли новые гласные. Вновь появляется долгое *u*, возникшее из дифтонгов *ou* и *eu*. Значительно увеличивается число морфем с долгим *i* (из дифтонгов *ei* и *oi*), с *ě* (из дифтонга *oi*). Появляются носовые гласные. Именно в этот период общеславянский вокализм имеет тот вид, который дан в книге Мейе. Эта же система дана и А. М. Селищевым. Нужно, однако, указать, что и эта система общеславянского вокализма не может считаться той, которая непосредственно предшествовала распаду обще-

¹⁵ А. Мейе, указ. соч., стр. 16.

славянского языка. В позднейший период общеславянского языка существовали краткое *a*, долгое *o*, краткие носовые и т. д. Каждый из указанных нами этапов истории общеславянского вокализма тесно связан с определенными периодами истории консонантизма и грамматического строя.

§ 5. Каждый язык развивается по своим внутренним законам. При изучении этих законов нужно всегда помнить указание В. И. Ленина, что «явление *богаче закона*»¹⁶. Поэтому «...надо взять не примеры и не отдельные данные (при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения), а непременно *совокупность* данных...»¹⁷ Необходимо знать, что закон является отражением существенных связей между явлениями. Именно поэтому лингвист должен всегда за многочисленными фактами, явлениями, отдельными процессами видеть сущность. При изучении языковых явлений необходимо обращать внимание на выявление сущест^венных связей. Подчеркивание мало существенных связей, побочных фактов исказит исторический процесс, не даст возможности определить законы развития языка. В трудах языковедов часто многочисленные детали затемняют важное, определяющее. Это приводит к ошибочному пониманию природы самого явления, к абстрактно-этимологической интерпретации языковых фактов. Так, многие историки чешского языка историю *ě* рассматривают на протяжении всей истории изолированно от истории *ě*, от истории гласного *a* после мягких согласных, тогда как в определенные периоды во всех указанных случаях переживались общие процессы, не имевшие собственно отношения уже к судьбе носового, *ě* или этимологического *a*.

Важнейшим законом дописьменного периода истории общеславянского языка являлся закон утраты закрытых слогов, который имел место в поздний период существования этого языка. Вообще структура слога являлась важнейшим фактором в истории славянских языков. В определенный период истории общеславянского языка структура слога стала характеризоваться постепенным возрастанием звучности. Это привело к существенным изменениям всей его системы, так как закрытые слоги переходили в открытые различными способами и имели различные последствия.

В результате утраты закрытых слогов утратились конечные согласные (*domŕs* > *domŕ*, *rečet* > *reče*, *tod* > *to*), монофтонгизировались дифтонги и дифтонгические сочетания (*моуха* > *муха*, *коина* > *сѣна*; *ronka* > *roka*, *meta* > *meta*, *vŕlko* > *vŕko*, *torgos* > *tŕgo*), произошли изменения в группах *tort*, *ort*, в связи с изменением слогораздела произошли упрощения групп согласных, возникли явления диссимилиации. Эти процессы в свою очередь вызвали появление протетических согласных, изменение задненёбных перед *ě* и *i* дифтонгического происхождения, ряд важных морфологических процессов. Историк славянских языков дописьменного периода обязан вскрыть общее, определяющее во всех вышеуказанных явлениях, показать существенные связи между возникновением носовых и слоговых плавных, между утратой конечных согласных и упрощением групп согласных. Дело, однако, обстоит обычно совсем не так.

В «Старославянском языке» А. М. Селищева подробно изложена судьба носовых в общеславянском языке. Однако суть явления читателю остается неясной не только потому, что о причине возникновения носовых сказано мимоходом несколько слов, но и потому, что автор не устанавливает внутренней связи данного явления с другими явлениями. После носовых

¹⁶ В. И. Ленин, *Философские тетради*, Госполитиздат, 1947, стр. 127.

¹⁷ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 22, стр. 178.

согласно традиции дается описание редуцированных, хотя их история не связана с законом утраты закрытых слогов. В разделе «Сочетания редуцированных с плавными между согласными» объединены различные явления, происходившие в разные периоды. Но в то же время не установлена связь между возникновением слоговых плавных и носовых гласных. Глава о монофтонгизации дифтонгов вообще отсутствует, в книге находим только краткие замечания об этом явлении. После рассмотрения вопроса о *ьrj* автор начинает трактовать явления консонантизма, но касается вопросов древнейших эпох в истории общеславянского языка. В различных местах книги говорится о явлениях, возникших в результате отпадения закона. Объясняется это тем, что автор все свое внимание обращает на отдельные частности. Именно поэтому и частности остаются в книге не раскрытыми, случайными. Получается не история общеславянского языка, а изложение истории отдельных явлений. Отношения и связи между фактами общеславянского языка автор не вскрыл.

В определении этих отношений и связей и состоит главная задача историка языка. Определить их всегда трудно. Особенные трудности возникают перед исследователем, когда он решает вопросы дописьменного периода. В этом случае возможны ошибки, неправильные выводы. Изложение исторического процесса будет отличаться схематичностью, сам процесс будет обеднен. Все это справедливо. И тем не менее при правильной реконструкции утраченных морфем, при верном их сопоставлении, при установлении внутренней взаимосвязи между ними и обнаруженными явлениями мы в самых общих чертах сможем восстановить важнейшие, существенные процессы общеславянского периода. В данном случае особенно опасно производить внешние сопоставления. Случайное сходство в различных процессах может обмануть исследователя и толкнуть его на путь ошибочных выводов. Примеры подобных внеисторических сопоставлений можно привести из различных трудов самого последнего времени.

В 1952 г. в Польше вышел капитальный труд известного польского лингвиста Куриловича «Ударение в индоевропейских языках», в котором автор излагает свою теорию славянской интонации. В этом выдающемся труде мы, однако, находим очень спорные сопоставления. Так, говоря о древнейших переходах ударения с кратких гласных на начальный слог в общеславянском языке, Курилович сопоставляет это с «аналогичным» явлением в штокавских говорах сербского языка. Однако природа этого явления в сербском языке совсем другая. В сербском языке это явление происходило совсем в другую эпоху, а кроме того, переход происходил с конечных слогов на предшествующие (не только на начальный слог).

Приведу другие примеры. В уже цитированной книге А. М. Селищева общеславянский переход конечного *m* в *n* сопоставляется с аналогичным процессом в чакавских говорах сербского языка. Мейе сопоставляет утрату славянских редуцированных в «слабой» позиции с утратой гласных *i* и *u* в северных говорах новогреческого языка. Подобного рода чисто внешние параллели из различных языков (даже родственных) не только не помогают вскрыть природу изучаемого явления, но могут толкнуть исследователя на ложный путь. Нужно избегать подобных сопоставлений, так как они не опираются на сравнительно-исторический метод. С таким же основанием болгаровед, исследующий вопрос об изменении безударного *o* в *y*, может сослаться на аналогичный процесс в португальском языке. Все эти параллели лишены конкретно-исторической базы и не помогают уяснению сущности и природы изучаемого явления.

Против подобных внешних сопоставлений предостерегал лингвистов еще в 1877 г. акад. Ф. Е. Корш. В своей известной диссертации он писал: «До какой степени опасно судить о взаимной близости языков по одина-

ковым превращениям отдельных звуков, видно из таких примеров, как переход *kw* в *n* в четырех языках, правда, родственных, но довольно далеких друг от друга,— греческом, британском, умбском и румынском., ослабление *n* в конце слога в глухой носовой звук во французском, церк.-славянском и, вероятно, др.-персидском¹⁸. Полагаю, что не менее опасно судить о природе сходных явлений в различные периоды истории славянских языков, если предварительно не установлена внутренняя связь между этими явлениями.

§ 6. Важнейшей задачей исследователей древнейшего периода истории славянских языков является определение словарного состава общеславянского языка. Оно очень важно для изучения звуковых изменений, истории грамматического строя и, наконец, истории реалий. Именно поэтому к подобного рода работам с большим интересом относятся историки.

Для изучения звуковых изменений это имеет большое значение потому, что, как мы видели выше, сравнительно-исторический метод опирается на изучение морфем, а определение древнейшего состава корневых морфем невозможно без установления древнейшего словарного состава. При истолковании любого фонетического процесса мы должны знать историю привлекаемого нами слова. Нельзя опираться в определении сущности того или иного фонетического процесса общеславянского периода на слово, которое было заимствовано в сравнительно поздний период.

Длительное господство антимарксистского «нового учения» о языке Н. Я. Марра привело к тому, что было полностью прекращено изучение общеславянского словарного состава. Историки вынуждены были обращаться к антинаучным марровским этимологиям или к уже давно устаревшим трудам славистов XIX в. Вот почему конкретный лингвистический материал, который мы можем найти в трудах историков, часто мало надежен. Для иллюстрации могу привести широко известный труд проф. П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР».

Проф. Лященко правильно указывает, что исследование словарного состава славянских языков может дать очень много для изучения хозяйства древних славян. Это бесспорно. Но автор представляет себе эту задачу очень легкой. Он пишет: «Отсутствие в языке самостоятельных корней и слов для обозначения каких-либо понятий и заимствование этих слов из языков других народностей указывают на отсутствие этих явлений и понятий у данной народности в период сложения ее языка»¹⁹. Что автор понимает под периодом «сложения языка», остается неясным. Общеславянский язык пережил длительное развитие. За этот период носители этого языка сами прошли сложный путь. Сменились различные виды хозяйства, существенно изменилась техника. И в этот древнейший период славяне жили не в изоляции. Они входили в сношения с другими племенами индоевропейского и неиндоевропейского происхождения. В результате конкретных условий то или иное слово могло быть заимствовано из языков соседей. Согласно утверждению Лященко, это будет свидетельствовать о том, что данного явления древние славяне не знали. Это не так. Заимствование слов само по себе еще не говорит о том, что предметов, обозначаемых данными словами, не было. Мы знаем многие случаи, когда свое, старое слово было полностью или частично вытеснено новым словом.

Проф. Лященко полагает, что «богатый лексикон общих слов» свидетельствует о том, что данное явление в древности получило особенное развитие. Он пишет: «Во всех славянских языках мы часто находим одни

¹⁸ Ф. Корш, Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса, М., 1877, стр. 9.

¹⁹ П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. I, 3-е изд., Госполитиздат, 1952, стр. 26.

и те же слова и корни слов для обозначения одних и тех же понятий. Так, если мы в таком „п्राязыке“ встречаем богатый лексикон общих слов, касающихся сельского хозяйства, земледелия, скотоводства, гораздо меньше — охоты и еще меньше — обрабатывающей промышленности, это означает, что народности, говорившие на этом языке, в преобладающей степени занимались сельским хозяйством, земледелием и скотоводством, в меньшей мере — охотой и в еще меньшей — обрабатывающими промыслами²⁰. На самом деле богатство и разнообразие лексики сплошь и рядом определяется самим характером деятельности человека. Так, терминология сельского хозяйства всегда богаче и разнообразнее терминологии охоты. Современные славянские языки бесспорно свидетельствуют, что древние славяне в широких размерах занимались охотой, что она играла большую роль в их хозяйстве. Были известны и некоторые обрабатывающие промыслы. Здесь прежде всего нужно указать на ткачество. Славянские языки представляют поразительное единство терминологии, связанной с ткачеством. Наряду с этим находим значительные колебания в скотоводческой терминологии. Тщательное изучение наименований домашних животных, домашней птицы может дать ценный материал для истории скотоводства. Но и здесь очень легко ошибиться.

Проф. Лященко утверждает, что лингвистические и археологические данные показывают, что преобладающей пищей у славян была пища растительная. «Об этом свидетельствуют многочисленные общеславянские термины, обозначающие предметы питания растительного происхождения, как *жито*, *брашно* (мука и вообще пища), *хлеб*, *каша*, а также *печь*, *варить* и др... К несколько более поздней эпохе относятся слова, обозначающие переработку продуктов скотоводства — *молозиво*, *сыр*, *творог* и др.; *мясо* — основной продукт — слово древнего общеславянского происхождения»²¹.

Данные славянских языков не подтверждают этого. Привлекая те или иные слова, исследователь должен хорошо знать их историю. Иначе можно сделать грубые ошибки, часто встречающиеся у проф. Лященко (например, отнесение греческого слова *скамья* к общеславянским словам).

Отсутствие во всех современных славянских языках общего слова не всегда может свидетельствовать о том, что обозначаемого им предмета у древних славян не было. Кроме того, нужно иметь в виду, что недостаточно для данных целей пользоваться материалом только литературных языков. Нужно помнить, что говоры любого славянского языка очень часто сохраняют слова, которые в литературном языке и в ряде говоров давно уже исчезли.

Но бывают ошибки и другого типа. Так, иногда говорят о глубокой древности какого-либо явления на том основании, что обозначаемое им слово известно всем славянским языкам. Сам по себе этот факт не может свидетельствовать всегда и во всех случаях о глубокой древности. Приведу один очень наглядный и убедительный пример. В свое время чешский историк славянских древностей Я. Воцель утверждал, что слово *корабль* относится к общеславянскому периоду, так как оно имеется почти во всех славянских языках. Однако это слово — сравнительно позднее заимствование из греческого языка (*καράβιον*).

При сопоставлении славянского языкового материала нужно всегда помнить, что в каждом славянском языке имеется много поздних заимствований из других славянских языков. Так, в болгарском, сербском, словацком и других языках мы находим много заимствований из русского языка; много чешских слов в позднее время проникло в словацкий, поль-

²⁰ Там же, стр. 25.

²¹ Там же, стр. 87.

ский и лужицкие языки; много польских заимствованных слов в белорусском и украинском языках. Поэтому при сопоставлении общих слов в славянских языках исследователь должен быть всегда уверен, что приводимые им слова не являются заимствованиями.

Необходимо также знать, что многие общеславянские слова, имеющие одно значение во всех современных языках, в прошлом имели другое значение. Если пользоваться методом проф. Лященко, то следует заключить, что уже в общеславянском периоде была письменность, существовал литературный язык, так как глагол *читати* и *писати* известен всем славянским языкам (ср. польск. *czytać, pisać*, чеш. *čísti, psáti*, болг. *чета, пиша*, серб. *читати, писати* и т. д.).

При осторожном подходе к языковым данным мы не сможем вслед за П. И. Лященко утверждать, что «названия в с е х (разрядка наша. — С. Б.) домашних животных — праславянского, некоторые даже праиндоевропейского происхождения»²². Слово *лошадь* (в южновеликорусских говорах слова *конь* не знают) не праславянского происхождения.

«При всем значении лингвистики, — пишет проф. Лященко, — в изучении истории общества необходимо признать, что до настоящего времени ее конкретное применение к изучению народного хозяйства многочисленных народностей, населявших Восточно-Европейскую равнину, теоретически еще недостаточно полно разработано, недостаточно обосновано историческим материалом. Поэтому в дальнейшем мы будем пользоваться данными лингвистики лишь в ограниченном виде»²³. Нужно, однако, отметить, что П. И. Лященко пользуется данными лингвистики совсем не в ограниченном виде. Собственно, весь древнейший период в истории хозяйства характеризуется им на основании данных славянских языков. П. И. Лященко слишком свободно, прямолинейно и неосмотрительно пользуется этими данными. Историк, поставивший перед собою такую задачу, должен хорошо знать лингвистическую науку, ее методы и приемы исследования. Автора оправдывает лишь то, что он не лингвист и что вся эта работа должна была быть проделана языковедами.

Именно поэтому перед авторами «Сравнительной грамматики славянских языков» стоит задача дальнейшего изучения древнейшего словарного состава общеславянского языка и его истории в связи с историей славян. В сводных сравнительных грамматиках родственных языков отсутствует отдел, рассматривающий историю словарного состава. Нам следует нарушить эту традицию и дать обстоятельную характеристику древнейшей славянской лексики, ее историю, изменение значений слов в связи с развитием общества и анализ заимствованных слов.

Историки древнейших эпох всегда очень нуждаются в новых, дополнительных фактах. Их дает главным образом археология. Нет сомнения, что языки также содержат богатейшие факты для истории доклассового общества. Именно так обстоит дело с историей славян. Обращение историков славянских народов к данным языков необходимо. Однако на этом пути их ждут большие трудности и опасности. Историки часто не видят специфических особенностей языкового материала. Во время господства «нового учения» о языке принято было ставить знак равенства между языком и культурой. Этому способствовало учение о надстроечном и классовом характере языка. Теперь в этот вопрос внесена полная ясность. Однако некоторые историки до сих пор стремятся решать лингвистические вопросы на материале своей науки.

В статье «О происхождении славян» проф. П. Н. Третьяков указывает, что нет оснований утверждать вслед за П. С. Кузнецовым, что восточно-

²² П. И. Лященко, указ, соч., стр. 84.

²³ Там же, стр. 26.

славянские племенные диалекты не имели существенных различий. «Различные восточнославянские племенные группы реально существовали и в начале I тысячелетия н. э., и в I тысячелетии до н. э., и еще раньше. Условия их образования (обособление от балтийцев, расселение, ассимиляция финно-угорских племен) неизбежно должны были привести к развитию ряда диалектов»²⁴. Это подтверждается тем, что «восточнославянские племена (кривичи, вятичи и др.) хорошо прослеживаются в их материале, начиная с III в. н. э....»²⁵. Возможно, что в распоряжении археолога имеется материал, характеризующий культуру кривичей и вятичей, начиная с III века н. э. Языковед лишен возможности обсуждать эти вопросы.

П. Н. Третьяков полагает, что восточнославянские племена должны были уже в глубокой древности различаться в языковом отношении. Лингвисты не хотят замечать этих различий, так как «они стремятся сохранить, по сути дела, ту антиисторическую концепцию происхождения восточных славян, которую развивали в свое время русские дореволюционные языковеды»²⁶.

Археолог, конечно, может высказать предположение о том, что восточнославянские племена могли иметь диалектные особенности. В таком предположении нет ничего антинаучного. Он может сослаться на данные других славянских языков, которые свидетельствуют об очень древних отличиях племенных диалектов западных и южных славян. Действительно, польско-поморские племенные диалекты отличались от древних чешских произношением *ǝ*, носовых гласных, судьбой сочетаний *tort*, историей интонационных и количественных отношений и рядом других черт.

Были сделаны попытки обнаружить древние (дописменные) диалектные особенности внутри восточнославянских языков. Однако все они были неудачными. Лингвисты не знают восточнославянских диалектизмов, которые были бы старше X — XI веков. Вот почему упрекать их в стремлении во что бы то ни стало поддержать этногенетические теории акад. Шахматова нет оснований.

Археолог А. Я. Брюсов вновь поднял вопрос об единстве «археологической культуры» и «племенного языка». В своей новой книге «Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху» он пишет: «Совпадает ли археологическая культура в этом отношении с языком или, точнее, с группой языков родственных племен... или же эти две категории — археологическая культура и племенной язык — никак не соответствуют друг другу? При этом необходимо помнить, что установившееся в археологии понятие „культура“ не совпадает с обычным пониманием этого термина. Поэтому неправы те товарищи, которые, вырывая из контекста фразу, цитируют слова И. В. Сталина: „...культура и язык — две разные вещи“ и на этом основании утверждают, что понятие „археологическая культура“ и „племенной язык“ несовместимы»²⁷.

Нужно сказать, что проф. Брюсов подменяет один вопрос другим. Никто не утверждает, что «археологическая культура» и «племенной язык» несовместимы. Хорошо известны многочисленные случаи именно совпадения данных археологии и языковедения. И в этом нет ничего противо-

²⁴ П. Н. Третьяков, «О происхождении славян», «Вопросы истории», М., 1953, № 11, стр. 82.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ А. Я. Брюсов, «Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху», М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 20.

естественного. «Было бы странным и противоречащим действительности предполагать, что небольшая локальная группа, составлявшая самодовлеющее хозяйственное целое в палеолите и эпипалеолите, не имела своего единого родового языка. Это настолько очевидно, что едва ли найдутся противники такого предположения...»²⁸ Трудность позиции проф. Брюсова состоит, однако, в том, что никто и не предполагает этого. Ведь речь идет, во-первых, не о «небольшой локальной группе», а о значительной территории распространения таких «археологических культур», как «трипольская», «лужичская» и др., и, во-вторых, речь, обычно, идет не о палеолите, а о неолите и даже металле, т. е. о сравнительно поздних эпохах в истории человечества. Для данного периода единство археологической культуры не может свидетельствовать не только об единстве языка, но даже об этническом единстве. Невозможно предполагать единство языка у носителей поздних «археологических культур». Ведь сам Брюсов вынужден признать, что у археологов «...нет доказательств того, что каждая археологическая культура соответствует особому, единому языку, а тем более диалекту, т. е. что каждая такая культура соответствует одному сложившемуся в это время племени»²⁹.

В поздние периоды многие «археологические культуры» занимали огромную территорию. Археолог не только ничего не может сказать о языке, но не может ничего утверждать об этнической принадлежности носителей этой культуры. Именно поэтому так часто в археологической науке меняются взгляды по этим вопросам. Наиболее яркий пример за последнее время — вопрос об этнической и языковой принадлежности носителей «трипольской культуры». В период господства «нового учения» о языке среди археологов получила широкое хождение гипотеза о славянской или протославянской принадлежности трипольцев. Под влиянием этой гипотезы проф. Лященко и в своем последнем издании «Истории народного хозяйства СССР» полагает, что «новейшие археологические памятники, особенно по трипольской культуре, позволяют утверждать, что славяне в лице каких-то протославянских предков принадлежали к автохтонам Средней и Юго-Восточной Европы и населяли ее еще значительно раньше, чем указывают дошедшие до нас исторические письменные памятники»³⁰. Однако большинство археологов ныне считают трипольцев фракийцами. Но и для этого суждения нет никаких данных.

Археологи в решении этногенетических проблем придают огромное значение территориальной преемственности. Переоценка этого факта связана с марровским нигилистическим отрицанием миграций. Т. С. Пассек и другие археологи считали, что трипольцы являются предками современных народов Карпато-Дунайского района, в частности славян. «В результате исследований трипольских поселений по-новому освещается история Днепровско-Днестровского бассейна, где позднее оформляются славянские племенные объединения, положившие начало Киевской Руси»³¹, — говорит Т. С. Пассек. Однако сам археологический материал ясно свидетельствует, что носители трипольской культуры в результате каких-то событий вынуждены были покинуть заселенную ими территорию. Именно этим обстоятельством и объясняется значительное количество находок.

²⁸ А. Я. Брюсов, указ. соч., стр. 21.

²⁹ Там же, стр. 23.

³⁰ П. И. Лященко, указ. соч., стр. 47.

³¹ Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений («Материалы и исследования по археологии СССР [Ин-та истории материальной культуры АН СССР]», № 10), М., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 239. В настоящее время Т. С. Пассек считает это положение ошибочным. Подробнее см. в ее статье «О марровских ошибках в изучении трипольских племен» (сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», М., 1953, стр. 104—118).

Произошли перемещения населения. Возможно, что на данной территории происходили значительные этнические перемены и в более позднее время.

Нет сомнения, что в «Сравнительной грамматике славянских языков» должен быть приведен и тщательно проанализирован тот лингвистический материал, который может помочь историкам исследовать древнейшие судьбы славянства. Необходимо подвергнуть всестороннему анализу материал, на основании которого строили свои гипотезы дореволюционные русские лингвисты и историки (главным образом А. А. Шахматов), зарубежные славянские ученые (например, Т. Лер-Сплавинский) и советские археологи. Лингвистам нужно с большим вниманием отнестись к итогам многолетних исследований советских археологов, тщательно изучить их материал и лучше познакомиться с принципами их работы.

Многие лингвисты решительно выступают против тех археологов, которые на основании данных своей науки утверждают, что славяне в середине I тысячелетия н. э. занимали обширную территорию от Одера до Днепра. Эти лингвисты исходят из того положения, что в период общеславянского языка славянские племена не могли занимать большую территорию, так как в таком случае общеславянская языковая общность была бы нарушена. Общность процессов общеславянского периода указывает якобы на то, что славянская территория в первые века новой эры не могла быть значительной. Эта мысль кажется настолько убедительной, что с ней считаются даже некоторые археологи. «До раннего средневековья,— говорит А. В. Арциховский,— славянская территория была сравнительно невелика...»³² Однако общность процессов общеславянского периода определяется отнюдь не размерами территории, а характером языкового развития в ранние эпохи истории родственных племен. Территориальный фактор играет роль, но роль второстепенную. Разобненность и изоляция населения может иметь место и на сравнительно небольшой территории (даже на такой, о которой говорил акад. Шахматов).

Никто не может сомневаться в том, что в начале IX в. славянские племена занимали большую территорию. И, несмотря на это, личное имя *Karl* (Карл Великий) явилось общеславянской исходной морфемой для *король*, *król*, *краль* и т. д. Единство процессов определяется внутренними законами развития языка. Утрата редуцированных в «слабой» позиции происходила в истории отдельных славянских языков в X—XII вв. И тем не менее условия утраты были почти идентичными во всех славянских языках. Период существования племенных языков характеризуется необычайной устойчивостью внутриязыковых связей. При таких условиях единство языкового развития не нарушается даже в том случае, если носители родственных племенных диалектов занимали большую территорию. Археологи должны знать, что у лингвистов нет надежных аргументов против гипотез о том, что славяне в первые века новой эры могли занимать обширные районы Восточной и Средней Европы. Иначе дело обстоит с территорией поселения южных славян. До VI в. н. э. на территории Балканского полуострова славян не было.

В данной статье мы затронули некоторые важные вопросы, связанные с большой и очень ответственной работой над созданием «Сравнительной грамматики славянских языков». Эти вопросы требуют всестороннего обсуждения.

³² А. В. Арциховский, Пути преодоления влияния Н. Я. Марра в археологии, сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», стр. 66.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ю. С. СОРОКИН

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЯХ СТИЛИСТИКИ*

1

Вопросы стилистики, т. е. вопросы, касающиеся правил и особенностей целенаправленного использования различных слов и форм общенародного языка в различного рода высказываниях, в речи, имеют острое, актуальное значение. Определение правил и законов языка всегда шло рядом с определением норм употребления тех или иных элементов языка в конкретных речевых контекстах. Нормативная грамматика и стилистика, лексикология, лексикография и стилистика связаны между собою давно и прочно. Еще Ломоносов учил, что грамматика своими правилами должна показать «путь доброй натуре».

Естественно, что в советскую эпоху эти вопросы языковых норм и языкового употребления должны были получить и получили особенно важное значение. Наша Коммунистическая партия, вся советская общественность уделяют исключительное внимание заботам о всемерном развитии и совершенствовании литературных языков многочисленных национальностей Советского Союза. Великая историческая задача, поставленная в нашем социалистическом государстве, — задача сделать всех трудящихся нашей родины культурными и образованными — предполагает, как одно из важнейших своих условий, научить их свободно и умело пользоваться разнообразными богатствами родного языка в его наиболее совершенной, обработанной мастерами, литературной форме. По-разному, но с равной степенью жизненной необходимости стоят задачи определения или дальнейшего уточнения языковых норм для языков младописьменных, где литературная традиция еще складывается, и для языков, на которых имеется многовековая литература с богато разветвленной и сложной, требующей особенно внимательного подхода системой правил употребления.

Понятно, что в этих условиях многообразны и ответственны задачи и в области стилистики русского языка. Русский язык — один из богатейших языков мира, его ресурсы — и в отношении словарного состава, и в отношении различных типов грамматических конструкций — огромны. Не одно поколение замечательных русских писателей, общественных деятелей, ученых, публицистов оставило нам живые образцы мастерского

* Помещая в № 1 журнала за 1954 г. статью Р. Г. Пиотровского «О некоторых стилистических категориях», редакция имела в виду организовать обсуждение вопросов стилистики общенародного языка, поднятых в докладе Ю. С. Сорокина «Об основных понятиях стилистики» на расширенном заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР 19—23 июня 1953 г. Публикуемая статья Ю. С. Сорокина представляет собой переработанный текст этого доклада. Редакция предполагает продолжить начатое обсуждение и просит всех товарищей, работающих в области стилистики, принять в нем участие.

использования этих богатейших выразительных и изобразительных средств русского литературного языка в целях наиболее полного, точного, многостороннего и доступного массам выражения волновавших их идей, живой творческой мысли со всеми ее тонкими и характерными оттенками. Но языковая оболочка мысли, как и само содержание мысли, только тогда получают полную силу, когда они органически слиты, когда с естественной необходимостью для выражения определенных идей выступают свободно избранные формы словесного выражения, единственно в данном случае подходящие для данного содержания, формы, закономерность выбора которых ясно осознает употребляющий их и остро чувствует тот, к кому обращено высказывание. Это предполагает ясное и отчетливое знание стилистических возможностей различных элементов, из которых складывается язык, равно как и внимательное, вдумчивое изучение образцов стилистически совершенной речи.

Среди работ советских языковедов исследование и статьи по вопросам русской стилистики занимают заметное место. Можно сказать, что теоретический интерес к основным вопросам стилистики, определение основных понятий ее как особой языковедческой дисциплины, опыты систематического изучения языка и стиля различных произведений литературы относятся прежде всего к последним трем десятилетиям. Здесь самое важное место принадлежит статьям акад. Л. В. Щербы, особенно его статье «Современный русский литературный язык»¹, и многочисленным большим и малым исследованиям, монографиям и статьям акад. В. В. Виноградова. Здесь должны быть упомянуты также различные интересные исследования и статьи А. М. Пешковского, Г. О. Винокура, Л. А. Булаховского, Б. В. Томашевского, В. А. Гофмана, Б. А. Ларина и др. В этих исследованиях были впервые на теоретической основе поставлены вопросы о задачах стилистики как лингвистической дисциплины, об основных целях, задачах, условиях и различных направлениях стилистического исследования; здесь были сделаны попытки определения основных стилистических понятий. Так, в работах акад. Л. В. Щербы и В. В. Виноградова было выдвинуто понятие «стиля языка» как особой системы средств выражения, в то же время представляющей необходимую составную часть общей системы языка при определенном ее историческом состоянии. Две идеи, две формулировки, данные в работах этих исследователей, оказались особенно influentialными. Это, во-первых, представление о развитии литературном языке как системе концентрических кругов, данное в упомянутой статье Л. В. Щербы. «Русский литературный язык, — согласно этому взгляду, — должен быть представлен в виде концентрических кругов — основного и целого ряда дополнительных, каждый из которых должен заключать в себе обозначения (поскольку они имеются) тех же понятий, что и в основном круге, но с тем или другим дополнительным оттенком, а также обозначения таких понятий, которых нет в основном круге, но которые имеют данный дополнительный оттенок»². Нельзя не заметить, что в центре стилистических разграничений, производимых акад. Л. В. Щербой в системе литературного языка, находятся синонимические соответствия языковых средств, представление о большей или меньшей регулярности синонимических серий слов, выражений, грамматических форм и конструкций.

Другим положением, оказавшим большое влияние на последующий ход стилистических исследований, явилось то определение стиля языка, которое характерно для направления исследовательской работы акад.

¹ Л. В. Щерба, Современный русский литературный язык, «Русский язык в школе», М., 1939, № 4, стр. 19—26.

² Там же, стр. 23.

В. В. Виноградова в 30—40-х годах и с особенной отчетливостью выражено в его статье «О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX вв.»: «С т и л ь я з ы к а — это семантически замкнутая, экспрессивно ограниченная и целесообразно организованная система средств выражения, соответствующая тому или иному жанру литературы или письменности, той или иной сфере общественной деятельности (например, стиль официально-деловой, стиль канцелярский, телеграфный и т. п.), той или иной социальной ситуации (например, стиль торжественный, стиль подчеркнуто вежливый и т. п.), тому или иному характеру языковых отношений между разными членами или слоями общества»³.

Не трудно заметить, что, соприкасаясь с представлением Л. В. Щербы о стилях как концентрических кругах в языке, определяемых в основном наличием синонимических серий, это определение стиля языка шире; в центре здесь оказывается вопрос о целесообразной организации речи в зависимости от определенной сферы применения языка и условий общения. Здесь перекидывается мостик от стилистических категорий как принадлежности индивидуального высказывания к категориям языковым. Поэтому акад. В. В. Виноградов и высказывает далее в этой же статье характерное убеждение, что «остроенная по этому принципу история русского литературного языка растворит в себе и языковой материал, извлеченный из сочинений отдельных писателей, лишит его индивидуального имени и распределит его по общим семантическим и стилистическим категориям языковой системы»⁴.

Таковы важнейшие понятия, которые были положены в свое время в основу стилистического исследования. В ходе этого исследования довольно быстро обнаружились затруднения, которые остаются не преодоленными и до настоящего времени. В этом легко убедиться, сопоставив высказывания разных исследователей в разные годы. Затруднение представила прежде всего задача описания стилей языка как определенной системы применительно к состоянию современного русского литературного языка. В общей форме эта задача определялась в уже цитированной статье акад. В. В. Виноградова так: «Описать и уяснить систему литературного языка в тот или иной период его истории — это значит: дать полную характеристику его звуковой, грамматической и лексико-фразеологической структуры на основе разнообразного и тщательно обработанного материала („литературных текстов“), выделить основные стили литературного языка и определить их иерархию, их семантический и функциональный вес и соотношение, их взаимодействие и сферы их применения» (разрядка моя.— Ю. С.)⁵.

Именно эти последние специфические задачи и остались до настоящего времени никак не решенными. В самом деле, нельзя же считать ответом на этот вопрос те очень общие, часто противоречивые и отрывочные сведения о книжном, разговорном, просторечном, или литературно-художественном, публицистическом, научном, деловом, канцелярском, или о торжественном, официальном, шутовском, насмешливом и т. п. стилях современного литературного языка, которые в более или менее произвольной комбинации, с теми или иными немотивированными добавлениями или усечениями и с самыми неопределенными разграни-

³ В. В. Виноградов, О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII—XIX вв., «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1946, вып. 3, стр. 225.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

чениями даются в известных стилистических обзорах. Этих неудачных попыток описания системы стилей современного русского литературного языка я коснусь ниже в другой связи.

Акад. Л. В. Щерба откровенно писал по этому поводу четырнадцать лет назад: «...я должен сказать, что к нашему великому стыду многое здесь для нас еще неясно»⁶. Проф. А. Н. Гвоздев сопровождает свой общий перечень стилей современного языка более уклончивым, но все же красноречивым признанием: «Сделанные замечания о стилях речи намечают лишь некоторые вехи в этом сложном вопросе, указывают только на важность его разрешения» (разрядка моя. — Ю. С.)⁷.

В чем же причины такого положения с основными, исходными понятиями стилистики, выдвинутыми более десяти-пятнадцати лет тому назад? Почему оказалось таким затруднительным делом охарактеризовать систему стилей современного русского языка и последовательно раскрыть само это общее понятие «стиль языка»? Ведь не было недостатка ни в интересе к этому коренному вопросу стилистики, ни в различного рода попытках его разрешения.

Думаю, что причина этого коренится в неправильности постановки этого вопроса, точнее говоря — в том, что вопрос о стиле языка часто ставится неисторически, абстрактно. Одна из причин теоретической неопределенности в основных понятиях стилистики, между прочим, заключается в том, что авторы ряда последних работ по стилистике недостаточно критически относятся к некоторым положениям относительно стиля языка, высказанным в исследованиях известных наших специалистов в 30—40-х годах, еще до того, как в ходе лингвистической дискуссии 1950 г. в трудах И. В. Сталина по языкознанию нашли свое систематическое изложение, дальнейшее развитие и разъяснение основные положения учения марксизма о языке. Характерно, что, опираясь на эти основные положения марксизма в языкознании, такой признанный специалист в области стилистики, как акад. В. В. Виноградов, неоднократно в последние годы указывал на необходимость критического рассмотрения и оценки понятий стилистики и в особенности стиля языка. В этой связи нужно отметить следующее место из редакционной статьи журнала «Вопросы языкознания». Указав на произведенные за последние два года не лишённые непоследовательности и противоречий попытки «более конкретно описать стилевое многообразие разных национально-литературных языков», редакция журнала писала: «Создание стилистики национального общенародного языка расширяет базу для построения описательных грамматик и лексикологий и вместе с тем служит опорой для изучения своеобразий литературно-художественного применения общенародного языка. В стилистике национального языка должны быть описаны и раскрыты функциональные различия форм речи в зависимости от условий, ситуации, цели, задачи, содержания языкового общения»⁸. Ср. и следующее критическое замечание (на той же странице), адресованное в этой статье проф. Гвоздеву как автору «Очерков по стилистике русского языка»: «Нельзя не признать слишком прямолинейным и упрощенно схематичным определение „стиля художественной речи“ как простой разновидности книжного стиля литературного языка, соотносительной с научным и публицистическим его стилями».

⁶ Л. В. Щерба, указ. соч., стр. 23.

⁷ А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, М., Изд-во АПН РСФСР, 1952, стр. 15.

⁸ «Два года движения советского языкознания по новому пути» [передовая], «Вопросы языкознания», М., 1952, № 3, стр. 17.

Мне представляется, что в приведенном отрывке проблема стили речи ставится иначе, чем это делалось в тех определениях 30—40-х годов, которые цитировались выше. Во всяком случае, было бы полезно критически осветить понятие стиля языка, обратившись к материалам современного русского литературного языка. Настоящая статья и представляет собою попытку такого критического освещения. Она не может ставить целью полное разрешение этого вопроса; она только пытается проверить, насколько плодотворно и целесообразно декларативное выдвигание на первый план понятия о стиле языка, когда речь идет о таком развитом литературном языке, каким является современный русский литературный язык, насколько это понятие теоретически основательно и практически полезно.

2

Выше мы приводили определение стиля языка, согласно которому он представляет собою семантически замкнутую систему средств выражения, систему экспрессивно ограниченную и целесообразно организованную. Эти системы, представляющие стили языка, соответствуют, как было сказано, определенному жанру литературы или письменности, определенной сфере общественной деятельности, определенной социальной ситуации, определенному характеру языковых отношений между разными членами или слоями общества. Эти особые стили языка в совокупности составляют систему, характеризующую литературный язык в целом.

Нужно сказать, что эти представления в тех или иных вариациях противостоят в работах последнего времени, нередко выступая здесь в самом упрощенном виде. Так, например, А. И. Ефимов предлагает под термином «стиль языка» (которому он противопоставляет «слог» как особенность индивидуального употребления языка) понимать «...жанровую разновидность литературного языка»⁹. Что речь при этом идет прежде всего о приуроченности определенных стилей языка к определенным жанрам литературы, ясно хотя бы из следующего замечания: «Своеобразие слога, например, баснописца определяется не только характером самого литературного жанра басен, содержанием и идейной направленностью его творчества, но и тем, что этому жанру соответствует выработавшийся в литературном языке определенный стиль языка»¹⁰.

Усложненную вариацию в этом же роде находим в статье Э. Г. Ризель о проблеме стиля. Здесь за первым рядом таких стилей языка, как, например, стиль художественной литературы, публицистики, прессы, научной литературы, следует другой ряд, подчиненный первому и представляющий разновидности этих основных стилей. Так, например, разновидностями стиля художественной литературы признаются стиль поэзии, стиль прозы, стиль драмы. Внутри этих своего рода «подстилей» являются еще более частные стили, «...возникают стили народной песни, баллады, сонета и пр.»¹¹ И все это оказывается составляющим систему стилей языка. Четвергым стилиями, приуроченными к определенным жанрам литературы или письменности, ограничивается проф. А. Н. Гвоздев в своих «Очерках по стилистике». Это — научный стиль с примыкающим к нему деловым, стиль художественной речи и публицистический стиль как важнейшие элементы книжного стиля. В. Д. Левин, принимая как особые стили языка стили публицистический, научный и официально-деловой, не согласен

⁹ А. И. Ефимов, Об изучении языка художественных произведений, М., Учпедгиз, 1952, стр. 11.

¹⁰ Там же, стр. 16.

¹¹ Э. Г. Ризель, Проблема стиля в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, «Иностранные языки в школе», М., 1952, № 2, стр. 15.

с выделением на равных с ними правах стиля художественной литературы¹².

Мы помним, что, с другой стороны, стили языка рассматриваются как система определенных средств выражения, определенных элементов языка. Для каждого из них должны быть характерны определенные слова и выражения, формы, конструкции, не характерные для других стилей языка. Это — важнейшая сторона дела; в ней заключено основание для выделения всех этих разновидностей как стилей языка.

Но оправдывают ли это положение факты современного языкового употребления? Как будто бы не оправдывают. Во всяком случае, пока никому не удалось показать, что с каждым из этих стилей связаны специфические элементы языка, особые элементы его словаря и фразеологии, особые формы и конструкции, невозможные в других стилях или выступающие в этих других стилях как инородное тело.

Очень показателен данный в «Очерках по стилистике» А. Н. Гвоздева перечень стилей языка, сопровождаемый краткой их характеристикой: «Н а у ч н ы й с т и л ь, основное назначение которого — давать точное, систематическое изложение научных вопросов; в нем основное внимание привлечено к логической стороне излагаемого; поэтому иногда этот стиль обозначают как стиль интеллектуальной речи. К нему примыкает строго-деловой стиль законов, инструкций, уставов, деловой переписки, протоколов и т. д., в котором также господствуют интеллектуальные элементы языка (?); 2) с т и л ь х у д о ж е с т в е н н о й р е ч и, для которой типично стремление к яркости, образности, экспрессии речи: он включает большое число разновидностей (?); 3) п у б л и ц и с т и ч е с к и й с т и л ь — стиль агитации и пропаганды; его цель — убеждать массы, давать им лозунги для борьбы, организовать и вести их к победе. Этот стиль, в связи с такими задачами, широко пользуется как средствами интеллектуальной, так и средствами экспрессивной речи»¹³.

Не вдаваясь в критику многих частных противоречий и двусмысленностей в этих формулировках, отметим главное. В этой характеристике нет и намека на языковую специфику указанных стилей, она покоится на самом общем определении особых задач каждой из указанных разновидностей речи. Но могут ли в таком случае эти разновидности рассматриваться как особые стили языка? С другой стороны, можно ли отказать художественной литературе в интеллектуальных элементах языка, если только под ними понимаются прямые, лишённые экспрессивной окраски обозначения понятий; и распадается ли научный стиль, теряет ли он точность и систематичность в изложении научных вопросов при использовании в нем средств экспрессивной речи?

Всего страннее то, что всем этим разновидностям книжной речи противопоставляется стиль разговорной речи, в котором выделяется в свою очередь просторечный стиль. Но как тогда быть со стилем художественной речи, который никак не может уместиться в рамки речи книжной, если ее понимать как противоположность разговорной? Как быть, например, со стилистическими особенностями драмы, со стилистическими особенностями диалогов в различных жанрах художественной литературы? Что касается стиля просторечного, который, по утверждению А. Н. Гвоздева, выражается в отступлении от принятых норм общения, в допущении языковых элементов, имеющих экспрессивную окраску грубоватости, то этот стиль,

¹² См. В. Д. Леви́н, Вопросы языка художественных произведений, в кн. «Открытое расширенное заседание Ученого совета [Ин-та языковедения АН СССР], пов. второй годовщины выступления И. В. Сталина по вопросам языковедения. 18—21 июня 1952 г. Тезисы докладов», М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 49—56.

¹³ А. Н. Гвозде́в, указ. соч., стр. 14.

поскольку речь идет об особых языковых средствах, оказывается возможным в различных жанровых разновидностях речи. Можно ли, например, заказать стилю художественной речи или публицистическому стилю или даже научному стилю пользоваться в необходимых случаях этими элементами, имеющими экспрессивную окраску грубоватости?

Не трудно понять, почему все предпринятые попытки очертить особенные и характерные признаки литературно-художественного, публицистического и даже научного стиля как якобы особых разновидностей языка до сих пор не могли привести к положительным результатам и выливались в самые неопределенные, абстрактные и подчас двусмысленные определения. Дело в том, что в развитом национальном языке, как, например, в современном русском литературном языке, и нет таких замкнутых жанрово-речевых разновидностей. И художественная литература, и публицистика, и научная литература представляют сейчас столь развитые области человеческой деятельности, имеющие такое большое количество разнообразных задач, касающиеся столь различных сторон действительности и в таких различных аспектах, что ограничить их стиль какими бы то ни было изолированными элементами языка нет никакой возможности. В любой сфере общественной деятельности, в любом жанре литературы или письменности мы можем пользоваться и практически пользуемся различными средствами, которые предоставляет нам общенародный язык. Выбираем мы те или иные средства в каждом отдельном случае, исходя не из отвлеченных требований жанра, а учитывая конкретное содержание и назначение речи. Этот выбор определяется отношением пользующихся языком людей к данному содержанию, их всякий раз конкретными представлениями о назначении, функции данной речи. Вот почему правильное было бы говорить не о публицистическом, литературно-художественном, научном и т. д. стиле языка, а о различных принципах выбора, отбора и объединения слов в художественно-литературных, публицистических, научных произведениях данной эпохи. Или иначе говоря: если и выдвигать общие понятия литературно-художественного, публицистического, научного стиля, то нужно помнить, что они выходят за рамки собственно языковые, что с точки зрения языковой они обнаруживают исключительное разнообразие и изменчивость.

Думаю, что это не требует особых доказательств в отношении художественной литературы, в которой широта, свобода объединения, разнообразие и многообразие применяемых языковых средств, проявившиеся уже в пору расцвета русской реалистической литературы со времен Пушкина и Гоголя, общеизвестны. Наиболее целесообразным было бы остановиться на этом вопросе применительно к так называемому научному стилю. В самом деле, в отношении выбора и подбора языковых средств он представляется с первого взгляда наиболее обособленным. Говорят, что научный стиль характеризуется подбором особых слов и выражений — специальной терминологии, логических или «интеллектуальных элементов языка» (вспомним характеристику А. Н. Гвоздева). Конечно, верно то, что изложение вопросов науки невозможно без разработанной системы специальных терминов. Но наличие специальных терминов само по себе не может еще составить характеристики научного стиля. С одной стороны, употребление научной терминологии далеко выходит за рамки только научной литературы. С другой стороны, было бы крайним упрощением представлять дело так, что научность освещения вопроса определяется только употреблением особой специальной терминологии.

Верно, далее, и то, что основное внимание при научном способе изложения привлечено к логической стороне излагаемого. Но разве логическая стройность изложения не является общим его достоинством?

Более определенной была бы чисто негативная характеристика научного способа изложения, т. е. указание на то, что в научных произведениях, как и в любых чисто деловых документах, не является существенной забота об образном применении слова, об украшении слога. Но, во-первых, отсутствие образности и заботы о красоте и изяществе изложения вовсе не есть обязательная принадлежность слога научных произведений. А во-вторых, эта особенность опять-таки не укладывается в рамки чисто языковых категорий.

Научный характер изложения определяется прежде всего содержанием речи, ее общей направленностью, характером и типами связи понятий, последовательностью в ходе изложения мысли, а вовсе не абстрактными нормами отбора языковых средств. Истинно научное изложение не замыкается в рамки каких-то особых форм речи. Оно может быть столь же разнообразно и изменчиво, как и изложение чисто художественное.

Возьмем для примера образцы слога такого классического произведения русской научной мысли, как «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова. Вот кусочек из первого параграфа этой книги: «Вам, конечно, случалось, любезный читатель, присутствовать при спорах о сущности души и ее зависимости от тела. Спорят обыкновенно или молодой человек со стариком, если оба натуралисты, или юность с юностью, если один занимается больше материей, другой — духом. Во всяком случае, спор выходит истинно жарким лишь тогда, когда бойцы немного дилетанты в спорном вопросе. В этом случае кто-нибудь из них, наверное, мастер обобщать вещи необобщимые (ведь это главный характер дилетанта), и тогда слушающая публика угощается обыкновенно спектаклем вроде летних фейерверков на петербургских островах. Громкие фразы, широкие взгляды, светлые мысли трещат и сыплются, что твои ракеты. У иного из слушателей, молодого, робкого энтузиаста, во время спора не раз пробежит *м о р о з л о к о ж е*; другой слушает, притаив дыхание; третий сидит весь в поту. Но вот спектакль кончается. К небу летят страшные столбы огня, лопаются, гаснут... и на душе остается лишь смутное воспоминание о светлых призраках. Такова обыкновенно судьба всех частных споров между дилетантами. Они волнуют на время воображение слушателей, но никого не убеждают. Дело другого рода, если вкус к этой диалектической гимнастике распространяется в обществе. Там боец с некоторым авторитетом легко делается кумиром. Его мнения возводятся в догму, и, смотришь, они уже проскользнули в литературу. Всякий, следящий лет десяток за умственным движением в России, бывал, конечно, свидетелем таких примеров, и всякий заметил, без сомнения, что в делах этого рода наше общество отличается большой подвижностью»¹⁴.

Но, прослушав этот отрывок, скажут: это — прелюдия, это еще не научный стиль языка, это особый прием популярного стиля, совмещающего требования научности с доходчивостью изложения (как будто бы научный стиль исключает популярность).

Возьмем другой параграф, в котором автор знакомит нас уже с основными понятиями своей теории. Вот начало первой главы, где определяется общий характер рефлекторных движений. «Чистые рефлексы, или отраженные движения, всего лучше наблюдать на обезглавленных животных и преимущественно на лягушке, потому что у этого животного спинной мозг, нервы и мышцы живут очень долго после обезглавливания. Отрежьте лягушке голову и бросьте ее на стол. В первые секунды она как бы парализована; но не более как через минуту вы видите, что животное опривилось и село на стол в ту позу, которую оно обыкновенно принимает на

¹⁴ И. М. Сеченов, Избр. произвед., т. I, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 7

суше, если спокойно, т. е. сидит, как собака, поджавши под себя задние лапы и опираясь в пол передними. Оставьте лягушку в покое, или, правильнее, не касайтесь ее кожи, и она просидит без движения чрезвычайно долго. Дотроньтесь до кожи, лягушка шевельнется, и опять покойна. Ципните посылку, и она, пожалуй, сделает прыжок, как бы стараясь убежать от боли. Боль прошла, и животное сидит целые часы неподвижно. Механизм этих явлений чрезвычайно прост: от кожи к спинному мозгу тянутся чувствующие нервные нити; а от спинного мозга выходят к мышцам нервы движения; в самом же спинном мозгу обоого рода нервы связываются между собою при посредстве так называемых нервных клеток. Целость всех частей этого механизма совершенно необходима для произведения описанного явления. Перережьте, в самом деле, или чувствующих, или движущий нерв или разрушите спинной мозг — и движения от раздражения кожи не будет. Этого рода движения называются *отраженными* на том основании, что здесь возбуждение чувствующего нерва отражается на движущем. Понятно, далее, что эти движения involuntary: они являются только вслед за явным раздражением чувствующего нерва. Но зато, при последнем условии, появление их так же неизбежно, как падение на землю всякого тела, оставленного без опоры, как взрыв пороха от огня, как деятельность всякой машины, когда она пущена в ход. Стало быть, движения эти машинообразны по своему происхождению.

Вот ряд актов, составляющих рефлекс или отраженное движение: возбуждение чувствующего нерва, возбуждение спинно-мозгового центра, связывающего чувствующий нерв с движущим, и возбуждение последнего, выражающееся сокращением мышцы, т. е. мышечным движением»¹⁵.

Здесь, наконец, как будто бы являются отдельные признаки того, что обычно характеризуется как особый научный стиль языка: применение специальных терминов и слов книжного характера, характерные логизированные построения обобщающих предложений. Но ведь выходит, что признаки этого особого «стиля» выступают эпизодически, их нужно выискивать в общем контексте, нарушая его индивидуальность, целостность, т. е. именно то, что и создает понятие стиля.

Аналогичную картину мы наблюдаем в современном языке и применительно к речи с различными экспрессивными устремлениями. В развитом национальном литературном языке (с характерным для него многообразием выразительных средств и с возможностями извлекать из многих слов и выражений различные тональности) возвышенный, риторический (ораторский), сниженный и т. п. стили речи также определяются не только (и, может быть, не столько) выбором каких-то особых, изолированных, специфических средств, слов, грамматических форм и синтаксических конструкций. В современном русском языке сравнительно мало таких слов и выражений, которые могли бы быть прдурочены только к одному из таких стилей речи. Возвышенный, сниженный и т. п. стили речи не исключают употребления слов и выражений различной стилистической окраски. Решающим для характеристики того или иного стили речи являются принципы соотношения и приемы объединения различных языковых средств в контексте речи.

Обратимся к некоторым характерным примерам. Вспомним два отрывка из произведений Чернышевского. Например, известное место из его рецензии на «Политико-экономические письма...» американского вульгарного экономиста Г. К. Кэре: «Исторический путь — не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дубри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность. Она —

¹⁵ И. М. Сеченов, указ. соч., стр. 12—13.

занятие благотворное для людей, когда вы думаете действительно о пользе людей, но занятие не совсем опрятное. Правда, впрочем, что нравственную чистоту можно понимать различно: иному, может быть, кажется, что, например, Юдифь не запятнала себя»¹⁶. Какой характер имеет здесь речь? Как будто бы ответ может быть один, если исходить из предмета речи и из положения и назначения данного отрывка в контексте всей рецензии: возвышенный. А чем это выражается? Подбором каких-то особых слов, выражений, форм, синтаксических построений, каждое из которых в отдельности мы могли бы назвать специфически возвышенными? Отнюдь нет. Напротив, здесь выбраны самые обычные, простые слова, здесь представлены такие синтаксические конструкции, которые применяются Чернышевским и по другим поводам, в других стилистических контекстах. Значит, возвышенность стиля этого отрывка создается чем-то другим, что еще должно быть определено, но во всяком случае не тем, что имеет отношение к какому-то одному замкнутому стилю языка.

Возьмем еще более известное место из романа «Что делать?», посвященное возвышенной, патетически-напряженной характеристике новых людей рахметовского типа: «Мало их, но ими расплетает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли»¹⁷.

Здесь не трудно показать, что создает этот явно возвышенный, эмоционально-напряженный, ораторски-страстный характер речи: ритмическая размеренность, характерные повторы и синтаксические параллелизмы, инверсированный порядок слов, цепь сравнений, сочетания существительного в именительном падеже с тем же существительным в родительном падеже множественного числа (со значением преимущественного выделения) и т. д. Но разве хоть об одном из этих средств можно сказать, что оно существует лишь в системе особого стиля языка, что оно не может быть использовано в языке в других ситуациях, с другой стилистической окраской и т. д.? И разве нет здесь таких средств (ср.: жизнь «заглохла бы, прокисла бы»), которые мы, рассматривая их в отдельности, никак не могли бы связать с возвышенным стилем? (ср. также слова *масса*, *теин* и т. п., которые скорее были бы связаны нами, в отвлечении от контекста, с научным стилем). И разве они вносят диссонанс, представляются инородным телом в этом столь определенном со стилистической стороны контексте? Еще Пушкин и Гоголь показали, что наряду с употреблением традиционно закрепленных за старыми стилями языка средств в разнообразных стилистических целях могут применяться такие средства, которые были ранее прикреплены к совсем другим разновидностям речи. Ср. в этом отношении сложность языкового состава известных патетических мест из лирических отступлений в «Мертвых душах» Гоголя.

3

К каким же выводам можно прийти на основании всех предшествующих рассуждений? В современном языке, со времени Пушкина, окончательно подорвавшего и разрушившего авторитет действительно существовавших разобренных, замкнутых и систематически организованных стилей литературного языка XVIII в., не существует различных обособ-

¹⁶ Н. Г. Чернышевский, Полное собр. соч., т. VII, М., ГИХЛ, 1950, стр. 923.

¹⁷ Там же, т. XI, 1939, стр. 210.

ленных стилей, какой-либо системы концентрических кругов, замкнутых и лишь частично соприкасающихся, иерархически соподчиненных. Что же тогда есть в языке с точки зрения стилистической? Что позволяет в разных случаях, в разных условиях речи выражать по-разному сходные понятия? В языке с его обширным и разнообразным кругом слов, выражений, форм, конструкций мы имеем лишь определенные стилистические возможности, которые могут быть очень различно реализованы в той или иной разновидности речи, в том или ином контексте высказывания. Понятно, что эти возможности, предоставляемые языком, могут быть очень разного порядка. В одном случае это будут слова и формы, которые мы могли бы традиционно обозначить как «нейтральные». Они действительно нейтральны или, если можно так сказать, безразличны к стилю, т. е. могут выступать в различных по своему стилистическому характеру высказываниях и, в зависимости от обстоятельств, от всего контекстного окружения, получать ту или иную окраску. Таких слов, выражений, форм слов и конструкций в языке много, они, без сомнения, составляют основную массу его средств. Что мы можем сказать, например, о словах основного словарного фонда, имея в виду их основные, прямые значения, являющиеся устойчивым, обычным для общепринятого языка обозначением различных понятий и предметов? Такие слова, как *вода, камень, идти и ходить, белый, острый, напрасно*, и многие другие, действительно безразличны к стилю высказывания. Но само собою понятно, что говорящий не может быть безразличен к выбору слов. При определении стилистического характера речи, ее направленности мы не можем игнорировать важнейшего вопроса: прибегает ли говорящий или пишущий к этим обычным, простым и «нейтральным» словам или избегает их, заменяя их возможными синонимическими словами или оборотами, хотя в данном случае было бы необходимо и естественно употребить именно эти простые слова. Разве не характерно стремление Пушкина в борьбе с перифрастической и жаргонной манерой выражения опереться, как на важнейший элемент стиля, на эти простые, обычные слова?

Нейтральными по своей природе, несмотря на свое специальное назначение, являются и слова-термины, как прямые и точные обозначения определенных понятий. Лишь в особых условиях контекста они получают особую выделяющую их стилистическую окраску, обычно сталкиваясь в речи с их синонимами не специального значения или являясь в таком контексте, где их появление не ожидалось. Ср. иронически у Пушкина:

Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

Нейтральными являются и многие другие слова, не имеющие себе в словарном составе синонимических соответствий и не несущие яркой экспрессивной окраски. Но в языке имеется определенный круг (и в таких развитых литературных языках, как русский, хотя и несравненно меньший, чем первый круг, но достаточно широкий и разнообразный) таких слов и выражений и — отчасти — таких форм и конструкций, сфера употребления которых ограничена. Такие слова и выражения, такие формы являются не только носителями определенных лексических или грамматических значений, но и предполагают выражение того или иного отношения говорящих к определенным предметам и понятиям. Об этих словах можно сказать, что они обладают определенной стилистической тональностью сами по себе, как данные слова, независимо от контекста, что они несут с собой в тот или иной контекст определенную общую настроенность.

Вопрос об общей стилистической ограниченности тех или иных языковых средств тесно связан с вопросом о наличии в языке синонимических рядов соотносительных по значению слов и форм. Там, где при назывании определенного понятия, предмета есть возможность выбора одного из наличных в языке слов с соотносительным значением, там обычно, наряду со словами нейтральными, которые возможно употребить в контекстах с очень различной стилистической окраской, выступают и слова, определенным образом стилистически ограниченные.

Стилистически ограниченными словами являются, например, так называемые просторечные слова, вроде *лебезить*, *лафа*, *малость* (наречие), *недотепа* и т. п. Еще более явно ограниченное стилистически положение занимают такие слова и выражения, как *баять*, *зыбка*, *не замай* и т. п., которые обычно в современных словарях определяются как областные. В современной речи лишь в определенных особых стилистических условиях могут явиться слова устарелые, вроде *очи*, *сей* и т. д. Стилистические пометы при таких словах в современных толковых словарях обычно и имеют своей целью указать на такую общую стилистическую настроенность слова, которая предполагает наличие особых условий для его употребления. Но при стилистической характеристике слов не следует смешивать наличие общей стилистической окраски отдельных слов или выражений с теми экспрессивными оттенками, которые могут явиться у слова в различных контекстах в зависимости от выражения отношения говорящего к тому или иному предмету речи, а также в зависимости от тех или иных видов объединения слов в высказывании, от всего словесного окружения данных слов в контексте речи. Понятно, что общая стилистическая окраска слова или выражения, закрепленная за ним в языке, определенным образом ограничивает возможности его применения в различных контекстах речи. Нельзя употребить, например, слова *лафа* или *малость* (наречие), не внося в свою речь оттенка намеренной грубоватой непринужденности, фамильярности и т. п. Нельзя просто и всерьез именовать глаза *очами*, а об *этом* столе сказать, что он *сей*.

Но это еще только самая общая стилистическая характеристика слова, общее предупреждение о возможных границах его употребления. Полная и конкретная стилистическая характеристика слова может быть дана только в контексте речи. Как конкретно реализуется эта общая стилистическая предопределенность слова, какова будет его реальная окраска и его конкретное назначение в речи — это решается прежде всего его отношениями с другими словами в речи, той смысловой перспективой, в которую слово оказывается «вдвинутым» в каждом отдельном случае. Покажем это на нескольких примерах.

О слове *малость* в значении «немного, несколько» мы уже говорили как о слове, вносящем в контекст выражение фамильярной непринужденности, как о слове, тесно связанном прежде всего с экспрессивной разговорной речью. Но возьмем три примера¹⁸.

У Гончарова: «Счас у дороги татарская деревушка будет: туда и заедем. Переждем малость!» Здесь употребление слова *малость* предопределено всем контекстом речи данного персонажа. Оно — лишь один из штрихов, указывающих на чуждый литературной норме характер этой речи. То же самое назначение имеет это слово и в следующем предложении из речи пьяного дебошира-миллионщика в рассказе Чехова «Маска»: «Почитали малость — и будет с вас...» И только в следующем

¹⁸ Заимствую их из «Словаря русского языка, составленного постоянной словарной комиссией АН СССР», т. VI, вып. I (Л., Изд-во АН СССР, 1927).

отрывке из стихотворения Лермонтова «Я к вам пишу: случайно! право» это слово имеет характер мягкой непринужденности:

...Если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость —
Я буду счастлив.

То же слово *малость* в значении «мелочь, нечто несущественное, пустишки» толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова характеризует как просторечное, а словарь С. И. Ожегова более осторожно как разговорное. Но понятно, что в примере из «Евгения Онегина»: «Что к моим ногам вас привело? Какая малость!» или из Тургенева: «Какая ничтожная малость может иногда перестроить всего человека», которыми словарь под ред. Ушакова иллюстрирует это значение, просторечность слова погашена контекстом, здесь является только легкая непринужденность выражения.

Упомянутые устарелые (для речи непосредственного бытового общения) слова типа *очи*, *чело* и т. п. занимают обособленное положение в системе стилистических средств современного русского языка. Но они в одних условиях могут быть реализованы как средства поэтически-вышенной характеристики предмета (отчасти даже в языке наших дней), в других — как средства ироническо-сатирической его характеристики. Определение стилистических возможностей слова тесно связано, с одной стороны, с изучением различных значений слова и отношений между ними, с другой стороны, с изучением фразеологических связей слова в отдельных его значениях. Одно и то же слово, в случае его многозначности, может вести себя в стилистическом отношении далеко не одинаково в зависимости от того, какое значение его реализуется и в сочетании с какими словами оно вступает. Так, у многих слов (в частности, слов основного словарного фонда) с основным конкретным значением стилистически нейтральным являются вторичные, по преимуществу переносные значения, стилистически ограниченные. Ср., например, слово *вода* в его основном значении и в переносном, образном значении «многословие, пустословие»; *знать* в его конкретном значении и в значении «вести речь к какой-либо цели, намекать на что-либо» (*Он все знает к тому, чтобы сделать по-своему*); *клеиться* в его соотношении с *клеить* в конкретном значении и то же слово в значении «идти на лад» (*Разговор не клеится*).

При определении стилистических возможностей слова чрезвычайно важно учитывать границы его сочетаемости с другими словами, его возможные фразеологические связи и обусловленные этим изменения его экспрессивно-стилистической окраски. Указывая на второе значение глагола *водиться*: «находиться, иметься, жить, бывать», словарь под ред. Д. Н. Ушакова не сопровождает это значение какой-либо стилистической пометой. Между тем приводимые здесь в качестве иллюстраций речения и цитаты легко обнаруживают свою стилистическую неоднородность, находящуюся в зависимости от сочетаний этого слова с другими словами и, соответственно, от того, какие синонимические соответствия может найти себе в языке данное слово. Так, если пример *В реке водятся щуки* показывает действительно стилистически нейтральный характер данного глагола, то примеры: *У батюшки Ипата водились деньжата* и даже *За ним водится этот грех* уже нельзя не признать указывающими на известную стилистическую тональность глагола *водиться*.

Характерный пример резкого изменения экспрессивно-стилистической тональности показывают слова, относящиеся в своем основном значении к понятиям, связанным с миром животных, при отнесении этих слов к человеку и его действиям (ср. *морда*, *дохлый*, *медведь*, *осел* и т. п.). Чрезвычайно показательно в этом отношении и приобретение экспрессивно-

просторечных стилистических красок словами конкретно-предметного значения при их сочетании со словами отвлеченного значения. Ср., например, фразу: *У него была прореза на пальто* и выражение Писарева *прорези гегелизма*; ср. *лоскут ситца* и следующий отрывок из статьи Чернышевского «Г. Чичерин как публицист»: «...оказываются в системе большие пробелы, и русский ученик (буржуазных либеральных публицистов Запада.— Ю. С.) наполняет их, как умеет, лоскутами фактов и понятий, набранными откуда бог даст»¹⁹.

Таким образом, вопрос о стилистических возможностях слова неразрывно связан не только с изучением синонимии языка, но и с изучением типов и видов значений слов и фразеологических связей и сочетаний слов в различных возможных контекстах речи.

Итак, весь ход нашего рассуждения ведет к следующему:

1. Вопрос о стилях языка нельзя ставить отвлеченно, исторически, безотносительно к этапам развития национального литературного языка. Мы имеем полное основание говорить о стилях языка как об особых, семантически замкнутых типах речи применительно, например, к русскому литературному языку XVIII в. времени Ломоносова. Мы не имеем достаточных оснований говорить о таких или подобных стилях языка применительно к литературному языку начиная со времени Пушкина.

2. Мы не имеем в современном русском литературном языке, как в языке, достигшем очень высокой ступени развития и представляющем исключительное разнообразие своего употребления, стилей языка как особых его (языка) сфер, типов, систем. Но каждое высказывание, каждый контекст обладает стилем; в речи мы находим всякий раз определенный выбор слов, форм, конструкций, порядок их расположения и определенное их сочетание, которые зависят как от содержания и назначения речи, так и от общих законов, правил и возможностей языка. В этом смысле мы и должны говорить о стилях речи, причем их характеристика должна быть гораздо более конкретной и тонкой, чем это имеет место в современных пособиях по стилистике.

3. Помимо изучения всего разнообразия конкретных стилей речи, конкретных приемов сочетания языковых элементов в высказывании, важнейшую задачу стилистики составляет определение общих стилистических возможностей отдельных элементов языка, тесно связанное с изучением его синонимии, системы значений слова и фразеологии.

В последнее десятилетие довольно распространенным стало разделение стилистики на лингвистическую (иначе: лингвостилистику — термин, введенный, если не ошибаюсь, Л. А. Булаховским) и литературоведческую. Такое разделение следует признать внешним, не вскрывающим действительного различия направлений и целей стилистического исследования.

Возьмем, например, определения стилистики как лингвистической и как литературоведческой дисциплины в «Очерках по стилистике русского языка» А. Н. Гвоздева. О лингвистической стилистике здесь говорится, что это «...стилистика, рассматривающая и оценивающая средства национального языка с точки зрения их значения и экспрессии, изучающая систему выразительных средств известного языка...»²⁰. Такое определение нельзя не признать расплывчатым и неясным. Во-первых, при этом лингвистическая стилистика сливается с семасиологией (она рассматривает и оценивает средства языка «с точки зрения их значения»), и ее предмет поэтому становится неопределенным. Во-вторых, что касается экспрессии средств национального языка, то она, как мы уже говорили, в

¹⁹ Н. Г. Чернышевский, Полное собр. соч., т. V, 1950, стр. 667.

²⁰ А. Н. Гвоздев, указ. соч., стр. 10.

большей части случаев оказывается изменчивой, зависящей от условий, содержания и назначения речи. Но тогда чем отличается принципиально (не по объему) лингвистическая стилистика от стилистики как литературоведческой дисциплины? Ведь основную задачу последней А. Н. Гвоздев определяет так: «...выяснение того, как писатели для воплощения своих художественных замыслов, для выражения своей идеологии используют выразительные средства, которыми располагает язык»²¹. Но экспрессия языковых средств нередко и во многом зависит именно от этого «как», от конкретного применения и контекстового окружения слов, отдельных языковых элементов. Кроме того, непонятно, почему особо выделяется стилистика как проблема литературоведения: являясь частью общей проблемы о приемах и способах использования языковых средств для выражения определенного круга мыслей, определенной идеологии, она имеет отношение и к науке, к публицистике и т. д.

Более правильным представляется общее разделение стилистики на стилистику аналитическую и стилистику функциональную — два раздела, тесно между собою связанные, хотя и имеющие свои особые границы и специальные задачи. И в том и в другом случае стилистика представляется как особая, прикладная область языкознания, поскольку речь идет об изучении средств языка и их применении. Но понятно, что стилистическое исследование предполагает совместную заинтересованность и сотрудничество языковедов со специалистами других отраслей науки — литературоведами, поскольку речь идет об изучении стилистического мастерства писателей и публицистов, представителей других наук, поскольку речь идет о языке и стиле произведений научного характера и т. д.

Как же могут быть определены задачи двух основных разделов стилистического исследования? Стилистика аналитическая, как нам представляется, имеет своей задачей изучение той общей стилистической тональности отдельных элементов языка, о которой речь шла выше. Такое изучение тесно связано с изучением синонимии языка, синонимических соответствий слов и форм. Понятно, что аналитическая стилистика, рассматривая отдельные слова, выражения, формы, конструкции языка по отдельности и в их соотношении с возможными их языковыми синонимами, может помочь лишь общему определению границ общенародного употребления слов и форм языка при определенном состоянии его синонимической системы. Это исследование еще не представляет собой стилистики в собственном смысле, хотя без него и невозможно ее существование. Важнейшим результатом такого исследования является выделение наряду с так называемыми «нейтральными» элементами языка таких его элементов, которые вносят в контекст определенную настроенность, употребление которых возможно лишь при определенных стилистических условиях.

Что касается стилистики функциональной, то она изучает конкретные принципы отбора, выбора и объединения слов в контексте речи в связи с общим смыслом и назначением высказывания. Ее задача — анализ многообразия стилистических применений элементов языка в конкретных речевых условиях. Именно здесь мы сталкиваемся с понятием стиля речи, с тем, без чего немислимо никакое высказывание; конкретное многообразие этих стилей речи мы должны изучать и оценивать, избегая тех схематических делений на «стили языка», которые никак не помогают вскрыть это многообразие использования языка в различных целях, социальных условиях, в различных областях общественной деятельности и в зависимости от различного содержания речи.

²¹ А. Н. Гвоздев, указ. соч., стр. 10.

Ж. Д. ДОСКАРАЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И ИСТОРИИ
КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

В Институте языка и литературы Академии наук Казахской ССР ведется работа по изучению местных особенностей казахского языка. Для этой цели был организован ряд диалектологических экспедиций в юго-восточные и северо-западные районы Казахстана. На основе фактических материалов, собранных участниками экспедиций, опубликован ряд статей и монографий, составлен диалектологический словарь (в настоящее время он готовится к печати) и собран значительный лексический материал, связанный с рыболовством в приаральских и прикаспийских районах Казахстана, который сейчас изучается в Институте языка и литературы. Однако казахская диалектология до сих пор не заняла надлежащего ей места в ряду лингвистических дисциплин. Более того, она нуждается еще в ряде уточнений по вопросу о диалектах казахского языка.

1

Вопрос о диалектах и говорах казахского языка до сих пор является одним из самых запутанных в казахском языкознании. По нему в последнее время были высказаны самые различные мнения. Так, проф. С. А. Аманжолов считает, что в казахском языке были в прошлом и остаются поныне три территориальных диалекта в соответствии с этническим составом так называемых казахских жузов. Как известно, казахские жузы как этническая группа существовали недолго; они не имели определенных территориальных границ, так как в условиях кочевого хозяйства, естественно, не могли представлять в территориальном отношении замкнутые объединения.

Кроме того, в своей статье «О диалектах казахского языка»¹ С. А. Аманжолов поднимает отдельные спорные вопросы, касающиеся изучения говоров казахского языка. Выясняя наличие диалектов в казахском языке, автор опирается главным образом на материалы некоторых грамматик казахского языка конца XIX в. Так, по мнению С. А. Аманжолова, книга М. Терентьева «Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская»², в основном, отражает диалекты южных областей. В своей статье «Советское языкознание на новом этапе» он по этому поводу пишет: «... работа М. Терентьева ... полностью подтверждает наличие южного диалекта казахского языка с особым грамматическим строем»³. Если

¹ С. А. Аманжолов, О диалектах казахского языка, «Вопросы языкознания», М., 1953, № 6, стр. 87—101.

² М. Терентьев, Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская, СПб., 1875.

³ С. Аманжолов, Советское языкознание на новом этапе, «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1951, № 1, стр. 22.

грамматика М. Терентьева отражает диалект южных областей Казахстана, то «Грамматика киргизского языка» В. В. Катаринского⁴, как считает проф. С. А. Аманжолов, отражает черты диалекта западных областей, а «Краткая грамматика казак-киргизского языка» П. М. Мелиоранского⁵ отражает черты диалекта северо-восточных областей.

Такие выводы С. А. Аманжолова далеко не подтверждаются фактическими данными. Нельзя утверждать, что грамматика М. Терентьева отражает диалект южных областей, хотя она и показывает его некоторые черты, например, употребление *дж* вместо *ж* (*джол* «дорога», *джыл* «год» и др.), чередование *ш/ч* в некоторых словах (*сатушы* — *сатучы* «продавец» и др.), формы творительного падежа с послелогом *мынан* (*темир джолмынан барды* «поехал по железной дороге»), форму настоящего времени типа *уйықтап атыр* «он спит»⁶ и др. Вместе с тем некоторые особенности, представленные в грамматике М. Терентьева, не встречаются в разговорной речи казахов южных областей; так, например, не характерно для южан: а) употребление *дж* вместо *ш* в конце слова (*кылыдж-менен* «саблюю»); б) формы родительного и винительного падежей с аффиксами *-ны* вместо *-дың* (*базарны*) и *-ны* вместо *-ды* (*базарны*); в) формы исходного падежа *атанан*, *шешенен*, *меннен*, *синнен*, *оннан* вместо *атадан*, *шешеден*, *менен*, *сенен*, *онан*⁷ и т. п. Во всяком случае, эти явления встречаются не у всех южан, а только в разговорной речи населения некоторых районов (Сарыагашского и др.) Южно-Казахстанской области, т. е. районов, смежных с территорией, где живут узбеки и туркмены.

Не основательны ссылки С. А. Аманжолова также и на некоторые особенности языка, представленные в грамматике В. В. Катаринского, как на одно из доказательств существования западного диалекта казахского языка. Правда, П. М. Мелиоранский в своей рецензии на «Грамматику киргизского языка» отмечал некоторые особенности разговорной речи оренбургских казахов, но эти местные особенности не являются признаками особого диалекта западных областей.

Наконец, нельзя согласиться и с тем, что «Краткая грамматика казак-киргизского языка» П. М. Мелиоранского отражает особенности диалекта северо-восточных областей, так как грамматика эта написана, по выражению самого автора, на основе разговорного языка казахов⁸, который по существу не отличается от общеразговорной речи казахов западных и южных областей. В грамматике не обнаруживаются какие-либо черты говоров ни северо-западных, ни юго-восточных областей Казахстана.

Таким образом, отдельные фонетические, лексические и грамматические особенности, представленные в указанных выше грамматиках, не могли дать С. А. Аманжолову оснований для выделения трех различных диалектов в казахском языке.

Среди казахских языковедов существуют и другие мнения. Так, некоторые считают, что в казахском языке вообще не было и не имеется ни диалектов, ни говоров, а есть лишь некоторые искаженные формы слов, которые рассматриваются ими как явления и формы просторечья. Это мнение исходит из утверждений П. М. Мелиоранского, акад. В. В. Радлова и некоторых других ученых. Так, например, в 1894 г. П. М. Мелиоранский

⁴ [В. В. Катаринский], Грамматика киргизского языка, Оренбург, 1897.

⁵ П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I, СПб., 1894.

⁶ См. М. Терентьев, указ. соч., стр. 120, 136, 145.

⁷ Там же, стр. 124, 128.

⁸ См. П. М. Мелиоранский, указ. соч., стр. 4.

писал: «Особенно замечательно то обстоятельство, что несмотря на громадное пространство, занимаемое киргизами, казахами и т. д., язык их даже в наиболее удаленных друг от друга местах почти совершенно одинаков,— до такой степени, что дальнейшее его дробление на поднаречия едва ли возможно»⁹. Однако такое утверждение противоречит истинному положению вещей, хотя некоторые казахские языковеды и пытаются его развить и доказать отсутствие в казахском языке каких-либо особых говоров и диалектов.

Среди современных казахских языковедов существование диалектных различий в казахском языке отрицает также Г. Г. Мусабаев. При этом он опирается на высказывания проф. Н. Т. Сауранбаева о монолитности казахского языка¹⁰, а также проф. Г. Д. Санжиева о характере местных различий казахского языка¹¹. По мнению Г. Г. Мусабаева, существующие диалектные явления в казахском языке не могут служить критериями для установления в нем каких-либо особых говоров и диалектов. Г. Г. Мусабаев считает, что эти явления носят остаточный, окостенелый характер, но эти явления почти неумовимы¹².

С этим мнением нельзя согласиться, ибо оно противоречит языковым явлениям и фактам, которые говорят о том, что в казахском языке имеются диалектные различия, причем различия эти касаются основного словарного фонда, частично грамматического строя, а также и фонетической структуры казахского языка. При самых поверхностных наблюдениях устанавливаются значительные лексические, фонетические и некоторые грамматические расхождения между южными и северо-западными областями Казахстана. Так, например, в южных районах Казахстана говорят: *сым* «брюки», *ақта* «кастрат», *кепе* или *кебе* «ягненок раннего приплода», *ақыр* «ясли для скота», *барғым бар* «мне хочется идти», *аң қаралы* «пойдем на охоту», *ертеңгісін* «утром» вместо казахских слов литературного языка: *шалбар*, *жарғақ*, *азбаң*, *марқа*, *барғым келеді*, *аң қарайық*, *ерте* и других, и, в свою очередь, в некоторых районах западного Казахстана встречаются слова, которые отсутствуют на юге, например: *көпшік* «подушка», *бұрыс* «матка», *бөтеке* «почка», *сақ* «солома», *ыза* «сырость», *көбен* «стога», *бау* «заходить» (о солнце), *сабу* «слабый», *сақын* «берегись», *бізін* «наш», *сізін* «ваш» (вместо *біздің*, *сіздің*) и другие.

Некоторые местные различия в казахском языке признает и проф. Н. Т. Сауранбаев: «...относительная монолитность казахского языка, — пишет он, — вовсе не означает, что в нем нет никаких различий. В народном разговорном языке имеют место различного рода фонетические, лексические и грамматические отклонения, расхождения. Они суть: 1. Пережитки некогда существовавших диалектов (родоплеменных языков). Сюда условно можно отнести параллельные употребления *с* и *ш* (*мысық* — *мышық* «кошка», *тексер* — *текшер* — «исследовать»); чередование *т/д* (*теңіз* — *деңіз* «море»); чередование *ч/ш* [*шапан* — *чапан* «халат», *шалғы* — *чалғы* «коса» (орудие)] и т. п.¹³ Однако, несмотря на то, что приведенные примеры и факты являются показателем диалектных разли-

⁹ Там же, стр. 3.

¹⁰ Н. Т. Сауранбаев, Некоторые черты древнекипчакского языка, «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1948, № 12, стр. 16.

¹¹ См. Г. Д. Санжиев, Образование и развитие национальных языков в свете учения И. В. Сталина, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., Изд-во Моск. ун-та, 1950, стр. 117.

¹² См. Г. Мусабаев, Об изучении истории казахского языка в свете трудов И. В. Сталина, «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1951, № 9, стр. 94.

¹³ Н. Т. Сауранбаев, Письмо в редакцию, «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1951, № 11, стр. 113.

чий в казахском языке, проф. Н. Т. Сауранбаев рассматривает их только как пережитки когда-то существовавших диалектов и говоров.

2

При решении вопроса о диалектной структуре конкретного языка, как это подчеркнул в своих трудах по языкознанию И. В. Сталин, необходимо исходить из конкретных исторических условий развития данного народа и языка. Отношение диалектов и говоров к общенациональному языку, позднее к общенациональному, а также к языку литературному в разные эпохи бывает различным. Если в эпоху языков народностей диалект является разновидностью общенационального языка, то в эпоху национальных языков он отживающая и отмирающая категория.

Казахский язык не является исключением в отношении этих закономерностей. В нем, как и в других языках, имеются свои местные, территориальные диалектные особенности, которые возникли и существуют в силу различных исторических причин и которые постепенно, но неравномерно для всех диалектов и говоров нивелируются и исчезают в эпоху становления и развития общенационального казахского языка.

После Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране в связи с развитием экономики и культуры и повышением грамотности населения еще более усиливается влияние литературного языка на общенациональный разговорный язык. Однако в силу устойчивости языковых форм и явлений, а также в связи с различными историческими условиями многие особенности в местных диалектах и говорах сохранились и до настоящего времени.

Одни диалекты и говоры казахского языка распространены на обширной территории с многочисленным населением. Другие же говоры имеют весьма ограниченное распространение и замыкаются внутри одного колхоза или деревни. Так, например, население колхоза «Болат Қосшы» Джамбульской области, имея в своем составе представителей различных национальностей (казахов, киргизов, узбеков и др.), образует особую смешанную группу, известную под именем шала-казахов, которая, находясь на одной территории и ныне в одном колхозе, говорит на особом говоре, отличном от других говоров казахского языка¹⁴. Несмотря на свое небольшое распространение, этот говор представляет также несомненный интерес для казахской диалектологии.

И. В. Сталин в работе «Марксизм и вопросы языкознания» дал исчерпывающие ответы на вопросы о возникновении и развитии языка. «...язык и законы его развития,— говорит И. В. Сталин,— можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹⁵.

История казахского народа тесно связана с историей племен и народностей, входивших в состав восточного и западнотюркского каганата в VII—VIII вв., когда в центральном Казахстане происходило зарождение патриархально-феодалных отношений. На этой основе сформировался позже и кыпчакский союз, в состав которого вошла часть древних казахских племен (часть канглы и др.). Другая часть (уйсуны-дулаты и др.) после распада тюркского каганата вошла в состав государства карлуков и караханидов. В период монгольского нашествия территория Казахстана была раздроблена, и древние племена казахов, населявшие северо-

¹⁴ См. Ж. Доскараев и Г. Мусабаев, Местные особенности казахского языка, ч. I, Алма-Ата, Изд-во АН Казах. ССР, 1951, стр. 104—107 (на казах. яз.).

¹⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 22.

западную и южную часть, были разобщены: они делились между отдельными владениями наместников Чингис-хана; некоторые же казахские области до вхождения их в состав России продолжительное время находились под властью среднеазиатских ханов.

Процесс объединения различных родоплеменных союзов и их дробления явился причиной образования диалектов и говоров внутри языков и народностей. По этому вопросу Н. А. Баскаков пишет: «...местные или „территориальные“ диалекты, представляя собой результат исторического развития языка, продукт объединения и распада родовых и племенных языков, сохраняют особые черты своего словарного состава и грамматического строя»¹⁶.

Как в период монгольского нашествия, так и ранее, в период тюркского каганата, диалекты существовали в рамках древних тюркских племен, которые позже вошли в состав казахской народности. Однако сейчас мы не можем точно установить, какие диалектные различия были характерны для древних племен и родов, вошедших в состав казахского народа. История казахского народа свидетельствует о том, что казахи как единый народ, имевший единый и общий язык, появились в XV в. В его состав вошли родственные племена и некоторые группы других народностей (монголов и др.). В связи с объединением этих племен произошло сглаживание различий, которые тогда существовали между племенными языками, диалектами. Поэтому местные диалектные особенности в эпоху формирования языков народностей имели уже иную структуру и не совпадали с родоплеменными делениями.

Известно, что основная масса населения Казахстана вела кочевой образ жизни. Это бесспорный факт, ибо главной отраслью хозяйства казахов было кочевое скотоводство. Содержание скота на подножном корму требовало регулярных перекочевок. Радиус кочевания был различен. Богатые хозяйства, располагавшие большим количеством пастухов для скота и домашних услуг, могли кочевать на большее расстояние по сравнению с менее состоятельными хозяйствами. В условиях кочового скотоводческого хозяйства древние племена казахов, населявшие территорию Казахстана, не прерывали культурно-экономической связи между собой. Они ежегодно передвигались на далекое расстояние с севера на юг и обратно. Это обстоятельство определило постепенный процесс нивелировки, отмирание диалектов бывших племенных языков и привело к тому, что ныне местные особенности в казахском языке не имеют резких различий и различия эти проявляются только в сфере фонетики, лексики и лишь в некоторой степени в области грамматического строя.

В силу этих исторических условий разговорный казахский язык представлен ныне двумя большими группами говоров:

1) юго-восточных, распространенных в областях Южно-Казахстанской, Джамбульской, Алма-Атинской и районах юго-запада Талды-Курганской области (Талды-Курганский, Кировский, Каратальский и другие районы) и юго-востока Кзыл-Ордынской области (Чилийский, Жаана-Курганский и другие районы);

2) северо-западных, распространенных в областях Западно-Казахстанской, Актюбинской, Гурьевской, Кустанайской, Карагандинской, Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, в районах (Казалинском, Аральском и др.) западной части Кзыл-Ордынской и северо-западной части (Абралинский, Абаевский, Чубартаевский и другие районы) Семипалатинской областей.

¹⁶ Н. А. Баскаков, Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования, «Труды Ин-та языкознания», т. I, М., 1952, стр. 10.

Внутри северо-западной группы говоров имеются некоторые фонетические и лексические расхождения, но эти расхождения настолько незначительны, что их считать диалектными различиями нельзя.

Характерные признаки этих групп говоров в области фонетики таковы:

1. Наличие неустойчивости отдельных гласных в некоторых словах юго-восточных говоров, например: *мазmun* — *мазмун* «содержание», *қайтеді* — *қайтеді* «что делает? как делает?», *қария* — *қария* «старик».
2. Наличие чередования звуков *а/ы* в некоторых словах северо-западных говоров, например: *сайаз* — *сайыз* «мель», *айқара* — *айқыра* «охватывающая», *арқалы* — *арқылы* «через», *айырмасы* — *айырмысы* «различие», *алы-талы* — *алы-тылы* «торопливо» и др.
3. Наличие преимущественно негубных гласных в некоторых юго-восточных говорах при соответствии им губных гласных в северо-западных, например: *бықтыру* — *бұқтыру* «разварить», *кебе* — *көбе* «ягненок раннего приплода», *інемі* — *үнемі* «все время», *кеуірт* — *күкірт* «спички» и др.
4. Наличие в юго-восточных районах звука *ч* при соответствии ему *ш* в северо-западных, например: *чеше* — *чече* «мать», *чал-шал* «старик», *чабын* — *шабын* «покос», *энчи* — *энші* «певец», *малчы* — *малшы* «пастух». Эти фонетические явления распространены в большинстве говоров юго-восточных районов, начиная от Алтая-Тарбагатай до Арыского района Южно-Казахстанской области.
5. Противопоставление типов ассимиляции согласных *ңл* в юго-восточных говорах и *ңд* в северо-западных, например: *таңлай* — *таңдай* «небо», *теңдік* — *теңдік* «равноправие», *тыңлау* — *тыңдау* «слушать» и др.
6. Наличие в говорах юго-восточных районов *дэс* при соответствии ему *жэс* в северо-западных, например: *дэсігіт* — *жэсігіт* «молодец», *дэсоқ* — *жэсоқ* «вет», *дэсер* — *жэсер* «земля», *дэсайлау* — *жэсайлау* «летнее пастбище» и др. Это явление характерно для большинства юго-восточных говоров.
7. Преимущественное наличие в начале слова звонкого *б* в северо-западной группе говоров при *б/п* в юго-восточных группах (*бейнет* — *пейнет* «мука, мучение», *бида* — *пида* «веревка, продетая в нос верблюда» и др.). В северо-западных говорах звук *п* в начале слова неизвестен (исключения составляют заимствованные слова).
8. Наличие чередования сонорных звуков *п/ң* в юго-восточных говорах при отсутствии его в северо-западных, например: *қалың* — *қалың* «толстый, густой», *көбең* — *көбен* «разжиревший» (о животном), *біздің* — *біздің* «наш», *өлең* — *өлен* «песня» и др.
9. Наличие колебания *с/ш* лишь в некоторых словах (*қышқаш* — *қысқас* «щипцы», *шама* — *сама* «чайный отвар» и др.) в северо-западных говорах в отличие от юго-восточных, где это колебание наблюдается чаще (*тұрмыс* — *тұрмыш* «жизнь», *есек* — *ешек* «осел», *тысқары* — *тышқары* «наружу» и др.). Следует отметить, что употребление звука *ш* вместо *с* в казахском языке наблюдается реже, чем в некоторых других тюркских языках.
10. Наличие чередования звуков *ж/ш* в некоторых словах ряда говоров северо-западных районов в отличие от юго-восточных, например: *был-жырақ* — *былшырақ* «мокрый» и др.
11. Соответствие (иногда) в некоторых говорах звонкого *д* начальному глухому звуку *т* литературного языка: *деңіз* — *теңіз* «море», *дүз* — *түз* «соль», *дiзгiн* — *тизгiн* «поводья», *диірмен* — *тиірмен* «мельница» и др. Это явление особенно наблюдается в разговорной речи юго-западных областей Казахстана. Признак, отчасти объясняющийся влиянием огузской группы языков.

В общенародном языке наблюдаются также большие диалектные различия и со стороны лексики, чего нет в литературном языке. «Особенности того или иного диалекта, — пишет проф. А. С. Чикобава, — могут обнаружиться в том, что определенные слова одного диалекта не встречаются в другом диалекте или те же слова имеются, но произносятся по-разному, или же произносятся одинаково, но имеют разные значения, или же одни и те же слова отличаются и по произношению, и по значению...»¹⁷

Это положение в известной мере относится и к говорам казахского языка, в частности к различиям в области лексики. Приведем несколько примеров:

1. В южных районах Казахстана употребляются такие слова, как, например: *келе* «землянка», *тесе* «мотыга», *ақа* (*ушақа*) «вилы», *қыс* «кирпич», *елкезер* «сито», *егер* (*ер*) «седло», *пешене* «лоб», *сым* «брюки», *сыпыра* «скатерть», сделанная из кожи», *мойын тұрық* «ярмо», *мият* «сторонник, защитник», *бәсіре* «принадлежность», *шар* «мелкие травянистые отбросы пшеницы», *кәшек* (*көшек*) «солома», *кірлен* «таз для стирки белья», *сәмбе* (*шәмбе*) «чайный отвар», *қосу*, *чегу* «запрягать» (лошадь), *опайдау* «молотить», *шұрқан салу* «буянить», *мият болу* «заступиться, защищаться» и другие. Эти слова не встречаются в северных районах, где в свою очередь также имеется много слов, отсутствующих в южных, например: *көбе* «ягненок раннего приплода», *көпеш* «ягненок позднего приплода», *сота* «палка, палица», *шөт* «мотыга», *шөтеке* (*шөпсуығыш*) «сенодергалка», *оттық* «ясли для скота», *елеуіш* «сито», *кәкпір* «ковш», *бақыр* «ведро», *балташы* «плотник», *кегей* (*деңгелектің шабағы*) «спица у колеса», *оуды*, *көрім* «хорошо» (на юге — *көрім* «отвратительный»), *бул* «мануфактура, товар», *манду* «развитие, рост», *жуырда* «ближайший», *шекейін* «предел, до» и другие.

2. В северо-западных говорах и в литературном языке имеются такие слова, как, например: *дже* «отец», *үй* «дом», *төр* «почетное место», *тоңу* «замерзнуть», *сақ* (*сау*), *сауығу* «выздороветь», *сұрау* (*сорау*) «спрашивать» и другие, которые встречаются в том же значении в древнеписьменных памятниках тюркских языков VIII в., в юго-восточных же говорах указанные слова не выражают первоначального содержания. В юго-восточных районах, в отличие от северо-западных: *эке* «дитя, ребенок», *мұздау* (вместо *тоңу*) «замерзнуть», *сақаю* «выздороветь», *сұрау* «управлять, руководить» и т. д.

3. Наблюдаются случаи, когда одинаковые предметы, явления в различных районах называются по-разному, например, в юго-восточных районах: *тана* «теленок в возрасте от одного до двух лет», *қора*, *жайдақ қора* «загон для овец», *ұрнақ* «отруби», *кетпен* «мотыга», *долы* «град» (*долы* *Ұрды* «град побил»), *эуен* «песня, голос», *тіршілікке бару* «идти на работу», *қос айдау* «пахать», *чанда* (*шанда*) «иногда». В северо-западных говорах им соответствует: *тайынша*, *қотан*, *кебек*, *кетпен-шот*, *бұршақ*, *эн*, *жұмысқа бару*, *эсер жырту*, *анда-санда* и т. д.

4. Часто слово имеет в одном говоре лишь одно значение, в другом же — два, например, в юго-восточных говорах слово *қос* обозначает «соха» или «цуд с упряжкой», «шалаш»; в северо-западных говорах слово *қос* обозначает только «шалаш наподобие юрты, используемый во время сезонных работ». В юго-восточных говорах: *тіршілік* «жизнь, существование» и «работа»; *қызыл* «красный» и «очищенное зерно»; *қосу* «запрягать» (о лошади) и «прибавить»; *суыру* «веять» и «вынимать, вытягивать»; *шелдеу* «утрамбовать» и «соскабливать» (жир или мясо со шкуры животного); в северо-западных говорах: *тіршілік* только «жизнь, существование»,

¹⁷ А. С. Ч и к о б а в а, Введение в языковедение, ч I, М., Учпедгиз, 1952, стр. 61.

қызыл только «красный», қосу «прибавить», шелдеу «соскабливать» и т. д.

Следует отметить, что лексические элементы легко могут заимствоваться одним говором из другого. Поэтому границы распространения отдельных слов могут не совпадать с границами между основными двумя говорами казахского языка. Например, слова *жейде* «мужская рубашка», *ақыр* «ясли для скота», *жертөле* «землянка», *самбе* «чайный отвар», *жасолым үй* «юрта» и другие, присущие говорам населения южных районов, встречаются и в некоторых районах северо-западных областей.

В общенародном казахском языке имеются также некоторые диалектные особенности и в области грамматического строя, из которых специфическими отклонениями являются:

1. Наличие преимущественно параллельного употребления падежей некоторых слов в северо-западной группе говоров в отличие от юго-восточной, например: *суда жезүзіді* // *суға жезүзіді*; *бұрын молданан оқыды* // *бұрын молдаға оқыды*; *атты мін* // *атқа мін*; *былтыр осы айда жсаңбыр жсауды* // *былтыр осы айға жсаңбыр жсауды*. Отмечая параллельное употребление падежей в говорах казахского языка, мы ограничились лишь несколькими примерами, указывающими на отклонение от норм казахского литературного языка. В общенародном разговорном языке такое параллельное употребление падежей является одной из его особенностей, характеризующих отличие разговорного языка от литературного.

2. Употребление в северо-западных говорах формы прошедшего времени, образованной от неопределенного наклонения на *-лы, -лі* [*барулы, жасалы, бақулы* вместо *барыпты* «поехал» (давно прошедшее время) и др.]. Такие же реликты диалектных различий обнаруживаются как в юго-восточных, так и в северо-западных говорах, например, вместо общепринятых форм *бар* «иди», *барар* «вероятно, пойдет», *барсаңшы* (*барсайшы*) «ну-ка иди, иди-ка», *баратын еді* «должен был поехать», *бартұрған* «то, что есть» употребляются *барың, барұр, барғыл, барсай, баратынды, бартұғын* и т. п.

3. Наличие формы причастия на *-жақ, -шақ* в северо-западных говорах при отсутствии ее в юго-восточных. Причастие будущего времени в северо-западных говорах оформляется на базе деепричастий, например: *бараясақ* «долженствующий идти» (в западной группе).

4. Употребление в северо-западных говорах причастий прошедшего времени в форме *бара жатқан, бара жатырған* «идущий», а также *бара жатыр* (форма настоящего времени), тогда как в юго-восточных соответствуют им *барайатқан, барайатыр, баратыр*. Следует отметить, что формы *барайатыр, барайатқан* встречаются и в некоторых районах западных областей Казахстана. Чередование же звуков *ж/й* в некоторых словах (*бараятатыр—барайатыр, қай жсаққа—қай йаққа, қайаққа* и др.) для большинства северо-западных говоров, как правило, не характерно.

5. Употребление в южных говорах повелительного наклонения 2-го лица единственного числа с аффиксом *-қын, -ғын/-кін, -гін* (*айтқын* «скажи, скажите») вместо литературного *-айт, айтыңыз*), в северо-западных же эта форма отсутствует.

6. Употребление сложной формы желательного наклонения, например: *менің ұйықтағым бар* «мне хочется спать», *оның ұйықтағысы жоқ* «ему не хочется спать» и др. Эта форма является характерной для разговорной речи населения юго-восточных районов.

7. Употребление в юго-восточных говорах архаичных форм творительного падежа, отсутствующих в северо-западных говорах, с послелогом *мынан/бынан* вместо *менен* (*ол атпынан келді* «он поехал на лошади», *поезбынан барды* «он поехал в поезде» и др.).

8. Наличие замены местного падежа формой с аффиксом *-лы* в юго-восточных говорах при отсутствии ее в северо-западных (*жұмысқа уақыты келеді* «он приходит на работу во-время» вместо *жұмысқа уақытында келеді* и др.).

9. Наличие желательного наклонения 1-го лица множественного числа на *-лы, -лі* в юго-восточных говорах при отсутствии его в северо-западных: *баралы* «пойдем», *көрелі* «увидим», *аң қаралы* «пойдем на охоту» вместо *аң қарайық, аңға шығайық*).

Изучая эти две основные группы говоров (юго-восточные и северо-западные) казахского языка, которые имеют также, в свою очередь, и под-говоры, мы приходим к заключению, что северо-западные говоры утратили некоторые черты, сохраняющиеся в юго-восточных говорах. Об этом свидетельствует наличие некоторых архаических явлений в юго-восточной группе говоров, например: звуки *ч, дж* и чередование звуков *б/м* (*бұны* — *мұны*, *бұниша* — *мұниша*), сохранение заднеязычных *з, ж* в некоторых словах: *ұрығ* — *ұру* «род, племя», *шабық* — *шабу* «покос», *жсамақ* — *жсамау* «починка», *сылақ* — *сылау* «смазывание», *құмған* — *құман* «чайник», *суару* «поить», *жоғармақта* «недавно, на днях» и другие. Об этих явлениях С. Е. Малов писал: «...в более древних языках здесь сохраняются заднеязычные, а в более новых они изменяются в другие звуки»¹⁸.

Наличие употребления в северо-западных говорах звуков *ж* (*жсоқ*) вместо *дж* (*джсоқ*), *м* (*мұны*) вместо *б(бұны)*, *у* (*асу, сыбау*) вместо *к, ғ* (*асық* «излишек», *сыбақ* «смазывание»), выпадение *к, з* в словах *біз* «шило», *бірдеңе* «что-либо», *ештеңе* «ничего» (в юго-восточных говорах: *бігіз, бірдеңке, ештеңке* и др.), а также употребление грамматических форм *кешке* «вечером» вместо *кешкі-сін, мен* (*сенімен* «с тобой») вместо *мынан* (*сенімынан*) являются новообразованием по сравнению с вышеуказанными архаическими явлениями.

Кроме того, в отдельных районах встречаются такие слова, бытование которых обусловлено специфическими условиями хозяйства этих районов, например, только на юге употребляются следующие слова: *қуыр, құмыр* — от слова *қум* «водопровод»; *құлақ* «отводной канал»; *жертіс* (*қолтіс*) «старая примитивная соха» (в северо-западных районах — *соқа*); *қум* «большая глиняная посуда»; *тұту* «держат» и другие. Употребление этих слов является одной из особенностей юго-восточной группы говоров в отличие от северо-западной группы.

Что касается диалектных особенностей разговорной речи населения Восточно-казахстанской области, юго-западных районов (Кокпектинского, Аксуатского, Жерминского и др.) Семипалатинской и юго-восточных районов (Капальского, Аксуйского, Алакольского и др.) Талды-Курганской областей, то они представляют собой характер переходного говора.

Характерные особенности этого говора не встречаются в пределах вышеуказанных северо-западных областей Казахстана. Например, чередование звуков *ш/ч* (*шуберек* — *чуберек* «стрипка», *шығып* — *чығып* «выйдя» и др.), *б/п* (*бұтақ* — *пұтақ* «ветвистый», *беріп қалды* — *періп қалды* «он стукнул» и др.), *д/л* (*таңдай* — *таңлай* «вёбо», *тыңдау* — *тыңлау* «слушать» и др.). Наличие таких слов, как, например, *там* (вместо *үй*) «дом», *тесе* (вместо *шот*) «мотыга», *көрпелдес* (вместо *көрпей, кобей*) «ягненок позднего окота», *пысу* (вместо *пісу*) «созревать», «свариться», *тыстау* (вместо *тастау*), *эйелін тыстау* (буквально: «бросить жёну»)

¹⁸ С. Е. Малов, Древние и новые тюркские языки, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, вып. 2, стр. 141.

«разводиться с женой», *чегу* (вместо *жесгу*) «запрягать», *қос айдау* (вместо *жыртуу*) «пахать землю», *сыйықты* (вместо *сықылды*, *сыяқты*) «подобный», «подобно», «вроде» и др.

Говоры населения отдельных районов имеют также особенности, обусловленные их языковым окружением. Так, в говорах юго-восточной группы имеются элементы узбекского, киргизского и отчасти уйгурского языков, а в северо-западной группе — элементы русского (в большей мере, чем в юго-восточных), а также татарского и башкирского языков. Например, в некоторых областях северо-западной части Казахстана встречаются такие слова, как *мәтке* «матка», *божы* «вожки», *пар* «зябрь», *помыш* «помощь», *постромке* «постромка», *нәселке* «носилки», *жисар* «стена», *ындыр* «сток», *шәрке* «лапти», *сүлгі* «полотенце», *бию* «плясать»; наблюдается чередование *о/у* в словах *қортынды* — *құртынды* «вывод, заключение»; *қолдау* — *құлдау* «применять, употреблять». Эти слова и грамматические формы в юго-восточных районах отсутствуют. Там вместо вышесказанных слов употребляются: *қары*, *өрлік* (вместо *мәтке*), *делбе*, *сүдеер асар*, *жанжип*, *зембіл* и т. д.

Наконец, в заключение следует отметить, что основные говоры казахского языка имеют определенные территориальные границы. В этом отношении не прав Н. Т. Сауранбаев, который отрицает существование территориальных границ диалектных различий в казахском языке. В своей статье «Письмо в редакцию» он пишет: «...диалекты должны иметь свои определительные фонетические, грамматические и лексические особенности, отличающие их друг от друга. Кроме того, они должны иметь определенные границы. Если подойти к существующим различиям в разговорном языке с этой точки зрения, то они не отвечают этим условиям»¹⁹. Это положение не соответствует действительности, ибо многие лексические, фонетические и некоторые грамматические особенности, указанные в данной статье, свойственны тому или иному говору в определенных его границах; исключение составляют только те особенности, территориальные границы которых не всегда удастся установить.

При изучении говоров казахского языка, особенно при изучении говоров населения районов, смежных с другими народностями (узбеками, киргизами и др.), встречаются трудности, связанные с отсутствием фактических данных по сравнительно-историческому изучению говоров близкородственных языков. Поэтому вопрос сравнительного изучения языков, их диалектов и говоров должен стать одним из важных вопросов диалектологии, так как применение сравнительно-исторического метода изучения говоров позволит правильно подойти к сложным вопросам межязыковых и междиалектных отношений родственных языков в соответствии с историей народов — их носителей. Такое изучение языка и его говоров дает возможность определить пути развития, установить основы казахского литературного языка. В этой связи разрешение вопроса об отношении литературного языка к говорам казахского языка имеет большое теоретическое и практическое значение в казахском языкознании.

¹⁹ Н. Т. Сауранбаев, Письмо в редакцию, стр. 112.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

ИЗ ПРАКТИКИ РАБОТЫ НАД СОСТАВЛЕНИЕМ РУССКО-ТАТАРСКОГО СЛОВАРЯ

В процессе работы над составлением большого русско-татарского словаря мы натолкнулись на ряд вопросов, которые, как нам кажется, представляют интерес не только для нас — составителей русско-татарского словаря, но и для всех тех, кто работает над составлением русско-национальных словарей. Для удобства изложения мы остановимся на каждой части речи отдельно. При этом изложение начнем с критики тех недостатков, которые присущи почти всем существующим русско-тюркским словарям, а потом сделаю краткие выводы по отношению к каждой части речи применительно к русско-татарскому словарю.

I. Об оформлении глаголов

1. В тех случаях, когда два глагола по грамматической категории вида являются шарными, словари русского языка толкование дают только одному из этих глаголов, а от другого делают отсылку к первому. Составители русско-тюркских словарей, механически подражая толковым словарям русского языка, поступают так же. Но поскольку грамматический строй русского и тюркских языков является разным, то такая отсылка не всегда верна, наоборот, она иногда ведет к грубым искажениям. Для подтверждения сказанного возьмем пять пар глаголов: *выжидать* — *выждать*; *выделяться* — *выделиться*; *выглядывать* — *выглядеть*; *выздоровливать* — *выздороветь*; *спускаться* — *спуститься*.

«Толковый словарь русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова обычно дает толкование глаголам несовершенного вида, а от глаголов совершенного вида делает отсылку к первым. Почти все русско-тюркские словари подражают в этом Словарию русского языка. Так, например, словари русско-татарский (изд. 1941 г.), русско-башкирский, русско-казахский толкование дают глаголу *выделяться*, а от глагола *выделиться* делают отсылку к *выделяться*; русско-узбекский словарь дает толкование глаголу *выделиться*, а от глагола *выделяться* делает отсылку к *выделиться*; русско-каракалпакский словарь толкование дает глаголу *выделиться*, а против глагола *выделяться* дает помету: *выделиться* — *нынч питлеген тური*.

В данном случае такое подражание «Толковому словарю русского языка» приводит к грубому искажению, так как видовое различие в глаголах, например, *выжидать* — *выждать*, в тюркских языках передается разными вспомогательными глаголами. Так, в татарском языке:

Выжидать (несоверш.) — *көтөп тору*: Я *выжидаю* удобного момента — Мин *унайлы моментны көтөп торам*.

Выждать (соверш.) — *көтөп алу*: Я *выждал* удобный момент — Мин *унайлы момент көтөп алдым*.

Как видно из примера, оттенок незавершенности действия, выраженный глаголом *выжидать*, в татарском языке передается вспомогательным глаголом *тору*, а оттенок законченности действия, выраженный глаголом *выждать*, в татарском языке передается вспомогательным глаголом *алу*.

Глагол *выделяться* по 3-му значению (по Словарию С. И. Ожегова) никак не может иметь отсылку к глаголу *выделяться*, так как в данном случае эти глаголы в татарском языке передаются разными словами, а именно:

Выделяться (несоверш.) — *аерылып тору*: Среди других Иванов *выделяется* способностью к математике — Башкалар арасында Иванов математикага *сәләтлеге белән аерылып тора*.

Выделиться (соверш.) — *үзгән күрсәтү*: Среди других Иванов *выделился* способностью к математике — Башкалар арасында Иванов математикага *сәләтлеге белән үзгән күрсәтте*.

В связи с этим надо сказать, что русские глаголы совершенного вида ни в коем случае не могут быть переведены на татарский язык основным глаголом в сочетании

с вспомогательным глаголом *тору*, так как глагол *тору* вносит в значение основного глагола оттенок длительности, продолжительности действия.

Что касается глаголов *выглядывать* — *выглянуть*, *выздоровливать* — *выздороветь*, *спускаться* — *спуститься*, то в толковании значений этих глаголов каждый русско-тюркский словарь поступает по-своему: некоторые словари один из этих парных глаголов совсем не дают, а некоторые, как мы уже говорили, дают толкование только одному из них, а от другого делают отсылку к первому. Например, в русско-татарском словаре глаголов *выглядывать*, *выздоровливать*, *спускаться* совсем нет. Это, безусловно, неверно, так как различие в видах этих глаголов в тюркских языках передается различными вспомогательными глаголами. Так, глагол *выздоровливать* по-татарски *терлеп килү*, а *выздороветь* — *терлеп житү*; глагол *спускаться* по-татарски *тошеп килү*, *тошеп бару*, а *спуститься* — просто *тошу*, например: *Он спуcкался с горы* — *Ул таудан тошеп килә* (*тошеп бара*) *иде* и *Он спуcтился с горы* — *Ул таудан тоште*.

Отсюда делаем вывод: при толковании значений русских глаголов, составляющих видовые пары, не всегда следует подражать толковым словарям русского языка, а надо подходить к каждому глаголу особо.

2. В толковании значений глаголов движения типа *бежать* — *бегать*, *везти* — *возить* в русско-тюркских словарях царит большое разнообразие; иногда допускаются при толковании грубейшие ошибки. Это разнообразие и эти ошибки заключаются в следующем:

а) Некоторые словари дают перевод каждому глаголу в отдельности, но при этом тот и другой глаголы имеют одинаковые переводы, например, в русско-татарском словаре изд. 1941 г. эти глаголы переводятся так:

Бежать — *йөгерү, чабу, качу, йөгерегәлү*.

Бегать — *йөгерү, чабу, качу*.

Русско-узбекский словарь дает такие переводы:

Бежать — 1) *югурмоқ, чолмоқ*, 2) *қочмоқ*.

Бегать — 1) *югурмоқ, чолмоқ...*, 2) *қочмоқ*.

б) Ряд других словарей переводит один из этих глаголов, а от другого делает отсылку к первому.

в) Русско-казахский словарь при переводе значений таких глаголов допускает даже такую грубую ошибку, как утверждение, что глагол *везти* является глаголом совершенного вида к глаголу *возить*.

Ни один из вышеперечисленных переводов или отсылок с точки зрения грамматического строя тюркских языков не верен, так как для выражения значений указанных глаголов тюркские языки употребляют в первом случае одни вспомогательные глаголы, а во втором случае — другие. Например, оттенок совершения действия в определенном направлении в татарском языке передается вспомогательными глаголами *бару* (если действие совершается туда) или *килү* (если действие совершается сюда), а именно:

Бежать (несовещ.) — туда: *йөгереп бару*; сюда: *йөгереп килү*: *Малышк бежит по улице* — *Малаш урамнан йөгереп бара* (*йөгереп килә*).

Оттенок же совершения действия без определенного направления в татарском языке передается вспомогательным глаголом *йөрү*, а именно:

Бегать (несовещ.) — вообще: *йөгерү*; без определенного направления — *йөгереп йөрү*: *Дети бегают на улице* — *Балалар урамда йөгереп йөрләр*.

Исходя из особенностей значения таких парных глаголов, необходимо, чтобы в русско-тюркских словарях они переводились каждый в отдельности.

3. В русско-тюркских словарях форма страдательного залога глаголов обычно не дается в качестве отдельного слова. Такая практика не оправдывает себя, так как страдательный залог глаголов в тюркских языках имеет иногда особые средства передачи. Например: *Закабалиться* — 1) (возвр.) *колыкка тешу, кабалага тешу*; 2) (страд.) *колыкка тешерелү, кабалага тешерелү*.

4. Большим недостатком существующих словарей в отношении глаголов следует считать и то, что эти словари, приводя основные значения глаголов, не дают перед татарским переводом соответствующих пояснений на русском языке, не снабжают их примерами и тем самым ставят пользующегося словарем в затруднительное положение. В качестве иллюстрации можно указать на глагол *бить*, для одного из значений которого в русско-татарском словаре даны следующие глаголы: *чамалау, тобуу, юнлеш тоту* без каких бы то ни было пояснений и примеров. При таком построении отдельных статей словаря пользующийся последним не знает, когда же ему употреблять эти глаголы в значении русского глагола *бить*.

Более существенным недостатком надо считать то, что в ряде случаев разные значения русского глагола в татарской части словарной статьи перечисляются одно за другим без всяких примеров и синонимических пояснений. Примером может служить статья глагола *брать*, где мы читаем:

Брать — *алу, тоту, кабул, итү, жыю, тапшыру; үзләштерү, сайлап алу тотып алу; аңлау, ирешү*.

Отсюда делаем вывод: если глагол имеет несколько значений, то каждое значение должно быть снабжено соответствующим пояснением и примерами.

5. Все русско-тюркские словари (как ни странно) глаголам *вдоветь* и *овдоветь* дают одно и то же толкование: *тол калу*, тогда как *вдоветь* обозначает *тол булып яшәү*, *толлыкта яшәү*, а глагол *овдоветь* — *тол калу*, *тол булып калу*.

II. Об оформлении имен существительных

1. Основной недостаток русско-тюркских словарей в отношении оформления имен существительных заключается в том, что словари иногда вместо перевода термина против русского слова дают пространное объяснение. Между тем пользующиеся словарем нуждаются не в объяснении значения этого слова, а в точном переводе данного слова или термина. Приведем несколько примеров из русско-татарского словаря:

Бойница — *дошман утыннан сакланьп дошманга ату урыны.*

Белаяна — *агац төий торган кич төпле барка.*

Бензинка — *бензин ягьп аш пешерү машинасы.*

Ванька-встанька — 1) *ексаң да торьп утыра торган курчак (балалар уенчыгы); 2) һәр төрле авырыклардан соң бик тиз аякка баса торган кеше.*

Волок — *көймәләрне бер судан икенчесенә өстереп чыгара торган тар эсир.*

Гроза — 1) *яшен яшнп, кук күкрәү, яшенле яңгыр; 2) дәншәтле, куркынчлы, коточкыч эйбер яки тереклек иясе.*

Пользуясь этими объяснениями, переводчик может перевести: *Бойцы подошли к бойнице* — *Сугышчылар дошман утыннан сакланьп дошманга ату урыны янына килделәр; Для сына я купил ваньку-встаньку* — *Улым өчен мин ексаң да торьп утыра торган курчак сатып алдым; Учитель математики был в розой всей гимназии* — *Математика укытучысы бөтен гимназиянең коточкыч бер тереклек иясе иде.*

Отсюда следует, что в русско-тюркских словарях необходимо давать точный перевод каждого отдельного значения имени существительного, а не ограничиваться его толкованием.

2. Не менее серьезным недостатком существующих русско-тюркских словарей нужно признать и то, что нередко самое нужное значение слова вовсе опускается. Например, в русско-татарском словаре опущено самое нужное значение слова *выверт*. В словаре мы читаем:

Выверт — *борьлыш, бөгелеш.*

Такое ограничение перевода этого слова — опущение второго очень важного значения может ввести в заблуждение переводчика. При переводе на татарский язык выражения В. И. Ленина: «Существа вне времени и пространства суть большая фантазия, выверты философского идеализма» — слово *выверт* не может быть переведено ни словом *борьлыш*, ни словом *бөгелеш*. Вторым, переносным значением этого слова должно быть дано слово *уйдырма*, и выражение В. И. Ленина должно быть переведено: «вакыттан һәм пространстводан тыш затлар — философик идеализмның авыру фантазиясе, уйдырмалары алар». В. И. Ленин сам в другом выражении употребляет это же слово и после него в скобках поясняет, что он это слово употребляет в значении «выдумка».

При выборе или образовании термина в таких случаях, как нам кажется, следует исходить из следующих принципов:

а) образовывать этот термин средствами самого национального языка, например, *выверт* — *уйдырма* («выдумка»);

б) брать этот термин из диалектов данного языка, например, во многих диалектах татарского языка в значении русского слова *эсаида* употребляется слово *сусын*, которое должно быть использовано при толковании значения русского слова *эсаида*;

в) образовывать этот термин путем калькирования, например, *надстройка* — *ескорма*;

г) путем сочетания двух (или даже более) слов, например, *ванька-встанька* — *аумас курчак* («непадающая кукла»);

д) если нет возможности образовывать данный термин вышеперечисленными средствами, то брать русский термин без изменения, давая ему объяснение в скобках, например: *бойница* — *бойница (мәлһәкәттан, пулемәттан ату өчен ясалган тишек, ярык)*.

3. Недостатком существующих русско-тюркских словарей в отношении оформления существительных является и то, что в них не включены устаревшие слова, отсутствие которых создает трудности для переводчиков, которые переводят историческую литературу или исторические романы. Из-за непонимания исторических терминов некоторые переводчики допускают очень грубые ошибки. Например, переводчик истории Татарии выражение: «Население несло ямскую службу» перевел на татарский язык: *Халык чокыр казу хезмәте белән шогыльләнәләр*, что при обратном переводе обозначает: «Население занималось копаньем ям».

III. Об оформлении имен прилагательных

Как известно, в тюркских языках, в частности в татарском, если не считать суффиксов *-гы, -ге, -кы, -ке; -лы, -ле; -сыз, -сез*, нет таких средств для образования относительных и притяжательных прилагательных от имен, какие имеются в русском языке. Поэтому при передаче значений русских отыменных прилагательных составители каждого словаря поступают по-своему. Опыт работы над составлением большого русско-татарского словаря показал, что при переводе отыменных прилагательных на татарский язык необходимо отойти от той традиции, которая принята в прежнем издании русско-татарского словаря, где после русского прилагательного дается имя существительное, а после него в скобках — аффикс направительного падежа и слово *байләнешле*, например: *Гороховый — борчак/ка байләнешле* (буквально: «связанный с горохом, относящийся к гороху»).

Русские отыменные прилагательные, различные оттенки которых зависят от того, какое существительное они определяют, в татарском языке передаются по-разному, что в словаре обязательно должно быть отражено. Например, русское прилагательное *детский* в татарском языке может быть передано четырьмя способами, а именно: *детский — бала... балалар... балалык... детский голос — бала тавышы; детский сад — балалар бакчасы; детские привычки — балалык гадәтләре; детское рассуждение — балаларча фикер йөрүтү*.

IV. Об оформлении наречий

В толковых словарях русского языка, как правило, не даются такие наречия, которые легко образуются от соответствующих прилагательных и значение которых легко выводится из этих прилагательных, а именно: наречия на *-о, -е, -ски, -чи, -ому* (с приставкой *по-*). Следуя примеру толковых словарей русского языка, составители русско-тюркских словарей также не дают этих наречий. Хотя в некоторых случаях это допустимо (например, прилагательное *горючий* и наречие *горючо* в татарском языке совпадают), но в ряде случаев мы не можем давать только одни прилагательные, так как наречия иногда резко отличаются от них. Например, наречие *важно* (в значении «горделиво») в татарском языке передается словами: *эреленеп, масаеп, тәкәбберләп, ялла кем булып*, а прилагательное *важний* (в значении «горделивый») передается словами: *эре, тәкәббер, үзен шәкә самачу*. Или другой пример: наречие *критически* обязательно должно быть включено в словарь, так как оно в татарском языке передается словосочетанием *тәнкыйть күзләвеннән карап*. Наречие *безбожно* в татарском языке передается *оятсыз рәвештә, инсафсыз рәвештә, күзгә карап*, например: *безбожно ятты — оятсыз рәвештә ягган сөйләү*.

V. Об оформлении предлогов, союзов и частиц

Предлоги, союзы и частицы как в русском, так и в татарском языках отличаются многозначностью. Составители русско-тюркских словарей должны найти эквиваленты ко всем значениям каждого отдельного предлога, союза и частицы, снабжать их синонимическими пояснениями и примерами. Для иллюстрации возьмем слово *как*, которое употребляется в речи не только в значении наречия, но и в значении союза. Статья этого слова в прежнем издании русско-татарского словаря изложена так:

Как — 1) *ничек*; 2) *ни, нәрсә*; 3) ... *гач ук... -гач та; белән... -чыллы* ...-га; 4) *ошату, чагыштыру, чамалау, икеләү, мөгънләрендә*; 5) *кебек, ишкелле ... дай*; *накъ, гүя, гүяки, бузай, ахрысы; эйтерсен*; 6) *менә, ягъна*; 7) *сыйфатында, булу ягыннан*; 8) *эләттә, ишкес, әйе*; 9) ...*лыктан ...-га күрә сәбәле, чонки*; 10) ...-ча; *Как вам известно — Сезгә билгеле булганча, беләгегеңчә*; 11) ...*дан башка*; 12) ...*ми*; *Как вам не стыдно — Оят түгелме*; 13) *как раз — нәкъ; как будто — гүяки; как следует — тиешенчә, эштерәк*.

Как видно из построения статьи, в ней допущены две серьезные ошибки: 1) фразеология, связанная со словом *как*, в статье дана в качестве отдельных значений этого слова; 2) из 12 значений только два значения сопровождаются примерами. Отсутствие примеров при остальных 10 значениях создает большую трудность для пользующихся. Например, в качестве эквивалентов восьмого значения даны татарские слова *эләттә, ишкес, әйе*. Отсутствие примеров при этом значении ставит пользующегося словарем в затруднительное положение. Или возьмем четвертое значение, где мы читаем: *ошату, чагыштыру, чамалау, икеләү, мөгънләрендә*. Ни одно из этих слов не является эквивалентом слова *как*. Эти слова оказались здесь просто по какому-то недоразумению.

По нашему мнению, статья слова *как* в словаре должна быть изложена так:

Как — 1) (наречие) *ничек; Как вы нашли нас в такой толпе? — Мондый галык төркеме арасында сез безне ничек таптыгыз?* 2) *ничек тә, ничек тә булса; Неләли устроит как полудне как полудне да побешеле — Ничек тә булса эшчирәк һәм аранрак урнаштырырга мөмкин түгелме*; 3) (восклицание) *нинди; Как красиво! — Нинди*

матур! 4) (для выражения внезапности) кивает; Как вскочит, как стукнет кулаком по столу! — Кивает сикереп торды да всталгэ йодырыгы белэн всталгэ китереп сукмасынны или киват сикереп торды да всталгэ йодырыгы белэн китереп сукты! 5) (союз сравнительный) кебек, шикелле... -дай; Наш сад как проходной двор, через него и ходят и едят — Безнең бакча үтөп йөриле йорт шикелле, аннан жэяү дэ, ат белэн дө үтөп йөрилэр; 6) буларак, булуягыннан; Пушкин как лирик — Пушкин лирик буларак; 7) (союз временной) ...-ганда ...-ышлый; Как пойдешь в кино, зайди ва мной — Кинога барганда (барышлай) миңа кер; 8) (союз временной) ... -ганнан соң ...-ганга; Прошло два года, как мы познакомились — Беа тамышканнан соң (тамышканга) ике ел үтөп китте (или ике ел булды инде); 9) (союз исключительный) гына... -дан башка; Больше никому, как Петру Ивановичу — Петр Иванович кына эшлэгэн бер монь или Петр Ивановичтан башка берэү дэ эшлэмэс монь; 10) (союз условный) (разг.) эгәр... икен; Если он что задумал, то его не переубедить — эгэр ул берэр нэрэне ният иткэн икэн, ул вакытта аны бер нэрэ белэн дэ жинэ алмасын.

◇ Беда как, ужасно как и т. п. — Бик, үтө; Ужасно как хочеть есть — Бик ашыйсы килэ. Вот как! (разг.) — шулаймыни. Как будто — эйтерсең, гуя, гуяки; бугай... -дай... -сыман; Устал так, как будто воз на себе тащил — Шул эстеле ардым, эйтерсең эшилкэмэ күтэреп бер йөк алып бардым; Он как будто на лето собирался в Крым — Ул жэягэ Кырымга барырга жыманан иде бугай. Как бы не (разг.) —... -ый күрмәсеннэр; Смотри, как бы не обманули тебя — Кара, алдый күрмәсеннэр сине. Как бы то ни было — ничек кенә булмасын, ничек кенә булса да. Как вдруг — кетмөгондо, киват. Как видно — күресең. Как нарочно — уч иткандэй. Как так! — ничек инде ул! Как нельзя, как можно — мөмкин кадәр. Как раз — нөк. Как только —... гач та ...-гач ук... -убелэн; Как только вернешься — Кайткач та, кайткач ук, кайту белэн. Как следует — тиешенчә, житәрлэк.

*

Отдельные части речи русского языка не всегда передаются теми же частями речи татарского языка. Например, некоторые наречия русского языка передаются глагольными формами татарского языка или некоторые прилагательные русского языка передаются наречиями татарского языка. Как на пример такой передачи можем указать на наречие *неведомек* и прилагательное *детский*. Видя при слове *неведомек* помету «наречие», составители русско-татарского словаря издания 1941 г. решили, что и в татарской части статьи должны быть даны только наречия: *абайламыйча, уйламыйча, шыйламыйча*. Между тем этому наречию в татарском языке соответствуют глагольные формы: *сизми калу, башка, килмэу, төшенэ алмау, аңлай алмау*, в чем мы убеждаемся при переводе, например, таких выражений: *А ему и неведомек — Аның башына да килмөгөннэр; Мне неведомек, чего он хочет — Аның ни телэгәннэ мин төшенэ алмыйм*.

Одно из значений прилагательного *детский* в татарском языке передается наречием *балаларча*, в чем мы убеждаемся при переводе сочетания *детское рассуждение — балаларча фикер йөртү*.

Составители русско-тюркских словарей безусловно должны учесть все указанные выше особенности оформления слов и не повторять ошибок прежних словарей.

Р. С. Газигов

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СОСТАВЛЕНИЕМ РУССКО-ТУРКМЕНСКОГО СЛОВАРЯ

Создание двуязычных русско-национальных словарей, в данном случае русско-туркменского, является для национального языка своего рода «экзаменом на зрелость». Ведь русская часть словаря, составленная Государственным издательством иностранных и национальных словарей, содержит в себе все основное богатство лексики современного русского языка. И вот этот грандиозный по богатству материал необходимо сделать доступным для всех народов СССР, столь сильно нуждающихся в русско-национальных словарях.

Трудность работы над словарями для таких языков, как туркменский, заключается еще и в том, что параллельно с их составлением авторы должны решать и другую сложную задачу — задачу нормализации национального языка, в данном случае туркменского. Это значит, что переводчики словника должны с большой чуткостью и умением отбирать слова, понятные повсеместно и точно соответствующие материалу словника.

Идейное направление словарю дает словник. Но и при наличии хорошо составленного словника переводчик не гарантирован от искажений и таких переводов, которые могут вызвать двусмысленное толкование. К последнему может привести, например, в туркменском языке формальное отношение к соблюдению единообразия при переводе русских глагольных форм. Так, в начале работы над переводом словника было установлено, что инфинитив типа *сохранить* будет переводиться туркменской формой на *-мак — -мек*, т. е. *сакламак*. Что же касается имени действия типа *сохранение*, то его было решено передавать формой *саклама*. Правда, в большинстве случаев из контекста бывает ясно, что эта форма, несмотря на внешнее совпадение, не является формой повелительного наклонения с аффиксом отрицания, но когда этот контекст недостаточно развернут и ясен, может возникнуть двусмысленное толкование. Например, словосочетание *сохранение мира* в переводе *парахатчылыгы саклама* может быть понято как «не сохраняй мир»; чтобы этого не случилось, лучше переводить это словосочетание или как *парахатчылыгы сакламасы*, или как *парахатчылыгы сакламак*, т. е. формой, которая и была принята также как эквивалент инфинитива.

К сожалению, у некоторых составителей словарей еще существует мнение, что принцип единообразия должен соблюдаться в передаче форм словообразования даже там, где это соблюдение приводит либо к искажению смысла, либо к неутоверительным, мертвым формам. Но дело в том, что перевод словарного материала значительно отличается от перевода связного текста. Если переводчик последнего может в ряде случаев подобрать соответствующие синонимы или перевести то или иное слово описательно, то составитель словаря не может себе этого позволить. Переводя каждое слово, лексикограф встречается с той трудностью, что изолированное слово имеет более общее значение, чем то же слово в контексте примера, данного в этой словарной статье. Перевод же изолированного слова желателен если и не однословный, то и не очень изобилующий синонимами.

Так, слово *отлив* в смысле «оттенок» более или менее точно можно перевести словом *өвүшюн*. Пример же *черный с синим отливом* из-за необходимости использовать первоначальный перевод передан так: *гөк өвүшгичлиги гара реңк*. Гораздо лучше было бы перевести: *гөк өвүсийн гара реңк*, но существительное *отлив* нельзя перевести причастием *өвүсийн*. Кроме всего этого, прибавлено слово *реңк* «цвет», так как *гара* имеет целый ряд иных значений. Переводный словарь, содержащий материал таких типологически различных языков, как русский и туркменский, конечно, не преследует цели дать точное сопоставление слов в грамматическом плане, но какое-то единообразие в передаче определенных форм должно быть.

Одним из сложных вопросов при составлении русско-национального словаря является вопрос о границах использования в словаре заимствованных слов и терминов. Ошибаются те составители словарей, которые при передаче общественно-политической терминологии ищут иногда синонимы на национальном языке, в данном случае ищут «глубоко туркменские» слова. Огромная масса советско-интернациональных слов не только вошла в тексты газет и журналов, но и стала понятием широчайшим массам трудящихся нашей республики (как и трудящимся всех братских народов нашей страны). Поэтому при подборе терминов необходимо опираться на переводы произведений классиков марксизма-ленинизма, на тексты наших газет и журналов и брать из них все то, что в достаточной степени уже внедрилось в общенародный язык.

Понятен широкий слой и целый ряд бытовых слов, вошедших в туркменский язык через посредство русского языка: *самовар* в форме *семавар*, *ведро* в форме *бедре*, *кружка* в форме *куруже*, *помидоры* — в форме *памадур* (*памазор* — в говоре некоторых аулов вблизи Мары), *чайник* в форме *чайнек* и много других. Историк языка не пропел бы и мимо такого слова, как *бэжуэ*: этим словом прикаспийские йомуды называют действие людей, волоком тянущих судно (ср. у Н. А. Некрасова: *то бурлаки идут бечевой*). Но такие слова ценны лишь для истории языка, им в переводном словаре, который должен нормализовать национальный язык, нет места; ведь говорят те же прикаспийские йомуды *сибшиге* и *как раз*, но в литературном языке *спички* называются *отлы чөл*, а словосочетанию *как раз* есть ряд соответствий.

Помимо всех этих более или менее общих вопросов, перед лексикографом возникают также и вопросы мелкие; например, при переводе имен существительных: можно ли такое русское слово, как *шуба*, переводить словом *имчек* «овчинная шуба» (иногда, может быть, на каракулевых шкурках); не будет ли это параллельно к тем переводам, где и *сосна* и *осина* превращены в *моксисевоельник*? Так как нет дифференциации слов *облако* и *туча* (и то и другое *булут*), то как поступать при переводе этих слов? Большую трудность представляет перевод родовых понятий: так, *овощи* имеют весьма расплывчатое соответствие в виде *гөк онуммер* «зеленые продукты», тогда как видовые понятия передаются легко: «капуста» — *келем*, «морковь» — *көшир*, «огурец» — *хыяр*, «лук» — *соган*, «перец» — *бурч* и т. д.

Слова типа *объявление*, *обнародование* при переводе требуют ясности: какого загла глагол взят в основу этих имен действия. Так, *объявление приговора суда* будет вернее,

как *судың карарыны ыган эдилмеги*, а не *судың карарыны ыган этме* — это буквальное соответствие и звучит не по-туркменски и по смыслу дальше первого варианта. Есть еще один способ передачи, например: *опубликование статьи — макаланың чап эдилеши*, но здесь речь идет уже не столько о факте действия, сколько об образе действия: как шло печатание статьи или как она напечатана. Вместе с тем большую трудность представляет перевод таких слов, как *одухотворенность, благоговение, обожествление*. Будь эти слова в тексте, а не в словаре — способ передачи найти было бы легче. В такого типа словах невозможны ни толкования, ни однословная передача. Помочь может здесь только подбор типических примеров для иллюстрации.

Совершенно особые трудности встречает составитель словаря при переводе прилагательных, причастий и наречий. И здесь отсутствие иллюстративного материала совершенно недопустимо. Так, прилагательное *одинокий* в сочетании *он почувствовал себя одиноким* лучше передать специальным глаголом *ол ексиреди*. Переводя прилагательное *оглушительный*, составители словаря имели в виду громкость звука и перевели это слово словом *чиркин*: *чиркин сес* «оглушительный крик», что вполне соответствует истинному значению. Но сочетание «оглушительный гром» нельзя перевести как *чиркин гурлеусу*, так как в туркменском языке этому словосочетанию соответствует целое предложение *Гөк гаты гурледи* «Небо сильно гремело».

При переводе глаголов бросаются в глаза два момента: 1) несовпадение управляемых падежей, 2) трудность в передаче совершенного вида.

Так, в сочетании *овладеть знаниями — билими өвлешдирмек* русский творительный падеж соответствует в туркменском винительному падежу; в сочетании *обеспечить строительство кирпичом — гурулыгы кепчицен үлжун этмек* русский творительный падеж соответствует туркменскому исходному падежу; при переводе сочетаний с глаголом *озирать — өзгездирмек* русский винительный падеж соответствует туркменскому дательно-направительному падежу; для перевода глагола *открыть* грамматически более подходит *ганат багламак* (буквально: «привязать крылья»), но как раз в народном языке эта форма употребляется в смысле «открыться», «обрести крылья». Ср. у Мехтумкули:

*Гадам ерине ганат баглап учар мен,
Дийсе дилбер: ашык, йөр бизим сары!
«Не поступью пойду, обрету крылья, полечу,
Если милая скажет: влюбленный, следуй в нашу сторону!»*

Поэтому глагол *открыть* приходится передавать в словаре в повелительном залоге — *ганат багламак*. То же следует сказать и в отношении некоторых других глаголов; например: *омыть чем-либо — юмак нэмэ*. Можно, конечно, сказать и *нэмэ билен*, но это сочетание основного падежа и послелога *билен* звучит искусственной, чем форма дательно-направительного падежа. Между тем есть мнение, что творительный падеж более соответствует основному падежу + *билен*. Это не всегда верно: так, *окутать шью шарфом* лучше перевести, как *бойнына шарф доламак*, чем *бойныны шарф билен доламак*. То же касается и формы *окутаться чем — доламак нэмэ*.

Грамматического соответствия не требует и перевод таких пар, как *лямак «опалить»* и *лямак «опалиться»* вместо ожидаемой формы *лякымак*. Или еще пример: *чумдурмек «окунуть»*, но *чуммек «окунуться»* (без аффикса возвратного залога).

Что же касается передачи совершенного вида русского глагола, то в большинстве случаев она достигается использованием составных конструкций. Так, *пришнурить* будет не *гыгырмак*, а *гыгырып гойбермек*. Особое значение имеют глаголы с приставками — *отъезжать* и *выезжать*, которые следует переводить дифференцированно, так же, как и глаголы *езать* и *доезжать*; с другой стороны, все эти глаголы необходимо отличать от глагола *идти*. В туркменском переводе в этих случаях приходится всегда давать пояснительное слово *улагып*, т. е. «посредством транспорта, не пешком».

Прошедшее категорическое время туркменского глагола чаще соответствует русскому несовершенному виду. Поэтому совершенный вид приходится давать сложными конструкциями. При этом семантику каждого отдельного примера приходится учитывать особо. Так, *река замерла* не может быть переведено как действие, свидетелем которого был говорящий (ведь он застал реку уже замерзшей), и потому данный оборот приходится передавать формой, образованной от причастия на *-ыл/-ил* + аффикс настоящего времени: *дера доңудыр*. Эта форма по значению близка к английскому Present Perfect-у: действие совершается в прошлом, результат продолжает иметь значение и в настоящее время.

Видовые оттенки туркменского глагола не совпадают с русскими. Это не значит, конечно, что они не могут быть переданы средствами русского языка, речь идет о несопадении морфологическом. Так, аффикс *-ай/-эй*, присоединенный к корню, образует вид глагола, который называет действие, совершаемое помимо воли и разрешения другого: *Менэ гидэймек* «А я возьму да пойду» (хотя я и должен был не уходить). Деепричастие на *-а/-е* + *вер* образует вид, выражающий особенно радужное отношение другого

лица к совершающему действию: *гелевери* «пожалуйста, входи! добро пожаловать!». Несколько слабее этого вида по эмоциональности другая форма типа *гели + бер, бары + бер*; значение: «входи, не стесняйся, иди, следуй туда — не стесняйся». Есть вид, в котором за данным, быстро совершаемым действием должно последовать другое, более медленно проходящее: *барылжык сорадым* «пришел и спросил» (депричастие *барыл* + аффикс уменьшительности *жык*). Вообще же грамматическая категория вида туркменского глагола вовсе не разработана — и это немало затрудняет нашу работу.

Русский словник нашего словаря весьма богат стилистически различными и исторически в разное время возникшим лексическим материалом. Таковы, например, устаревшие слова и сочетания слов, которые необходимы для чтения произведений русских классических писателей, пословицы, поговорки, различного рода образные выражения и пр. Трудны для перевода на туркменский язык, например, такие сочетания, как *стоять у края стремнины, обветшала кровля, черный с синим отливом* и т. д. Наречие *вперегиб* дано в словаре без иллюстрирующего материала (Ср. у А. С. Грибоедова: «И он сгибался вперегиб»). Если авторам словника кажется неудобным давать словосочетания *сгибаться вперегиб*, то почему бы не прибегнуть прямо к цитате?

Что касается пословиц, то они, как известно, переводятся с возможной точностью. Некоторые высказываются за подмену русских пословиц параллельными туркменскими. Это, конечно, неверно, так как пословицы — произведения русского народного творчества и задача заключается не в объяснении их путем подмены, а в ознакомлении с ними туркменского читателя. А кроме того, как подобрать параллель к таким пословицам, как *Любись кататься, любви и саночки возить*, или *На печи не хرابрись, а в поле не трусь*? В Туркмении нет ни такого глубокого снега, чтобы кататься на санках, ни печей, на которых спят. Подобные пословицы должны быть хорошо переведены и объяснены. И лишь потом они могут быть снабжены параллелями из туркменских пословиц, если это так необходимо.

Совершенно иным способом делается перевод образных выражений и идиоматических оборотов. Буквальный перевод здесь почти исключен. Могут быть случаи, когда буквальный перевод имеет диаметрально противоположный смысл. Так, туркменское *вогне демек* буквально не соответствует примерно русскому «коснуться души». Но зачит этот оборот — «напести обиду». А русское образное выражение *сказать с сердцем* вовсе не есть *йурекли айтмак*, так как подобное сочетание *йурекли* с *айтмак* вообще не употребляется. И потом *йурекли* значит «отважный». Приведенное выражение лучше передать лишь по смыслу. Бывают и такие случаи, когда фразеологическое словосочетание имеет почти буквальное соответствие, и параллельно с ним существует лексически от него далекое, но по смыслу и употреблению почти одинаковое выражение. Таково приветствие *Добрый вечер*, которое чаще переводят как *Агшамыңыз хайырлы болсын* «Пусть ваш вечер будет благополучным» и тут же в общепринятой речи употребляют вечернее приветствие: *Гич яшш*. Д. Бердыев и В. Бабкин, справедливо критикуя наличные туркменские словари¹, вместе с тем неправы, отрицая годность варианта *Гич яшш*. Лучше было бы, может быть, предложить оба варианта.

При работе над переводом словника было отдано предпочтение письменным формам, а не разговорным. Здесь не было учтено, что и в письменных текстах, газетах, журналах могут быть неудачные примеры. Поэтому избежать живого общепринятого языка, особенно при передаче фразеологических словосочетаний — значит дать одиозный, сухой и мало полезный словарь. Специфические особенности языка проявляются в самых разнообразных формах и помимо идиомов. Так, пришлось выдержать довольно сильную борьбу с переводчиками, которые *бабье лето* перевели буквально *гелей тумусы* и не дали дополнительного толкования. С другой стороны, русский глагол *отпеть* только в смысле «кончить петь» на туркменский язык переводится тремя способами: о человеке — *айдым айдып болмак*; о птице — *сайрап болмак*; о петухе — *гыгырып болмак*. По-русски *однорукий* значит лишь «лишенный одной руки». Перевод на туркменский язык это слово, приходится учитывать, что *еке элли* будет всего-навсего «человек, лишенный помощников»; так обычно говорят о женщине, которая должна смотреть и за детьми, и за хозяйством без чьей-либо помощи.

Таковы наши первые наблюдения над составлением русско-туркменского словаря. Учет сущности специфики обоих языков, стремление дать точные, жатые и полезные переводы — вот что руководило всем нашим молодым коллективом в этой сложной, но всегда интересной работе.

З. Б. Мугаммедова

¹ См. Д. Бердыев и В. Бабкин, Важная задача туркменских языковедов, сб. «Вопросы орфографии, пунктуации и терминологии туркменского языка» («Материалы II Лияв. съезда ТССР»), Ашхабад, 1953, стр. 46—47.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

О ЯЗЫКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АГИТАЦИИ

Дискуссия на страницах журнала «Ринáшита»

(Италия)

В № 7—8 теоретического и политического журнала Коммунистической партии Италии «Ринáшита» за 1952 г. под рубрикой «Жизнь Коммунистической партии» появилась статья активной деятельницы демократического женского движения Италии Инес Пизони, озаглавленная «За более доступный и общепонятный язык политической агитации»¹. Говоря о все возрастающем влиянии Коммунистической партии в стране, о сплочении вокруг нее широких народных масс, автор статьи подчеркивает, что успехи партии и ее дальнейшие задачи делают актуальным вопрос об улучшении языка политической агитации, о преодолении некоторых недостатков в языке устных и печатных выступлений, обращенных к массам.

Конкретные наблюдения И. Пизони основываются главным образом на ее опыте работы среди женщин. В качестве глубоко положительного факта ею было отмечено, что общественно-политический рост итальянских женщин, примкнувших к демократическому движению, сопровождается огромным обогащением их словаря, усвоением ими множества новых слов и новых значений слов. Но, с другой стороны, язык публичных выступлений многих активисток, по мнению И. Пизони, страдает недостаточной выразительностью, сухостью, обилием штампов и общих мест, а иногда и неточностью. По ее словам, некоторые товарищи даже стесняются говорить в своих выступлениях простым, непосредственным, живым языком. И. Пизони критикует неудачное словоупотребление, когда вместо того, чтобы сказать просто «женщины», говорят *strati femminili* «женские слои» (даже в том случае, если оратор обращается непосредственно к женской аудитории) или когда вместо обычных слов *bambini, bimbi* и т. п. настойчиво пользуются собирательным и более официальным *infanzia* «дети», хотя по обстоятельствам речи естественно было бы говорить о детях в более теплых и сердечных выражениях. Автор статьи подвергает справедливой критике ошибку одной активистки, публично назвавшей работу демократических организаций по улучшению положения детей *azione benefica; benefico* значит не только «благотворный» и «благотворительный», но и «благотворительный». Получилось, что работа демократических организаций в этой области была охарактеризована как «благотворительное мероприятие». И. Пизони оценивает употребление этого выражения как своего рода уступку привычной фразеологии. Однако при этом совершенно неточно был отражен социальный смысл развернувшейся работы.

Весьма интересен рассказанный И. Пизони факт, имевший место в горах Сардинии. Приехавшая из города активистка, обращаясь к крестьянкам, долго говорила о «проблемах», явно злоупотребляя этим словом и никак не конкретизируя его. Просив слова, одна из слушательниц на родном наречии спросила: «Что же это такое за проблемы и проблемы? Я знаю это слово лишь в арифметике, но она здесь ни при чем. Мы хотим говорить о нашей жизни, о жизни наших мужей и наших детей». Очевидно, что слово «проблема», употребленное без всяких пояснений и конкретизации, оказалось не вполне понятным сардинским крестьянкам².

¹ Ines Pisoni, Per un linguaggio politico piú accessibile e umano, «Rinascita», Roma, 1952, № 7—8, стр. 439—441.

² Поясним, что в итальянском и в сардинском языках (так же, как во французском, испанском, португальском, румынском) слово *problema*, помимо того значения, которое оно имеет в русском языке, где оно является беспорно общепонятным словом, значит также «арифметическая, математическая задача». Школьник, решающий обыкновенную задачу на простейшие арифметические действия, решает, таким образом, говоря по-итальянски, «проблему». Крестьянка, возразившая оратору, знала именно это значение слова.

Приведенный пример интересен также и в том отношении, что он еще раз показывает, насколько велика специфика элементов так называемой интернациональной лек-

И. Пизони в своей статье указала также на недостатки стиля печатной агитации, не всегда обладающего нужной доходчивостью. Активистка демократического женского движения подчеркнула большую важность поднятого ею вопроса для деятельности всех демократических сил страны и высказалась за его широкое обсуждение.

Предложение И. Пизони встретило живой отклик читателей журнала «Ринашита». В редакцию поступило много писем, авторы которых — партийные и профсоюзные работники, деятели других демократических организаций, рабочие, бывшие партизаны — с большим интересом обсуждали пути преодоления недостатков в языке политической агитации. Вопросы эти обсуждались также на многочисленных собраниях. На протяжении семи номеров редакция публиковала материалы дискуссии, закончившейся в январском номере журнала за 1953 г. Содержание этой дискуссии представляет несомненный интерес для советского читателя.

Прежде всего авторы цитированных в редакцию статей и писем обратили внимание на определенные достоинства языка политической агитации, который выработался в практике многолетней борьбы Итальянской компартии. Возникло большое количество новых слов и выражений, непосредственно отражающих исторический опыт борьбы народа против фашизма, против нацистских захватчиков и в послевоенные годы — борьбу за демократические свободы, за мир. Карло Салинари отметил как одно из важных достижений усвоение марксистско-ленинской точности в употреблении общественно-политических терминов, их правильное, подлинно научное осмысление³. Интересны приведенные им в этой связи примеры. Еще не так давно слова *borghese, borghesia*, наряду с другими значениями, имели значение «штатский», «гражданский», «штатская жизнь, состояние» (в противоположность военному). Р. Салинари пишет, что он однажды был неприятно удивлен, увидев в помещении, где были расквартированы военные, надпись: *Viva la borghesia!*, которая, как оказалось, вовсе не была лозунгом в честь буржуазии, а означала: «Да здравствует штатская жизнь!» Словом *borghesia* ранее называли также иногда государственных служащих. Иные за словами *borghese, borghesia* прочно закрепилось их основное значение «буржуазный», «буржуазия»; прежняя смысловая расплывчатость оказалась преодоленной⁴. Уточнено значение слова *classe* «класс» как социального термина, нередко употреблявшегося прежде неправильно — по отношению к разным профессиональным группам. Р. Салинари сообщает нам, что в свое время римские булочники были очень обижены, когда им заявили, что они не представляют собой класса⁵.

Еще один успех в совершенствовании языка политической агитации, как подчеркнул К. Салинари и Розарио Мураторе⁶, заключается в том, что удалось преодолеть напыщенность и велеречивость, злоупотребление высокочарными, двусмысленными фразами, столь характерное для публицистического стиля в ранние периоды социалистического движения в Италии. Сравнивая современное положение вещей с тем, что было 60—70 лет тому назад, Р. Мураторе шутливо замечает: «*Piaceva ai nostri nonni tenere cattedra*» «Нашим дедам нравилось говорить торжественным, наставническим тоном».

Указывая на эти успехи, участники дискуссии в то же время единодушно отметили наличие серьезных недостатков в языке политической агитации, поддержав, в основном, высказывания И. Пизони. К числу этих недостатков относится введение ненужных или даже, как сказал Р. Мураторе, «убийственных» неологизмов («*micidiali neologismi*») — таких, как *calendarizzare* «составить календарный план определенных мероприятий» (вместо *fare il calendario, distribuire nel tempo i vari momenti di una certa attività*); *contenutizzare* «наполнить конкретным содержанием» (вместо *dare un conte-*

сики в разных языках, а иногда и в разных группах языков, выражающаяся в данном случае в семантике, в неодинаковом смысловом объеме слова. Об этом см. Р. А. Б у д а г о в, Очерки по языкознанию, М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 90, прим. 2.

³ Carlo S a l i n a r i, [lettera al Direttore], «Rinascita», 1952, № 9, стр. 504 (под рубрикой *Dibattito sul valore del linguaggio politico*).

⁴ Заметим, что значение «штатский» продолжает сохраняться в некоторых словосочетаниях, например: *vestire in borghese, andare in borghese* «одеваться в штатское платье». Ср. сходные наблюдения относительно слова *bourgeois* во французском языке (А. В. Ф е д о р о в, Введение в теорию перевода, М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1953, стр. 130—131).

⁵ Продолжая эти примеры, можно было бы назвать здесь и слово *autocritica*, смысл которого в итальянском языке существенно изменился (и уточнился) под влиянием русского слова «самокритика»; см. нашу статью «Новые слова русского происхождения в итальянском языке», сб. «Вопросы грамматического строя и словарного состава языка», 2 («Ученые записки Ленингр. ун-та», № 161, Серия филол. наук, вып. 18), Л., 1952, стр. 173—186.

⁶ Rosario Muratore, La elaborazione di un nuovo stile, «Rinascita», 1953, № 1, стр. 50—52.

nuto concreto a q. c.), *responsabilizzare* «возложить ответственность на кого-либо» (вместо *investire qualcuno di qualche responsabilità, ritenere alcuno responsabile di una cosa*) и т. п. Известно, что глаголы на *-izzare* отличаются в итальянском языке значительной продуктивностью, однако отнюдь не настолько большой, чтобы их можно было образовывать от существительных любого типа (в том числе от таких, как *contenuto* — причастия по происхождению).

Острой критике подверглось злоупотребление трафаретными выражениями, речевыми штампами. Джернаддо Петракки, посвятивший свою статью именно этому вопросу, привел любопытный пример той манеры изъясняться, которую он называет *parlare in «frasario»* «говорит штампами, стандартными фразами»⁷. Когда перед традиционным праздником в честь газеты «Унита», органа Итальянской компартии, к одному партийному работнику обратились с просьбой помочь достать нужный для оформления праздника материал, он ответил: «*Voi mobilitatevi, quando l'avrete trovata e comunicatecelo e noi allora interveriamo*» «Вы мобилизуйтесь, когда найдете его, информируйте нас об этом, и мы тогда примем меры». Как поясняет Дж. Петракки, он хотел этим сказать всего лишь следующее: «*Cercatela, poi ditemelo, chè i soldi per comprarla ce l'ho*» — «Найдите его, затем скажите мне, так как у меня есть деньги, чтобы купить это». Простое по содержанию высказывание оказалось неоправданно усложненным, отягощенным ненужными в данном случае словами и оборотами, затрудняющими понимание.

Как правильно подчеркнули участники дискуссии (К. Салинари и др.), дело идет вовсе не о том, чтобы отвергнуть все «готовые речения», все штампы, распространенные в языке политической агитации. Очень многие из них получили «права гражданства» в итальянском языке, и было бы неразумно от них отказываться. К числу удачных выражений К. Салинари относит, например, *fare un azione capillare*, буквально «осуществить капиллярное действие», что в условиях проведения массовой кампании означает *andare di porta in porta* «обойти жилища „от двери к двери“». Действительно, это выражение, основывающееся на физиологическом термине, оказывается очень образным и экспрессивным, внутренне мотивированным⁸.

Значительный интерес представляет статья Марио Монтаньяна «За простой и общепонятный язык»⁹, в которой ветеран итальянского рабочего движения стремится вскрыть причины недостатков языка политической агитации. Сухость и недостаточная выразительность языка, о которой говорили участники дискуссии, должна быть, по его мнению, объяснена как своего рода реакция — притом вполне оправданная — против цветистости и риторики установившегося в Италии еще в XIX в. публицистического стиля, против злоупотребления в буржуазной прессе громкими фразами о «любви и смисхождении к страждущим», против «молока и меда», изливавшегося многими — от Кардуччи до Д'Аннунцио, от Пасколи до Эдмондо Де Амичиса (иронически прозванного за это «*Edmondo dai languosi*» «Эдмондо Томным») и др.¹⁰. Борясь против этой риторики и слащавой сентиментальности, полемически заостряя против них свой публицистический стиль, пишет М. Монтаньяна, мы иногда «вместе с водой выбрасывали из ванны и ребенка», напрасно отказывались от эффективных стилистических средств, ценных стилистических приемов.

⁷ Gernando Petracchi, *Lingua e frasario*, «Rinascita», 1952, № 12, стр. 694—695.

⁸ Само слово *capillare*, образованное от лат. *capillus* «волос» и выступающее как термин в сочетании *vaso capillare* «капиллярный сосуд», содержит, в свою очередь, метафору.

⁹ Mario Montagna, *Per un linguaggio semplice e umano*, «Rinascita», 1952, № 10, стр. 560—561.

Недавно в русском переводе вышла его книга: М. Монтаньяна, *Воспоминания туристского рабочего*, М., Изд-во иностр. лит-ры, 1951.

¹⁰ Соглашаясь в принципе с М. Монтаньяна, мы считаем, что он не вполне прав, безоговорочно ставя в один ряд столь разных и по идеологии, и по стилю авторов, как Кардуччи и Д'Аннунцио. Автор «Гимна сатане» и других прогрессивных для своего времени стихов не может быть уподоблен Г. Рапаньетта (истинное имя Д'Аннунцио). Наличие в современном итальянском языке глаголов *carduceggiare* и *dannunziare* есть своеобразное подтверждение существенных различий в стиле этих писателей, не говоря уже о различных другого порядка [ср. у В. Мильорини: «Una generazione di letterati (e di quasi letterati) carduceggiò, la generazione successiva dannunziò». «Одно поколение литераторов (и псевдолитераторов) стилизовалось под Кардуччи, следующее поколение стилизовалось под Д'Аннунцио» (В. Migliorini, *Lingua contemporanea*, 3 ed., Firenze, 1943, стр. 80)]. Соответствующая оговорка относительно Кардуччи была бы, вероятно, более оправданной, чем та, которую автор статьи делает далее в отношении книги Де Амичиса «*Lotte civili*». В связи с этим местом статьи М. Монтаньяна известный интерес представляет один эпизод из повести Дж. Джерманетто «Травальо» (М., ГИХЛ, 1938), свидетельствующий о

Необходимо отметить важное выступление Лючано Группи¹¹, подчеркнувшего, что в агитационной работе ведущую роль играет содержание, которое теснейшим образом связано с формой выражения.

Участники дискуссии, как этого и следовало ожидать, стремились не только выявить недостатки в языке политической агитации, но также наметить пути их преодоления. Глубоко верными были суждения Марио Беллетти и других о том, что для исправления этих недостатков нужно обратиться к языку народа, к богатствам народного языка, нужно всесторонне укреплять связи с широкими массами. Именно тогда найдутся слова и выражения, хорошо понятные рабочим серых копей Сицилии и багрякам в долине По. М. Беллетти использует в этой связи высказывание И. В. Сталина о связи партии с народными массами, в котором коммунисты уподобляются герою греческой мифологии Антею, сильному своей связью с матерью-землей¹². Тереза Муши в своем письме рассказала о том, какое глубокое впечатление производят на нее выступления женщин из народа, простых работниц, в частности, выступление одной текстильщицы, ярко и страстно рассказавшей на профсоюзном конгрессе о своей поездке в Советский Союз, об увиденном ею новом мире¹³.

Другой вывод, который сделали участники дискуссии, состоит в том, что нужно еще глубже изучать марксистско-ленинскую литературу, труды классиков марксизма-ленинизма, в которых обобщен богатейший опыт революционной борьбы. Произведения классиков марксизма-ленинизма, которые учат грядущее человечество бороться и побеждать, являются вместе с тем величайшим образцом и в отношении языка. Основательное изучение этого драгоценного наследия прежде всего с точки зрения содержания, а также со стороны языка есть верное средство совершенствования языка политической агитации. Аргуро Коломби, говоря о необходимости сделать обличительный стиль агитационных выступлений еще более острым, полемически отточенным, называет в качестве примера произведение К. Маркса «К критике гегелевской философии права», содержащее «уроки стиля». М. Монтаньяна в уже названной статье призывает сочетать, подобно классикам марксизма-ленинизма, точность и научную строгость изложения с яркостью и образностью. Он называет при этом в качестве высоких образцов изображение К. Марксом бедственного положения английских рабочих в «Капитале», блестящую критику В. И. Лениным экономиста Мартынова в «Что делать?» и разоблачение изменников революции в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский», страстные призывы И. В. Сталина, обращенные к кавказским рабочим в 1905 г., и его историческую речь на XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза.

Очень большой интерес представляют ссылки Л. Группи на выступления Г. М. Димитрова¹⁴ и Мао Цзэ-дуна¹⁵.

Участники дискуссии подчеркнули, насколько важно изучение произведений основателей и руководителей Коммунистической партии Италии Антонио Грамши и

популярности Кардуччи и других. «...Что-то не стало хороших книг в Италии, — жалуются во времена фашизма пожилые итальянский рабочий. — Когда был я помоложе, читали мы Кардуччи, Де Амичис, Негри, других уж и не помню. Хорошие были писатели, а теперь что?» (стр. 287).

¹¹ Luciano Gruppi, La questione è del contenuto, «Rinascita», 1952, № 11, стр. 630—631.

¹² См. И. В. Сталин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 года, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 42—43; История ВКП(б). Краткий курс, стр. 346.

¹³ См. Teresa Musci, [lettera al Direttore], «Rinascita», 1952, № 9, стр. 503—504.

¹⁴ Речь идет о докладе и заключительном слове Г. М. Димитрова на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала в августе 1935 г., в которых большое внимание было уделено языку политической агитации. В качестве примера того, как не нужно выступать перед массами, Г. М. Димитров назвал начетническое выступление одного оратора перед собранием безработных в Берлине, заявившего о том, что безработных надо «...сначала политизировать, затем революционизировать, а потом мобилизовать для поднятия их движения на высшую ступень...» и т. д. «...Усвоение наших решений широкими массами невозможно, — подчеркнул Г. М. Димитров, — если мы не научимся говорить понятным для масс языком» (Г. Димитров, В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. Статьи и речи 1935—1939 гг., Госполитиздат, 1939, стр. 79—81).

¹⁵ Имеется в виду речь тов. Мао Цзэ-дуна на собрании руководящих работников в Яньани 8 февраля 1942 года. В этой речи Мао Цзэ-дун подверг суровой критике значительные недостатки в языке устных и печатных выступлений некоторых товарищей и указал пути ликвидации этих недостатков, призывая учиться языку у народных масс, «...пользоваться в партийной литературе живым, свежим и энергичным марксистско-ленинским стилем» (Мао Цзэ-дун, Против шаблонных схем в партии. Избр. произвед., т. 4, М., Изд-во иностр. лит-ры, 1953, стр. 109).

Пальмиро Тольятти. «Письма из тюрьмы» А. Грамши, как и другие его произведения, написанные необычайно выразительным и ясным языком, пользуются широкой популярностью в Италии и за ее пределами. В качестве выдающегося образца того, как нужно говорить, обращаясь к массам, А. Коломби называет известную речь П. Тольятти у гроба шести рабочих из Модены, убитых полицией 9 января 1950 г.¹⁶

Единодушным было мнение участников дискуссии о том, что одним из важных средств улучшения языка политической агитации является повышение общего культурного уровня кадров агитаторов. Искусство убеждать своих слушателей и читателей требует высокой культуры, больших и разносторонних знаний. Необходимо, как заметил А. Коломби, основательнее изучать итальянский язык, глубже изучать произведения лучших итальянских писателей, классиков мировой литературы. Отвергая «молоко и мед» прежнего публицистического стиля, нужно преодолеть ложную боязнь перед эмоциональными, ярко образными выражениями, перед всем тем, что составляет стилистическое богатство языка, что способно волновать аудиторию.

Говоря о задачах улучшения языка политической агитации, об искусстве находить нужные слова, Р. Мураторе иллюстрирует свои высказывания прекрасным литературным примером. Героиня знаменитого романа А. Магдзони «Обрученные» крестьянская девушка Лючия попадает в замок феодала, названного в романе *Innominato* — Безымянным. Старая служанка Безыменного, который начинает испытывать глубокое сочувствие к Лючии, спрашивает у своего хозяина: «Что же мне ей сказать?» — и тот с досадой отвечает: «То есть, как это, что сказать? Я же тебе говорю, — успокой ее. Как же это ты дождала до таких лет, а не знаешь, как успокаивают человека, когда это нужно? У тебя никогда сердце не замирало от тревоги? Ты никогда не чувствовала страха? Неужели ты не знаешь слов, которые приятно слушать в такие минуты? Вот эти слова ты ей и говори, — придумай их, наконец...» Старуха плохо выполняет поручение, обращаясь к девушке со словами: «Идемте со мной, моя милая, идемте, бедняжка; идемте, — мне приказано хорошо обращаться с вами и успокоить вас»¹⁷. Беспомощные выступления перед массой в стереотипных выражениях напоминают, по мысли Р. Мураторе, жалкие слова старухи из романа Магдзони.

Участники дискуссии предложили также ряд мер организационного характера (увеличение числа партийных школ и их укрепление и др.), указывая, что изжить недостатки в языке политической агитации можно только улучшая всю агитационную работу в массах. Предложения читателей «Риняшита» в целом ряде случаев выходили за рамки первоначально поставленных вопросов и касались других связанных с ними проблем, имеющих большое значение. Так, партизан Марио Доцци предложил усилить борьбу с неграмотностью, видя в этом мощное средство усиления агитационного воздействия на народные массы¹⁸.

Важно отметить, что участники дискуссии связывали возникшие вопросы и их разрешение с очередными задачами Итальянской компартии, в частности, с предстоящей избирательной кампанией по выборам в парламент в июне 1953 г., которая закончилась, как известно, крушной победой демократических сил Италии.

Дискуссия о языке политической агитации на страницах журнала «Риняшита» — знаменательное явление в идейной жизни Итальянской компартии. Как отметил один из участников дискуссии, повышение требований к языку агитаторов есть признак роста. Подводя краткие итоги дискуссии, редакция журнала отметила большое единодушие в рядах партии по вопросу о недостатках в языке политической агитации и о средствах их преодоления.

Прошедшая дискуссия — заметное событие в истории итальянского языка новейшего периода. Решительное осуждение некоторых распространенных недостатков в современном словоупотреблении, вскрытие причин этих недостатков, требование приблизить публицистический стиль к живому языку народа, призыв смелее использовать накопленные ранее стилистические богатства, углублять изучение родного языка, усилить борьбу с неграмотностью и тем содействовать укреплению общелитературных норм — таковы итоги, которыми определяется значение дискуссии с этой точки зрения.

Следует отметить, что участники дискуссии в освещении некоторых общих вопросов могли бы в большей мере использовать опыт, накопленный в этой области в Советском Союзе. Речь идет, естественно, не о специфических вопросах русского языка и других языков народов СССР, а о более общих вопросах, относящихся к проблеме языка политической агитации.

В ходе дискуссии не был затронут очень сложный, теоретически и практически важный вопрос о возможности использования диалекта в агитационной работе, о соотношении языка и диалекта в политической агитации. Между тем актуальность этого вопроса в условиях Италии, где сохраняются сильные диалектальные различия, совер-

¹⁶ См. «Il discorso di Togliatti», «L'Unità», (Roma) 12 I 50 (№ 10).

¹⁷ А. Магдзони, «Обрученные. Повесть из истории Милана XVII века», М. — Л., «Academia», 1936, стр. 465 и 466 (гл. XX и XXI).

¹⁸ «A chiusura del dibattito», «Rinascita», 1953, № 1, стр. 52.

шенно очевидна. Некоторые факты, приводившиеся во время дискуссии, казалось бы, прямо указывали на это. Напомним, что сардинская крестьянка, возразившая оратору, заговорила на своем родном наречии.

Положение марксистского языкознания о том, что народные диалекты подчинены общенародному языку как низшие формы высшей, дает твердую основу для решения этого вопроса. Характеризуя взаимоотношение итальянского национального языка и его диалектов, основатель Итальянской коммунистической партии А. Грамши писал: «Кто говорит только на диалекте или понимает национальный язык в недостаточной степени, тот неизбежно будет связан с мироощущением более или менее ограниченным и провинциальным, косным, анахронистическим в сравнении с великими течениями мысли, которые господствуют в мировой истории... Если не всегда имеется возможность изучить несколько иностранных языков для того, чтобы познакомиться с различными культурами, то во всяком случае необходимо хорошо изучить национальный язык. Великая культура может быть переведена на язык другой великой культуры... Но на диалекте этого сделать нельзя»¹⁹. Политическая агитация, несущая широким народным массам передовые идеи, поднимаящая жизненно важные для общества вопросы, должна пользоваться единым общенародным языком, уметь использовать все его веками накопленные сокровища.

В то же время при определенных условиях, в среде, еще недостаточно приобщившейся к богатствам общенационального языка, обращение к диалекту может иногда оказаться целесообразным и очень эффективным. Интересна в этом отношении одна сцена, описанная в упомянутой повести Дж. Джерманетто «Травальо». Вскоре после вступления Италии в первую мировую войну в маленький швейцарский городишко является правительственный агент, адвокат, с задачей агитировать за войну. «Однажды утром, после торжественной мессы, на площади выступил оратор, специально прибывший из Кунео, чтобы объяснить горцам причины, которые заставляют Италию вступить в войну... Речь, если правду говорить, была с трудом понята и еще хуже принята. Ни одного аплодисмента не раздалось, когда оратор закончил свое выступление. И тогда Бернардо Травальо (инвалид войны, участник боев в Африке — А. К.) попросил слова. ...Потрясая пустым рукавом, заговорил Бернардо на диалекте, который слушатели понимали много лучше итальянской речи адвоката. Он начал, конечно, с Гарибальди, затем вспомнил войну в Африке и рассказал про ужасы поражения при Догали, про тысячи павших в Ливии. Он утверждал, что горцы не могут хотеть и не хотят войны. И горцы, как один, горячо поддержали Бернардо. Целая буря аплодисментов пронеслась над площадью» (стр. 65). Думается, что Джерманетто вполне правдоподобно изобразил эту сцену. Успех речи старого горца, конечно, объясняется прежде всего ее антивоенным содержанием. Вместе с тем существенную роль здесь сыграла также и форма речи, то обстоятельство, что она была произнесена на местном диалекте, являющемся в данной среде повседневным средством общения. Использование народного диалекта, низшей формы по отношению к национальному языку, таким образом, может быть при известных обстоятельствах вполне оправданным, особенно в малых формах агитационной работы. Формула М. Беллетти — уметь находить слова, хорошо понятные рабочим серных копей Сицилии и батракам в долине По — имеет в виду, разумеется, прежде всего искусство находить нужные и всем понятные слова общенародного языка, но она в то же время допускает использование местных слов, обозначающих определенные предметы и понятия, характерные для данной конкретной среды, использование слов того или иного местного диалекта.

Отметим еще, что выступления некоторых участников дискуссии могли бы быть более конкретными, могли бы содержать больше фактов, взятых непосредственно из живых наблюдений, из практического опыта агитационной работы в народных массах.

Характеризуя в 1906 г. задачи политической агитации партии, В. И. Ленин в работе «Социал-демократия и избирательные соглашения» указывал, насколько важно «...уметь говорить просто и ясно, доступным массе языком, отбросив решительно прочь тяжелую артиллерию мудреных терминов, иностранных слов, научных, готовых, но непонятных еще массе, незнакомых ей лозунгов, определений, заключений»²⁰. Дискуссия о языке политической агитации, которая прошла на страницах журнала «Ринкүшита», помогла всем активным борцам за лучшее будущее Италии полнее овладеть этим искусством.

А. А. Касаткин

¹⁹ Antonio Gramsci, *Il materialismo storico e la filosofia di Benedetto Croce*, 3 ed., Torino, 1952, стр. 4—5 (nota III).

См. Э. Я. Егерман, «Литература и национальная жизнь» Антонио Грамши, «Вопросы философии», М., 1953, № 1, стр. 220; ср. также «За дальнейшее творческое развитие марксистского языкознания» [передовая], «Вопросы языкознания», М., 1953, № 3, стр. 6.

²⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 262.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Вл. Георгиев. Проблемы минойского языка. — София, изд. Болгарской Акад. наук, 1953. 196 стр.

Новая книга выдающегося болгарского ученого акад. Вл. Георгиева «Проблемы минойского языка», изданная Болгарской Академией наук в 1953 г., представляет собой новый этап в развитии взглядов автора на разрабатываемый им более 15 лет вопрос о языке населения древней Греции и о Крита во II тысячелетии до н. э., языке создателей высоко развитой культуры, называемой в науке «крито-микенской», или же «минойской» (для Крита), «элладской» (для континентальной Греции) и «кикладской» (для о-вов Эгейского моря). На этом этапе Вл. Георгиев отказывается от некоторых прежних своих точек зрения и выдвигает новые. В этом смысле работы Вл. Георгиева можно отчасти сравнить с шахматовскими работами по вопросу о расселении восточных славян и соотношении их племенных языков и позже наречий древнерусского языка: в каждой из них А. А. Шахматов выдвигал новые положения, частично отказываясь от старых, иногда возвращаясь к взглядам, временно им оставленным. Если бы рецензируемая книга была только подведением итогов прежних исследований Вл. Георгиева, можно было бы подвергнуть ее разбору, не обращая к его более ранним работам. Поскольку же эта книга является новым этапом, обещающим дальнейшую эволюцию взглядов ученого, необходимо рассматривать ее в связи с его предыдущими работами.

Уже в своих работах 30-х годов, общую концепцию которых («догреческий» язык как «праиллирийский» или «фрако-иллирийский») Вл. Георгиев давно не оставляет, ему удалось прийти к интересным и ценным выводам: ряд слов древнегреческого языка, не имевших индоевропейских этимологий и считавшихся неиндоевропейскими по своему происхождению, был определен как слова индоевропейские, но не греческие. Были установлены некоторые фонетические соответствия, которые объединяли довольно большую группу слов и позволили рассматривать эти слова и слова бесспорно греческие как результат разных изменений одного и того же индоевропейского корня. Для фонетического строя этого негреческого индоевропейского языка в древней Греции, который Вл. Георгиев называл тогда «иллирийским» и из которого греки, по его мнению, заимствовали ряд слов, были определены следующие черты, отличающие данный язык от древнегреческого: 1) и.-е. $*\tilde{o} > \tilde{a}$ (в конечных слогах $*\tilde{o} > \tilde{u}$); 2) и.-е. $*\tilde{r} > i$ (или e очень закрытое); 3) и.-е. $*oi > *ai > a$; 4) и.-е. $*ou > au$; 5) и.-е. $*r, *l, *n, *m >$ сочетания $ar, ra, ara, or, ro, oro, ur, ru, ir, ri$ и подобные им с другими сонорными (т. е. al, la, ala и т. д.); 6) «сатемизация», т. е. переход индоевропейских среднеязычных $*\tilde{k}, *g$ в спиранты; 7) делябиализация заднеязычных лабиализованных $*k^u, *g^u$; 8) «передвижение согласных» германского типа, но с сохранением без изменения старых индоевропейских глухих аспират (т. е. звонкие аспираты изменились в чистые звонкие, чистые звонкие — в чистые глухие; чистые глухие — в глухие аспираты, совпавшие со старыми глухими аспиратами)¹.

Многое, конечно, здесь еще оставалось неясным, особенно в пунктах 5 и 8: судьба индоевропейских слоговых сонорных оказывалась чрезвычайно разнообразной, а «передвижение согласных», напоминавшее графическое выражение древнегреческих взрывных согласных в кипрском слоговом письме, не обладало той четкостью, какою оно характеризуется в германских языках (и е р о е «передвижение»), хотя и не оставляло того впечатления полного хаоса, которое дают нам в этом вопросе памятники клинописного хеттского (неситского) языка².

¹ См. Vl. Georgiev, Die Träger der kretisch-mykenischen Kultur, ihre Herkunft und ihre Sprache, Teil I, «Годишник на Софийския университет, Ист.-фил. фак-т», кн. XXXIII, 4, София, 1936, Kapitel 4 — «Griechische Lehnwörter aus dem Urillyrischen» (стр. 66—108).

² См. вступительную статью А. Десницкой «О хеттском языке» к «Краткой грамматике хеттского языка» И. Фридриха (М., 1952, стр. 34) и § 21 самой грамматики (стр. 48).

Гипотеза об «иллирийских» элементах в древнегреческих диалектах в настоящее время может считаться уже прочно установленным положением, если не требовать уточнения термина «иллирийский» и понимать под ним какую-то иную (негреческую) «ветвь» индоевропейских языков, представители которой попали в Среднюю Грецию и Пелопоннес вместе с носителями северо-западных греческих диалектов в процессе так называемого «дорийского вторжения» XIII—XI вв. до н. э. О негреческих, но бесспорно индоевропейских по языку этнических элементах, появившихся в это время в Греции, говорят и многие факты материальной культуры, религии и мифологии и говорят более убедительно, чем подчас ованые факты, которые в работах «ученых» фашистской Германии должны были аргументировать якобы «северное» происхождение самих греков и их генетическую близость к германцам. Однако к языку носителей минойско-микенской культуры III—II тысячелетий до н. э. эти элементы не могли иметь никакого отношения. Это очень скоро понял сам Вл. Георгиев, решительно отказавшийся от гипотезы об «иллирийской» или «фрако-иллирийской» принадлежности «минойцев» и «микенцев»³.

Здесь можно указать и на то, что приведенные выше фонетические черты, отличающие слова, заимствованные греками из другого, неизвестного нам индоевропейского языка, никак не совпадают с чертами «иллирийских» языков, кроме перехода * $\sigma > \alpha$, характерного для мессапского языка в Южной Италии и собственно иллирийской топонимики (на северо-западе Балканского полуострова), но не характерного для венецкого. «Передвижение согласных» также отсутствует в венецком языке, а в мессапском можно отметить лишь недостаточно четкое различие звонких и глухих. Таким образом, в вопросе о роли негреческих элементов в древнегреческом языке еще много неясного. Не подвергнута эта проблема и с черны в а ю щ е й систематической разработке пока и Вл. Георгиевым.

Такая систематическая разработка требует того, чтобы полученные результаты исследований были сопоставлены: 1) с данными других индоевропейских языков, включая реликты фракийского, иллирийского и венецкого; 2) с бесспорными и результатами расшифровки минойских слов; 3) с археологическими данными, относящимися как к минойскому (эладскому), так и раннегреческому времени; 4) с данными истории религии и мифологии.

Только тогда можно будет делать более или менее решительные выводы о распределении негреческого, но индоевропейского элемента в древнегреческом языке между «догреческим» слоем и слоем, связанным с эпохой так называемого «дорийского вторжения». (О мнении Вл. Георгиева, что только в эту эпоху греки появились на юге Балканского полуострова, см. ниже.)

Параллельно со своими размышлениями о негреческих индоевропейских элементах в древнегреческом языке Вл. Георгиев приступил к самостоятельной расшифровке линейного минойского письма, существовавшего и на о. Крите, и в континентальной Греции в двух вариантах (А и Б). Расшифровка велась им как при помощи использования знаков кипрского слогового алфавита, так и комбинаторным способом. Частично используя достижения других ученых (например, Судвалля, Карателли и др.), Вл. Георгиев и в отравных точках своего исследования, и в выводах резко разошелся с проф. Б. Грозным, также производившим опыты расшифровки минойского письма, оказавшиеся совершенно неудачными⁴.

Мы считаем, что в этом вопросе именно Вл. Георгиеву удалось добиться решающих успехов и создать основу для дальнейших исследований и что вся последующая разработка этого вопроса должна исходить из достигнутых им результатов и заключаться в уточнении, детализации и дополнении сделанных реконструкций (если это позволит материал) в тех частях, которые самому Вл. Георгиеву кажутся еще не окончательными.

Ключ расшифровки найден, как это было в определенный момент в истории расшифровки шумерско-вавилонской клинописи, хотя поправки к толкованию отдельных клинописных знаков имели место и после, вплоть до наших дней.

По нашему мнению, так же бесспорны выводы Вл. Георгиева об общей минойской основе финикийского и древнейшего греческого алфавитов, изложенные им в статье «Происхождение алфавита»⁵, хотя следовало бы более решительно (не в виде вопроса, как это сделано на стр. 82 этой статьи) подчеркнуть, что древнейшие греческие фонетические алфавиты, возникнув самостоятельно на минойской основе из слоговых алфавитов типа кипрского и карийского, должны были подвергнуться влиянию родственного

³ Кроме того, как бы ни были скудны остатки фракийских языков и каким бы туманным ни оставалось понятие «иллирийских» языков, можно решительно утверждать, что никакого близкого родства между этими двумя группами не было.

⁴ См. С. Я. Лурье, «Догреческие надписи Крита», «Вестник древней истории», М.—Л., 1947, № 4, стр. 70—87.

⁵ Вл. Георгиев, «Происхождение алфавита», «Вопросы языкознания», М., 1952, № 6, стр. 48—83.

по происхождению финикийского письма в эпоху значительного финикийского влияния на экономику и культуру Греции (IX—VIII вв. до н. э.)⁶. Вл. Георгиев признает (стр. 81—82) роль финикийского влияния только в у н и ф и к а ц и и древнегреческих письменных систем. Но эта унификация, как известно, началась много позже, когда финикийское влияние потеряло уже всякое значение, а завершилась лишь к IV в. до н. э. на основе принятия ионийского алфавита в Афинах.

Мы не будем в настоящей рецензии специально останавливаться на этой стороне работ Вл. Георгиева, тем более, что и рецензируемая книга называется «Проблемы минойского я з ы к а». К рассмотрению этих проблем Вл. Георгиев шел и от своих более ранних исследований по негреческим элементам в древнегреческой лексике, и от расшифровки минойской письменности. Работа по расшифровке минойской письменности привела его, с одной стороны, к выводу о том, что язык создателей минойской культуры III—II тысячелетий до н. э. был индоевропейским языком, а с другой стороны, к выводу, что носители так называемой позднемикенской культуры в континентальной Греции не были греками по языку и что первыми греками были дорийцы, появившиеся не ранее XII в. до н. э. Оба эти вывода шли вразрез с общепринятой научной традицией, так как в исторической, археологической, историко-мифологической и лингвистической литературе уже лет 30—40 господствует мнение (разделяемое и пишущим эти строки⁷), что первые греческие племена появились в Греции в конце III — начале II тысячелетия до н. э., что микенская культура на континенте есть результат усвоения греками многих элементов неиндоевропейской минойской культуры⁸, что Крит завоеван греками-ахейцами около 1400 г. до н. э., что героический эпос, лежащий в основе гомеровских поэм, создан греками, но греками микенской (додорийской) эпохи.

Совершенно иными являются выводы, намеченные уже в двухтомном лингвистическом исследовании Вл. Георгиева «Vorgriechische Sprachwissenschaft»⁹, где негреческие, но индоевропейские элементы древнегреческого языка окончательно приурочены к «догреческому» населению Греции и дана развернутая критика всех научных работ, начиная с конца XIX в., в которых «догреческое» население считалось неиндоевропейским по языку. Полная четкость придана этим выводам в заключительном разделе книги «Le déchiffrement des inscriptions minoennes» и в статье «État actuel des recherches et coordination du travail dans le domaine des langues anciennes balkano-asiatiques»¹⁰, где выдвигается новая гипотеза, сближающая язык ахейцев (Ahhijawa хеттских источников) на греческом континенте с языком хеттских иероглифических надписей, который Вл. Георгиев называет «данайским», исходя из тождества ахейцев и данайцев у Гомера, и с языком филистимлян в Палестине¹¹.

Все выводы Вл. Георгиева, касающиеся разных сторон проблемы этнической и языковой принадлежности носителей минойской культуры на Крите и микенской культуры в Греции, связаны между собой и представляют собою единую систему научных взглядов. Так как принять эту систему в целом мы не считаем возможным, ее необходимо расчленил на части. Как было указано, бесспорными элементами этой системы мы считаем: 1) принципы расшифровки минойской письменности и, следовательно, установленное на ее основе звучание минойских слов; 2) минойское происхождение древнегреческого письма. Проблематичным в этой системе является утверждение об индоевропейском характере минойского (критского) языка, хотя это утверждение и

⁶ Финикийское культурное влияние на Грецию в раннеисторический период, которое очень переоценивалось историками XIX в. (начиная с Э. Курдиуса) и в отдельных работах XX в. (прежде всего, у В. Берара), в последнее время многими совершенно неосновательно недооценивается и сводится почти к нулю.

⁷ См. написанные нами первые две главы в «Истории греческой литературы», т. I (М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946, стр. 13—41 и 66—70) и посвященную почти целиком этому вопросу диссертацию «Исследования в области древнегреческой литературы и языка» (М., 1946).

⁸ Некоторые ученые допускают существование на континенте отдельных минойских (критских) «колоний».

⁹ V. I. Georgiev, Vorgriechische Sprachwissenschaft, Sofia, 1941—1945.

¹⁰ V. I. Georgiev, Le déchiffrement des inscriptions minoennes, Sofia, 1949 и е г о ж е, État actuel des recherches et coordination du travail dans le domaine des langues anciennes balkano-asiatiques, «Archiv Orientalni», vol. XVII, pars 1, Praha, 1949, стр. 275—287.

¹¹ Весьма вероятную принадлежность хеттского иероглифического языка к группе «satem» Вл. Георгиев не принимает во внимание. Между тем единственным достоверным словом, проникшим в греческий язык в древнейшую эпоху из языка группы «satem» (вероятнее всего, из фракийского), является σίτος, σῖτα «хлеб», «пшеница» (н.-е. *k^uei-, хотя слав. жито, др.-прусск. geityts, geits «хлеб» и кимр. bwyd «пшеница» указывают на индоевропейский корень *g^uei-, к которому восходят слав. жиевь, лит. gyvas, лат. civus, греч. βίος и т. д.).

принимается без колебания некоторыми советскими лингвистами (А. В. Десницкая, С. Б. Бернштейн¹²). Противоречащим всей научной традиции и не имеющим серьезного обоснования является тезис о том, что греческий язык появился в Греции впервые только с дорийскими завоевателями, хотя достоверно известно, что Аттика совсем не подвергалась дорийскому завоеванию, в Фессалии и Беотии дорийский элемент в языке и культуре отразился очень поверхностно¹³, в Аркадии его нет совсем, а в Мессении он появился лишь в исторический период из Спарты (Мессенские войны); нет его совсем и в малоазийской Ионии и Эолии, чье культурное влияние на континентальную Грецию в VII—VI вв. в соединении с местными (тоже не полностью «доризованными») традициями и создало классическую эллинскую цивилизацию — родоначальницу всех европейских цивилизаций. Наконец, ничем не обоснованным домыслом является гипотеза о связи или даже тождестве «ахейцев-давайцев» с «иероглифическими хеттами».

Критическому разбору исторической концепции Вл. Георгиева, для которой, между прочим, характерен недостаточный учет новейшей археологической литературы¹⁴, мы предполагаем посвятить особую статью. В лингвистическом журнале нет возможности достаточно глубоко рассмотреть эту проблему. Пока можно отослать читателей к статье акад. А. И. Тюменева, где используется вся соответствующая новейшая литература¹⁵. Поэтому мы будем в дальнейшем касаться только вопроса об индоевропейском характере минойского языка и о его отношении к древнегреческому языку.

В книге «Le déchiffrement des inscriptions minoennes» в главе «Общий характер минойского языка» Вл. Георгиев устанавливал следующие фонетические черты этого индоевропейского языка: 1) отпадение всех конечных согласных, кроме, может быть, *r* и *s*; 2) монофтонгизация дифтонгов, аналогичная клинописному хеттскому языку, причем дифтонги с *i* дали *e* или *i*, а дифтонги с *u* дали *o* или *u*; 3) группы согласных *kt*, *pt*, *st* дали *t*, как в критском диалекте древнегреческого языка, где это явление возводится Вл. Георгиевым к минойскому субстрату; 4) другие группы согласных в начале слова получили энтетическое гласное приращение.

О других чертах языка, представленного греческими индоевропейскими словами в греческом языке, о которых говорил раньше Вл. Георгиев и которые мы перечислили в начале нашей рецензии, здесь не упоминается, так как вывести их из расшифрованных минойских слов нельзя, да и графика, не различающая звонких и глухих, простых и придыхательных согласных, не дает возможности делать заключение о каком-либо «передвижении согласных».

Однако одновременно с этим в упомянутой статье «Etat actuel des recherches et coordination du travail...» Вл. Георгиев, говоря о догреческом (préhellénique) «апельгетическом» языке, указывает следующие его фонетические черты: 1) и.-е. **o* > *ä*; 2) и.-е. **r* > *ur* или *ri* и т. п.; 3) «передвижение согласных»; 4) и.-е. **k* > *s* или *š* и т. д. (т. е., очевидно, и и.-е. **g*, **gh* > *s* или *d*? — Б. Г.); 5) деабнализация индоевропейских лабиовеларных **k^u*, **g^u*; 6) сохранение начального (перед гласным) и интервокального *s*; 7) диссимилятивная дезаспирация. «Передвижение» согласных указано вновь и в рецензируемой книге (стр. 81).

Исходя из этого, Вл. Георгиев установил (еще раньше — в «Vorgriechische Sprachwissenschaft») ряд совершенно бесспорных собственно греческих и негреческих

¹² См. А. В. Десницкая, Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 4, стр. 42 (автором признается только возможность дальнейшего уточнения); С. Б. Бернштейн, Новое о языке минойских надписей (по поводу работ проф. Вл. Георгиева), «Известия АН СССР. Отд.-ние лит-ры и языка», М.—Л., 1951, вып. 2, стр. 198—200 (автор безоговорочно признает основной тезис и развивает его в сторону особых связей со славянскими языками).

¹³ См.: O. Hoffmann, De mixtis Graecae linguae dialectis, Göttingen, 1888; S. ad é, De Boeotiae titulorum dialecto, Halle, 1906. См. также статью Ф. Солмсенана о фессалийском диалекте (F. Solmsen, Thessalios et Pelasgioties, «Rheinisches Museum für Philologie», N. F., Bd. LVIII, Heft 4, Frankfurt a. M., 1903, стр. 598—623) и его дополнения к исследованию Сада (там же, Bd. 59, стр. 481 и сл.); см. его же, Zur griechischen Verbalflexion, «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», Bd. XXXIX, N. F., Bd. XIX, Heft 2, Gütersloh, 1904, стр. 213 и сл.

¹⁴ Это ясно и из самого содержания его последних работ (появившихся после «Vorgriechische Sprachwissenschaft»), и из библиографии и ссылок в «Проблемах минойского языка», где указаны только обобщающие труды, написанные для неспециалистов и значительно уже устаревшие (например, книга Пендльберга). Ранее Вл. Георгиев недостаточно критически относился к односторонним выводам археолога Хертля.

¹⁵ А. И. Тюменев, К вопросу об этногенезе греческого народа, «Вестник древней истории», М., 1953, № 4, стр. 19—46. См. особенно стр. 23—25 и 31—32.

(но индоевропейских) дублетов: заимств. *τύραννος* — эол. *χάρωνος* (аттич. *χάρωνος*), заимств. *τύς* — *ύς* и т. п., а также (еще в довоенных работах) ряд заимствованных слов, обнаруживающих ту же фонетику (*τύρσις*, *πυργός*, *βύρσα* и т. д.) и не имеющих собственно греческих дублетов¹⁶.

Выявление приведенных фактов давно уже признано заслугой Вл. Георгиева, но толкование их как «догреческих» общепризнанным не стало. Укажем также, что те семь фонетических черт, которые приводились в статье «État actuel des recherches...», никак не связаны с чертами, указанными в книге «Le déchiffrement...», и не находят себе никакого подтверждения в фонетике расшифрованных минойских слов. Одновременно следует отметить, что эти слова частично связаны с предполагаемой фонетической характеристикой тех «иллирийских» или «иллиро-венетских» языков, о которых говорилось выше и элементы которых могли попасть в Грецию именно в XIII—XI вв. до н. э. Но тогда встает вопрос: причем здесь догреческий («пеласгический») язык (*langue préhellénique*)? Кроме того, древнегреческому языку ни одна из фонетических черт, приведенных в статье «État actuel des recherches...», не свойственна; не свойственны она даже критскому диалекту, фонетика которого, как следует предполагать, испытала наибольшее воздействие минойского субстрата. Это следует иметь в виду в дальнейшем при анализе совершенно новых утверждений Вл. Георгиева, выдвинутых им впервые в рецензируемой книге, — утверждений о большой близости «догреческого» индоевропейского языка к древнегреческому, к его аркадско-кипрскому и критскому диалектам (кстати сказать, очень далеким друг от друга).

С другой стороны, и признаки, выявленные на основе расшифровки минойских слов и приведенные в книге «Le déchiffrement...», не позволяют считать эти слова словами греческого языка, так как во всех древнегреческих диалектах: 1) сохранилось конечное *s*, а конечное и.-е. **m* давало *n*; 2) дифтонги сохранились очень долго (еще в классический период, а некоторые — вплоть до новогреческого языка); 3) названные группы согласных сохранились (кроме критского диалекта); 4) в начале слова происходило иное упрощение групп согласных (например: *sm > m*, *pt > p* и т. д.), а эпентетические гласные возникали как раз перед одиночными согласными [ср. лат. *dens* — греч. *δένος* (*δένον*-); лат. *liber* — греч. *ἐλευθέρος*; лат. *centum* — греч. *κατόν* и т. п.].

При этих условиях близость фонетического строя древнегреческого языка к минойскому могла сводиться только к тем явлениям, которые были унаследованы обоими языками от языка-основы без изменений.

Появляется в рецензируемой книге (стр. 14—15) и новая точка зрения, которая кажется нам внутренне противоречивой. С одной стороны, минойский язык Вл. Георгиев относит к группе «эгейско-малоазийских» индоевропейских языков, хотя ни одной черты, характерной, например, для хеттского (неситского) языка (например, сохранения ларингальной, перехода *s* в *š*, перехода в определенных случаях *t* в *z*, *e* в *a*, чередования *e*: *a* и т. д.), в нем не отмечается¹⁷. С другой стороны, Вл. Георгиев пишет: «Догреческий язык оказал большое влияние на греческий. Следовательно, минойский язык очень похож на греческий не только потому, что оба языка принадлежат к индоевропейской группе и засвидетельствованы еще в глубокой древности, но особенно в связи с тем, что греческий язык по причине оказанного на него влияния значительно приблизился к догреческому» (стр. 14). После того как указано, что в минойском и греческом совершенно различна судьба индоевропейских лабволярных *k^u*, *g^u*, *gh^u* (в минойском они во всяком случае делабиализовались, а может быть, затем *g^u*, *gh^u* подверглись оглушению), говорится: «Однако это обстоятельство не исключает возможности, что микенское население континентальной Греции говорило на греческом языке. Прежде всего, письменным языком мог быть минойский, несмотря на то, что большинство местных жителей (коренных или пришлых) — В. Г.) говорило по-гречески. Кроме того, можно допустить, что микенские надписи написаны на старинном (?) греческом диалекте, содержащем весьма значительный догреческий субстрат. Наконец, можно даже предположить, что и киосские надписи XV века написаны на том же старинном греческом (критском) диалекте» (стр. 15).

¹⁶ Некоторые дублеты, выдвинувшиеся Вл. Георгиевым в 30-х годах, менее ясны семантически и иногда осложняются еще различием словообразовательных элементов, что требует дополнительного сравнительно-исторического анализа, например: *ἀρχω* «управляю» — *ἀρξίω* «удерживаю»; *χαλινός* «уздечка» — *καλώς* «канат»; *ταμίς* «домшриватель» — *δῶμος* «дом»; *ἔλπος* «масло» (у Гесихия) — *ἔλφος* и т. д. Иногда негреческий характер слова выводился Вл. Георгиевым из сопоставления с другими языками, например: *μάχομαι* — лат. *mactō*; *παρθένος* — арм. *harsn* (из и.-е. **por-ken*; в словаре Бузака: *παρ-θένος* из и.-е. *g^uhen*; ср. *εὐ-θένη-εια*) и т. п.

¹⁷ Мы не говорим об отсутствии в хеттском языке четкого противопоставления глухих и звонких, простых и придыхательных согласных, так как это явление может быть отнесено, как и в кипрском диалекте греческого языка, только к графике.

Следовательно, от прежней точки зрения, которой Вл. Георгиев придерживался до 1949 г., он решительно отказывается и допускает, что греки и греческий язык были в Греции и до «дорийского вторжения» и ахейцы были греками. Этот отказ следует только приветствовать; но на каком основании можно предполагать, что вся Греция говорила на критском диалекте (т. е. с сильными мийскими субстратами), если потом следы этого «весьма значительного» субстрата (в фонетике) исчезли как в доризованных, так и во всех других диалектах континента. Позже, в период письменных памятников, одному только критскому диалекту свойственны (кроме общедорийских черт) такие явления, как переход $\epsilon\upsilon$ в $\omicron\upsilon$, ρ в λ , λ в ν , различные явления метатезы, отсутствия диссимилляции (99, 88 и т. п.), отсутствия деваспирации (например: $\Phi\iota\theta\eta\mu\iota$). Все эти особенности вытекают из сложных местных условий взаимодействия греческих диалектов с догреческим языком (вернее, языками) и наславания дорийского диалекта на ранее распространенный здесь ахейский диалект («аркадско-кипрского» типа), особенности которого, не свойственные другим дорийским говорам (например, сохранение группы $\nu\epsilon\varsigma$), отмечаются и на Крите. Развитие этих особенностей, определяемое двойным взаимодействием субстратов (догреческого по отношению к ахейскому в XIV—XII вв. до н. э. и осложненного ахейского по отношению к дорийскому в самом конце I тысячелетия до н. э.), в значительной степени выяснено в работах Р. Мейстера, А. Тумба, Эд. Швицера и др.¹⁸ Оно вызвано сложностью процессов этнических скреплений на острове и устойчивостью отдельных языков и диалектов, продолжавших обособленное существование, что отмечено знаменитым местом о Крите в «Одиссее» (XIX, 172—177), известным и Вл. Георгиеву¹⁹, в котором утверждается существование там пяти народностей (ахейцев, этеокритян, кидонов, дорийцев, пеласгов)²⁰. Сходные сложные условия наблюдались в отдельных случаях и в других местах Греции, например в Элиде, где, несмотря на раннее вторжение северо-западных греческих племен из Этолии, ахейский языковой элемент (особенно на юге, в Трифилии) оказался настолько устойчивым, в частности в словоизменительных аффиксах²¹, что долгое время элидский диалект причисляли не к дорийской группе, а к эолийской, несмотря на ряд общедорийских черт ($\tau\iota$ вместо $\sigma\iota$, $\sigma\iota$ вместо $\omicron\iota$ и т. п.) и черт сходства именно с лаковским говором²².

Процессы образования древнегреческих диалектов на протяжении огромного промежутка времени (от середины II до начала I тысячелетия до н. э.) исключительно сложны и запутаны, но наука давно уже начала здесь кое-что распутовывать. Картина, нарисованная в «Археологическом» Фукидида (если исключить его наивную веру в реальность греко-тройской войны), находит себе во многом подтверждение в современной лингвистической и археологической науке и в историческом анализе греческих мифов, культов, мифологических родословных и топонимии²³. Соотношение отдельных древнегреческих диалектов в части их греческой основы, ввиду победившей в процессе скрепления, в значительной степени уже установлено наукой. На очереди стоит задача выяснения различных слоев негреческих индоевропейских элементов в

¹⁸ См. в особенности: R. Meister, Dorer und Achäer, Teil I («Abhandlungen der phil.-hist. Klasse der k. sächs. Gesellschaft der Wissenschaften», Bd. XXIV, № 3), Leipzig, 1904; A. Thumb, Griechische Dialektforschung und Stammesgeschichte, «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum», Bd. XV, Leipzig, 1905, стр. 385—399. Ср. также рец. Ш в и ц е р а на кн. Мейстера («Indogermanische Forschungen», Bd. XVIII, стр. 46—51).

¹⁹ Ср.: В. Георгиев, Le déchiffrement des inscriptions minoennes, стр. 44; ег о же, История Эгейского мира..., «Вестник древней истории», М.—Л., 1950, № 4, стр. 67—68.

²⁰ Если даже допускать, что первоначальный текст «Одиссея» относится ко времени до дорийского вторжения на Крит и в нем упоминалось лишь о трех народностях, а стих 177-й о дорьянах и пеласгах (с новым типом противопоставления при помощи частицы $\tau\epsilon$) интерполирован поздним редактором, знавшим только дорян, уже слившихся с ахейцами, и обособленную массу негреческого населения, всюду получившего уже название «пеласгов» независимо от своего происхождения, — все равно факт долгого этнического обособления подтверждается.

²¹ Окончание $-\mu\epsilon\upsilon\varsigma$ (из $*-\mu\eta\varsigma$) в исторических временах медуопассива; дат. падеж мн.ч. числа на $-\epsilon\sigma\iota$ и многое другое, а также конъюнктивы с $-\tilde{\alpha}$ (вместо $-\eta$), наличие атематических форм, соответствующих аттическим $\nu\epsilon\rho\beta\alpha$ contracta и т. л.

²² Некоторые черты элидского диалекта (например, переход исконного общегреч. $\tilde{\epsilon}$ в $\tilde{\alpha}$: $\Phi\rho\tilde{\alpha}\tau\rho\tilde{\alpha} = \rho\tilde{\alpha}\tau\rho\tilde{\alpha}$) объясняют как «иллиризм». См. Н. Крахе, Illyrisches, «Glotta», Bd. XXII, Göttingen, 1933, стр. 122—127.

²³ См. в особенности работы: М. Р. Nilsson, The Mycenaean origin of Greek mythology, Berkeley, California, 1932 и J. L. Myers, Who were the Greeks? Berkeley, California, 1930. См. также отчасти С. Thomson, Studies in ancient Greek society, 1949 и нашу рецензию на эту книгу («Вестник древней истории», М.—Л., 1950, № 4, стр. 106—113).

древнегреческом языке и хронологизация этих слоев, а также проблема отношения общегреческих языковых черт (особенно в лексике) к другим индоевропейским языкам (процесс сложения общегреческого языка-основы) в соотношении с развитием археологических культур придунайских областей, северной части Балканского полуострова, Македонии, Фессалии и Эпира.

Вл. Георгиев, даже отказавшись от своего невероятного предположения, что греки в больших массах появились на юге Балканского полуострова только в процессе «дорийского вторжения», а небольшими группами участвовали уже в «тройанской войне» (в которую болгарский ученый верит так же упорно, как Фукидид)²⁴, и теперь еще, с одной стороны, представляет себе все эти процессы крайне упрощенно и схематически (ср. приведенные выше цитаты), а с другой стороны, преувеличивает неразработанность этих вопросов в науке, заходя иногда слишком далеко в своем отрицании положительных результатов предыдущих исследований, допуская (пусть даже ошибочно), что создатели минойской культуры не были индоевропейцами по языку (ср. обзор этих исследований в первом томе «Vorgriechische Sprachwissenschaft»).

Существенным недочетом рецензируемой книги является и показанное нами выше на конкретных примерах не вполне точное представление об особенностях отдельных древнегреческих диалектов. Только в результате такого неточного представления могло возникнуть следующее утверждение: «Чтобы понять критско-микенские надписи, мы должны использовать особенности критского и аркадско-кипрского диалектов» (стр. 15). Мы еще раз повторяем, что критский диалект в том виде, в каком мы его знаем по надписям, начиная с VIII в. до н. э., сложился в результате сложного развития (на ахейском субстрате) лишь после захвата Крита дорийцами, который мог иметь место не раньше XI в. до н. э. (а может быть, и значительно позже). Что же касается аркадско-кипрского (ахейского в своей основе) диалекта, то и мы полагаем, что его данные могли бы нам помочь в чтении и толковании надписей линейным письмом Б на коинтенте (и даже на Крите, но не ранее XIV в. до н. э.), если это письмо действительно применялось ахейцами-греками (не «ахейцами-данайцами», говорившими якобы на языке группы «*satem*», близком к иероглифическому хеттскому и филистимскому²⁵) к греческому языку. Что отдельные случаи такого применения были, показывает Асинская надпись на сосуде, датированная XI в. до н. э. и блестяще расшифрованная при помощи того же метода, которым пользуется и Вл. Георгиев, А. Перссоном и Ив. Линдквистом²⁶. В этой надписи перечисляются нереиды Лимнория, Ианасса, Кимб вместе с Посейдоном что представляет совпадение с гомеровским текстом («Илиада», XVIII, 39—49), где нереиды утаивают свою сестру Гетиду. В последней строке надписи читается: $\beta\rho\iota$

²⁴ См. Vl. Georgiev, указ. соч., стр. 65—66. Мы не можем останавливаться здесь на этом важном и для предмета исследований Вл. Георгиева вопросе. Укажем в самой общей форме, что археология ясно показывает нам такое ослабление ахейского союза уже во второй половине XIII в. до н. э. (утрача господства на море вследствие появления «морских народов» и начало сухопутных вторжений с севера, для чего всюду возводятся укрепления, расширяются площади крепостей, строятся зернохранилища для осады), что ни о какой о б ъ е д и н е н о й заморской экспедиции нельзя было и думать. Распад внутренних экономических и политических связей даже внутри Пелопоннеса ясен из того, что почти полное единство керамического стиля в первой половине XIII в. до н. э. сменяется уже с середины века широким развитием местных стилей. Некоторые археологи подчеркивают, что начало политического распада ахейского союза с середины XIII в. до н. э. явствует также из того, что при беспорядочном спешном укреплении отдельных центров не проводилось никаких оборонительных мероприятий общегреческого значения (укрепление Истма, горных проходов).

²⁵ Спор о «*satem*» характере иероглифического хеттского языка и его отношении к клинописному хеттскому перерос в теоретический спор о значении отдельных изгослов для решения вопроса о степени родства языков, что имеет значение и для проблемы отношения древнегреческого языка к тем языкам, которые Вл. Георгиев называет «эгео-азиатскими». См. полемику по этому вопросу с участием Дж. Бонфанте, И. Гельба, А. Герге и В. М. Остина в журналах «Journal of American Oriental Society» и «American Journal of Philology», 1944—1946 гг.

²⁶ См.: A. W. Persson, Die spätmykenische Inschrift aus Asine, «Corolla archaeologica» («Skrifter utgivna av Svenska Institutet i Rom»), II, Lund, 1932, стр. 208—215; е r o ж e, Schrift und Sprache in Alt-Kreta, Uppsala, 1930; J. Lindqvist, A propos d'une inscription de la fin de la période mycénienne, «Humanistiska Vetenskapssamfundet.—Årsberättelse», Lund, 1930—1931, стр. 111—128. Работы Перссона и Линдквиста упоминаются Вл. Георгиевым в «Vorgriechische Sprachwissenschaft» (т. I, стр. 43—44), но никакого решающего значения показаниям Асинской надписи он, повидимому, не придает. Остается поэтому неясным, согласен ли Вл. Георгиев с расшифровкой и признает ли он текст Асинской надписи греческим или нет.

ἔθηκε με τις (или μῆκος), т. е. «вам поставил меня (т. е. сосуд), изготовив (бухвально: «изготовил»)», а предпоследняя строка является гекзаметром (ΠαΓάνασα τε καὶ ΚυρῆΡα ΠοτοῖδαΡουῶς ἐστὶ), который не мог не существовать уже в микенскую эпоху, и дает нам форму ἐστὶ, из которой закономерно (с заменительным растяжением) развилась классическая форма ἐστὶ. Это — настоящий греческий язык, не обнаруживающий никакого-либо воздействия мийской субстрата в своей фонетике. И существовал он в Арголиде, в главном очаге микенской культуры, до вторжения туда дорийцев.

Когда Блеген накануне второй мировой войны открыл в Пилосе (в Мессении, где, как мы указывали выше, ахейцы держались, повидному, очень долго) огромное количество табличек с надписями линейным письмом Б, можно было, исходя из чтения Асинской надписи, рассчитывать, что расшифровка даст нам греческие тексты приблизительно такой же давности или хотя бы (если тексты относятся к более позднему времени, X — VIII вв. до н. э.) пополнит наши сведения о континентальном ахейском диалекте, сохранившем лишь в очень поздних надписях Аркадии. Однако надежды эти, повидному, не оправдаются. Во всяком случае, текст пилосской надписи Sn 14, расшифровка и чтение которой составляет содержание четвертой главы рецензируемой книги, дает нам не греческий, а иной индоевропейский язык, характеризующийся теми фонетическими соответствиями, которые Вл. Георгиев устанавливает между «минойским» и древнегреческими языками (*Vakena* — Ἰλακος; *Atemake* — Ἀντιμαχος; *tavetina* — δαῖδων; *deruva* — δῆρως; *akusape* — ἄχουσα и др.). Какие из этого следует сделать выводы — пока сказать трудно. Уточнение дат закрепления ахейцев-греков в Мессении остается проблемой, которую должны совместно разрабатывать лингвисты и археологи на основе согласования факта негреческого характера пилосских текстов с выяснившейся уже при раскопках в районе горного плато Мальты (предполагаемое место гомеровского Дорiona. Ср. «Илиада», II, 594) стратиграфией археологических «культур» бронзового века в Мессении²⁷. Возможно, однако, и то, что в этой (северо-западной) части Мессении, ограниченной горными кряжами, сохранялось и в микенский период негреческое население, не связанное с Пилосом²⁸.

Убедительным и обоснованным мы считаем установление Вл. Георгиевым большого числа идеограмм, сохранившихся в слоговом линейном мийском письме, хотя, конечно, отдельные исправления могут в дальнейшем иметь место. Мы согласны, что эти идеограммы «значительно облегчают интерпретацию мийских надписей» (стр. 26), но лишь со стороны содержания, что очень важно для историков, но ничего не дает лингвистам. Аналогичное положение мы находим, например, и в хеттской клинописи. Таким образом, нет надежды узнать, как звучал ряд слов, принадлежавших к основному словарному фонду мийского языка: «мужчина», «женщина», «бык» (корова), «мелький скот» (греч. μῆλον), «свинья»²⁹, «лошадь», «ячмень», «пшеница», «полба» (греч. ζεῖα — единственный злак, название которого в европейских языках имеет индо-иранские соответствия), «шафран», «мак», «кинжал», «кнут», «весы» и др. А многие из этих слов играли важную роль в установлении и уточнении генетических связей между индоевропейскими языками. Лишь в некоторых случаях Вл. Георгиев этикетически (по принципу акрофонии) восстанавливает звучание слова, обозначавшегося идеограммой (*tu* — «вино», но и «фига», *de* — «колесо», *pa* — «белый») ³⁰.

Свой лингвистический анализ Вл. Георгиев начинает с анализа собственных имен — имен божеств и географических названий, чаще всего встречающихся в мийских текстах, которые в огромной своей части представляют собою посвятельные (вотивные) надписи. Он устанавливает существование женского божества «земля-мать», которое обозначалось звуковым комплексом *Tako*, именным формы *Takune*, *Takona*, *Okune*, *Tukuna*, *Tikonalo* и т. д. Ближайшее соответствие этому слову мы находим в хеттском *tekan* (род, падеж *tagnās*) «земля». Вл. Георгиев возводит «минойское» и хеттское слово вместе с др.-греч. χθών и фригийск. ἄδα «земля» к индоевропейскому корню **dhēghōm* с чередованием коренного гласного ē:ə: нуль, отраженным в различных формах мийского слова, где аблаут еще имел функцию словоизменения.

²⁷ См. M. N. Valmin, The Swedish Messenia expedition [(«Skrifter utgivna av kongl. Humanistiska Vetenskapssamfundet i Lund», XXVI), Lund, 1938] и подробное изложение этой книги в статье Б. Богаевского «Мальта-Дордон (Поселение эгейского периода в западной Мессении)», («Вестник древней истории», М., 1939, № 4, стр. 125—133). Объяснение смены пяти культурных периодов в Дордоне самим Вальмином научно несостоятельно, так как предполагает появление «греков» в Пелопоннесе уже в неолитическую эпоху.

²⁸ Об особенностях ареала распространения микенской культуры в Мессении см. М. Р. Nilsson, указ. соч., стр. 79—86.

²⁹ Раньше Вл. Георгиев, исходя из перехода начального и.е. *s в придыхание в греческом языке, считал «догреческим» слово σῶς, в противоположность собственному греческому дублету ῥς.

³⁰ См. Вл. Георгиев, Происхождение алфавита.

В др.-греч. $\chi\theta\acute{o}\nu$ мы имеем нулевую ступень чередования с метатезой (* $\theta h\acute{a}h\acute{o}m$). Эта же нулевая ступень присутствует, по мнению Вл. Георгиева, в первой части имени Δημήτηρ, если древнейшими считать эолийские формы Δαμμάτηρ, Δωμάτηρ. Очевидно, здесь надо видеть упрощение * $\theta h\acute{a}h$ в * dh , и Δαμμάτηρ считать негреческим дублетом к Γῆ μήτηρ, Γαῖα μήτηρ, заимствованном из языка, где и.е. * dh дало d . Но всего этого автор не говорит, и поэтому его изложение остается не вполне ясным. Таких неясностей на протяжении всей книги немало.

Минойской *Warūna*, точно соответствующему древнеиндийскому *Varuṇa* «бог ночного неба», соответствует др.-греч. *Οὐρανός*; словам *Patena*, *Patana* — др.-греч. *πότινα*. Сходство в этих двух случаях бесспорно. Бесспорно также соответствие *Pulana*, *Pulane* — *Ἀ'πόλλων*, поскольку оно подтверждается ликийским *Pulen*, а ликийское происхождение Аполлона давно уже установлено на основании самых разнообразных фактов. Более сомнительно сходство там, где греческими соответствиями являются имена второстепенных божеств, не игравших никакой роли в культе, например *Atēto* — *Ἀνθήδω* «имя греческой нимфы» (в комедиях *aitūū p'hanētūū* Вл. Георгиев видит формы того же слова). Но ведь нимфа Анфедо во всей древнегреческой письменности упоминается всего один раз у Павсания (IX, 22, 5) как эпоним беотийского города Анфедона на Эвритии, упоминаемого уже в «Илиаде» (II, 508). Может быть, возникновение города и его название и относится к микенскому времени (археологически это пока не подтверждено)²¹, но нимфа-то могла появиться только в позднем этиологическом мифе, характерном для эпохи эллинизма. Такие сопоставления могут только подорвать доверие к эвритическим приемам автора, дать основание понимать их как стремление во что бы то ни стало отыскать как ое и и б у д ь греческое соответствие.

Случай с нимфой города Анфедона далеко не единственный. Непосредственно за ним (стр. 26) следует сопоставление слов *Rotūne*, *Rotū* — с греч. *Ῥοδίη* от *Ῥοδῖος* «розовый», «из роз», с эпитетом Афродиты *Ῥοδέη* и даже с homerovским постоянным эпитетом Эос *Ῥοδοδάκτυλος* «розоперстая». Далее же слова *Papee*, *Pape*, *Papera* сопоставляются с эпитетом Афродиты — *Παφία*, который, как известно, происходит от названия города Пафа (Πάφος) на Кипре, где, по мифу, Афродита родилась из пены морской (позднегреческий эвфемизм, почему она называется также Кипридой (*Κυπρίς*). Слово *Ῥόδον* «роза» — негреческое. А. Мейе включает его и лат. *rosa* вместе с *oleus* — *Ῥοῖτις* и *oleum* — *oleum* в число слов, заимствованных из «средиземноморского субстрата» (неиндоевропейского в его понимании) самостоятельно несколькими индоевропейскими языками. Возможно, что оно является минойским и что *Rotūne*, *Rotū* — с ним связаны, а следовательно, и первая часть эпитета *Ῥοδοδάκτυλος* восходит к тому же корню. Но из этого никак не следует, что приложение к Афродите эпитета *Ῥοδέη* дает нам основание находить самое Афродиту в догреческом эгейском мире. Многими десятками исследований по мифологии и истории религии доказано восточное происхождение этого греческого божества, представляющего собою разновидность переднеазиатской Иштары, возникшую относительно поздно именно в районе Сирийского побережья и Кипра и оттуда пришедшую в Грецию. Паф на Кипре и был сделан в мифе местом чудесного рождения Афродиты, так как был, очевидно, древнейшим местом ее культа, а сделан тогда, когда минойская культура и ее линейное письмо уже прекратили свое существование. Поэтому и *Papee* нельзя никак связывать с Афродитой. Скорее всего и *Rotūne* (в 28 текстах), и *Papee* (в 24 текстах) обозначали какие-то популярные на Крите божества, которые может быть и были восприняты греками, но слились с другими и приняли их имена, как это часто случается в истории усвоения чужих культов и как это много раз имело место у греков и римлян (ср. судьбу греческих богов в Италии, египетских и малоазиатских — в эллинистических государствах и в Римской империи, наконец, судьбу самого диктейского Зевса, получившего индоевропейское имя).

Совершенно иное дело — сопоставление минойского *Tūrana* с этрусской Туран (стр. 27), действительно соответствующей Афродите, но не являющейся ее разновидностью. Образ божества Туран был распространен во всем Средиземноморье, соответствуя переднеазиатской Иштары и через нее Афродите, но не будучи тождественным им. Только фантазия Н. Я. Марра могла всюду и везде (вплоть до «романов круглого стола») видеть о д н у и т у же «богиню любви матриархальной Афревазии». Божество любви было, конечно, и в минойском мире до появления в нем восточной по своим корням, но созданной только греками и Афродиты, и связывать его с Туран, наверно принесенной этрусками со своей лидийской родины, есть все основания. Вот почему из трех сопоставлений Вл. Георгиева, связанных с Афродитой, мы должны отвергнуть первые два, но можем принять третье. Чисто лингвистический анализ имел, не выходящий за пределы их звуковой формы, не может дать ничего ценного, если ой

²¹ Раньше сам Вл. Георгиев объяснял название этого города иначе — как сложение $\alpha\nu\theta\eta$ «цветы» и $\delta\omega\nu$ (ср. иранск. *don*, *dan* «река, вода»). (Vl. Georgiev, «Vorgriechische Sprachwissenschaft», Lief. 2, 1945, стр. 217.)

не будет подкреплён надёжными данными истории культуры. Вл. Георгиев, к сожалению, не всегда идет по этому пути и тем самым снижает значение своих замечательных исследований.³²

Необходимо добавить еще, что и общий тезис (высказанный Вл. Георгиевым с исключительной категоричностью в 1941 г.) о том, что в Греции и н и к о г д а не было неиндоевропейского по языку населения³³, основан на полном игнорировании историко-археологических данных. Поскольку в рецензируемой книге нигде нет отказа от этого тезиса, этот вопрос нельзя и здесь обойти молчанием. Если «минойский» язык — индоевропейский, то, следовательно, он должен был быть когда-то и кем-то п р и н е с е н в Грецию, как одно из наиболее ранних «ответвлений» индоевропейского языка-основы. Никаких решительно данных для включения Греции в район формирования самой индоевропейской языковой общности у нас нет. Как бы далеко в глубь времен и как бы далеко на юг и на запад ни захотели мы отнести время и место образования этой языковой общности, мы все равно не можем идти дальше раннего неолита по времени и дальше придунайских стран по территории. Между тем р а н н и й неолит Греции не обнаруживает никаких связей с культурами придунайских областей и Средней Европы, а тяготеет исключительно к восточному Средиземноморью. Связи с придунайскими областями появляются лишь в позднелихитических культурах Фессалии, связанных с культурами Македонии, через которую только и могло появиться новое население в Греции. Допустим, что оно было уже индоевропейским (или «протоиндоевропейским») по языку, хотя доказательств для этого утверждения у нас, конечно, нет. Все равно это новое население должно было «наслониться» на автохтонов и, следовательно, в его языке м о г л и быть следы неиндоевропейского субстрата. Этого факта Вл. Георгиеву никогда не удастся опровергнуть.

Попыткой его опровержения является глава 5 работы Вл. Георгиева «Vorgriechische Sprachwissenschaft». В рецензируемой книге он, повидимому, ни от одного из своих положений 1941 г. не отказывается. Между тем опровергался там по существу только концепция немецких националистически настроенных археологов и лингвистов, помещавших «индоевропейскую прародину» в северной Германии, отождествлявших «индоевропейцев» эпохи начального их расселения с носителями культур «шнуровой керамики» и считавших носителей культур «линейно-ленточной керамики» неиндоевропейцами. Эти «теории» действительно не выдерживают научной критики, но из их несостоятельности еще ничего не следует.

Наши критические замечания нисколько не умаляют значения выдающихся исследований Вл. Георгиева. Наука не может развиваться непрерывно по прямой восходящей линии. Любые искания связаны с отдельными ошибками, но именно эти искания и двигают науку вперед. Наличие индоевропейских черт в языке блестяще расшифрованных минойских текстов так же бесспорно, как бесспорны эти черты в лидийском и, в меньшей степени, в лидийском языках. И, хотя Вл. Георгиев делает из этого общие выводы, которые многим (в том числе и нам) кажутся преждевременными, мы обязаны, даже не соглашаясь с ними, пересмотреть в их свете как основные вопросы общиндоевропейского языкознания, так и вопросы, касающиеся древнейшего этапа развития индоевропейских племенных диалектов, из которых во II тысячелетии до н. э. сложился древнегреческий язык.

Б. В. Горнунг

³² Не совсем ясно также, почему со словом *Türana* связывается и *túrannos* (стр. 27), когда сам Вл. Георгиев определил это слово как негреческое соответствие греческому (эолийск.) *χάρανος*. Ведь тогда надо дать слову *Türana* толкование «властительница» и такое же толкование дать этрусской *Turan*. Но можно ли это обосновать?

³³ V l . G e o r g i e v , Vorgriechische Sprachwissenschaft, Lief. 1, 1941, стр. 59.

А. В. Федоров. Введение в теорию перевода.—М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1953. 336 стр.

Несмотря на то, что прошло уже более десяти лет с тех пор, как перевод стал самостоятельным предметом вузовского преподавания, у нас еще нет разработанной теории перевода, а практические пособия по этой дисциплине насчитываются единицами и носят узкий характер¹. Больше того, под сомнение ставится иногда правдивость самого существования науки перевода: в 1952 г. на страницах журнала «Иностранные языки в школе» можно было прочитать, что «практика перевода может пользоваться услугами многих наук, но собственной науки иметь не может»².

Книга А. В. Федорова «Введение в теорию перевода», принятая Министерством культуры в качестве учебника для институтов иностранных языков, — опыт обоснования именно «науки о переводе», общей теории перевода.

«Теория перевода, как специальная отрасль филологической науки, является дисциплиной лингвистической прежде всего» (стр. 14)³ — таково исходное положение А. В. Федорова. Оно уточняется: «...в ряде случаев она (теория перевода.— Н. Ф.) весьма близко соприкасается с литературоведением — историей и теорией литературы... и с историей тех народов, языки которых она затрагивает. Советская теория перевода опирается на философию диалектического материализма, в свете которой только и может быть правильно решен вопрос об отношении языка к мышлению. Но тесная связь теории перевода с этими науками не меняет ее специфики, как дисциплины лингвистической» (там же). И дальше: «В системе лингвистических наук теория перевода связана, с одной стороны, с общим языкознанием... с другой же стороны, — с лексикологией, теоретической и практической грамматикой, стилистикой, историей отдельных конкретных языков..., откуда она черпает и факты и выводы, касающиеся тех особенностей строя данных языков, о соответствиях которых в другом языке идет речь при переводе. Спецификой теории перевода, в отличие от названных лингвистических дисциплин, является: 1) постоянное соотношение фактов и делых комплексов фактов в плоскости двух языков, двуязычный характер исследования и 2) комплексный подход к явлениям языка, взятым в их взаимодействии» (стр. 17).

Эти положения, являющиеся основными для автора рецензируемой книги, представляются нам правильными как теоретические основы перевода любого типа, независимо от жанровых особенностей переводимого материала, другими словами — как обоснование того, что является технологией перевода.

Подход к переводу прежде всего со стороны лингвистической обосновывается тем, что вопрос о возможности языкового «перевыражения», т. е. о переводимости, представляет собой «принципиальнейший вопрос всей теории перевода», как справедливо оценивает его А. В. Федоров, а этот вопрос не может быть разрешен без участия лингвистики. Всестороннему обоснованию положительного разрешения вопроса переводимости в книге посвящается специальная глава. В ней дается такое определение понятия верного перевода: «Полноценность перевода означает исчерпывающую точность в передаче смыслового содержания подлинника и полное функционально-стилистическое соответствие ему» (стр. 114). Следует, однако, сказать, что если бы эта формулировка не наполнялась в последующих главах конкретным содержанием, она вышла бы в воздух: к точности, к верности стремились переводчики всех времен и народов, но менялось содержание этих понятий, менялось представление о соотношении содержания и формы, мысли и ее языкового выражения. Различные взгляды на перевод характеризуются в трех главах книги: во второй главе — в очерке истории вопроса, в третьей — в анализе высказываний о переводе и некоторых переводческих приемах классиков марксизма, в четвертой — в обзоре вопроса о переводе в советской литературе. Материал этих глав убедительно показывает, что свое конкретное содержание такие понятия, как «верность», «точность» перевода и т. п., приобретают только тогда, когда выяснено, как понимается соотношение между «смыслом», «выражением» и языком, между содержанием и формой и при этом что именно понимается под формой. Именно лингвистика призвана научно определить, что

¹ Таковы: А. В. Федоров, Теория и практика перевода немецкой научной и технической литературы на русский язык, М., Гос. центр. ин-т заоч. обучения языкам, 1937—1941; М. Морозов, Техника перевода научной и технической литературы с английского языка на русский, М., Гос. центр. ин-т заоч. обучения языкам, 1932—1941; Л. Н. Соболев, Пособие по переводу с русского языка на французский, М., 1952. В области научно-теоретической следует отметить ряд статей по отдельным вопросам в сб. «Вопросы теории и методики учебного перевода», М., Изд-во АПН РСФСР, 1950 (далее всюду принимаем сокращение: сб. «Теория и методика»).

² А. А. Реформатский, Лингвистические вопросы перевода, «Иностр. языки в школе», М., 1952, № 6, стр. 12.

³ Здесь и в дальнейшем в тексте в скобках даны ссылки на страницы рецензируемой работы А. В. Федорова.

составляет индивидуальную форму текста, неразрывно слитую с его содержанием, и что относится к языковому материалу, несущему общий характер. О таком верном понимании вопроса А. В. Федоровым говорит вышеприведенная его формулировка о функционально-стилистических соответствиях подлиннику как об обязательном признаке полноценного перевода (см. об этом также на стр. 18).

Определяя конкретное содержание теории перевода как лингвистической дисциплины, А. В. Федоров выдвигает положение о том, что общая теория перевода, «задачей которой является обобщение и систематизация выводов из наблюдений над частными конкретными фактами перевода и установление закономерностей, существующих в соотношении между различными языками и важных для переводческой работы» (стр. 16), предполагает существование и частных теорий перевода с одного определенного языка на другой. Нам кажется, что это не вполне верно. Общая теория перевода имеет определенный круг проблем, но то, что А. В. Федоров понимает под «частной теорией», может представлять собой только конкретизацию положений общей теории в плане соотношений двух определенных языков, а такая конкретизация сама по себе не превращает общей теории в самостоятельную частную. Сравнение с соотношением общего языкознания и грамматик отдельных языков здесь вряд ли уместно — проблемы общего языкознания не совпадают с проблемами грамматик, фонетики и т. д. отдельных языков. В связи с наличием особой проблематики, как языковой (главным образом, в плане стилистики), так и литературоведческой, «частной теорией» перевода может считаться теория перевода художественной литературы.

Содержание общей теории перевода А. В. Федоров определяет так: «а) изучение общих задач и условий работы над языком перевода в связи с требованиями, которые к переводу ставят язык, как средство общения... и его общенародная норма — независимо от жанровых особенностей переводимого материала, индивидуального стиля автора и т. п.; б) изучение задач и условий перевода в связи с жанровыми особенностями материала», а также «выявление общих принципов, по которым передается система выразительных средств индивидуального стиля писателя» и, наконец, разработка «принципов анализа отдельного перевода» (стр. 17).

Заметим, что в этой программе упущены вопросы, некоторые из которых А. В. Федоров сам рассматривает в своей книге, например, вопрос о переводимости. В частности, общая теория перевода не должна обходить вопроса о дословном переводе. К сожалению, А. В. Федоров не остановился на определении этого понятия (которое, конечно, нельзя смешивать с «дословностью» в литературном переводе). Дословный перевод, как особый вид перевода, на правах вспомогательного приема применяется в педагогической практике, он встречается в научных работах по грамматике, практически применяется иногда в процессе перевода специальных текстов⁴. Наконец, непосредственно с дословным переводом связан вопрос о характере подстрочного перевода художественного, в частности, поэтического текста (впрочем, поскольку такой перевод имеет ближайшее отношение к литературоведению, постольку его скорее следует рассматривать в пределах теории перевода художественной литературы).

Следовало бы также выделить как отдельную тему вопрос о видах переводных соответствий. В разделе «Обще-лексикологические вопросы перевода» А. В. Федоров говорит только о синонимах, понимая их в духе определения Б. В. Томашевского (стр. 134—135). Но такое понимание лишает термин «синоним» всякого лингвистического смысла. Теория перевода должна создавать свои термины, а не искажать значение терминов, относящихся к другим областям лингвистики. В статьях по теории перевода выдвигались специальные переводческие термины — «эквивалент», «субститут», «адекватная замена», «компенсация» и т. п.⁵, более точные в смысле функций в переводе и более емкие, чем «синоним», так как они могут быть распространены на элементы и

⁴ Определение дословного перевода в противопоставлении, с одной стороны, литературному, с другой — пословному (буквальному) содержится в статье И. В. Карпова «Психологическая характеристика процесса понимания и перевода учащимися иностранных текстов», сб. «Теория и методика», стр. 60.

⁵ Этому вопросу посвящена в сб. «Теория и методика» статья Я. И. Ренкера «О закономерных соответствиях при переводе на родной язык». Автор различает не два вида соответствий, в свое время выдвинутых А. А. Смирновым, — «эквивалент» и «субститут» (см. ст. «Перевод» в VIII т. «Литературной энциклопедии», стр. 527), а три: «эквивалент», «аналог» и «адекватные замены». Это деление, вернее, сами эти термины кажутся нам не совсем удачными. Уместнее было бы и по существу и для более отчетливого противопоставления третьей категории первым двум определить их как «эквиваленты постоянные» (фиксированные, стабильные) и «эквиваленты непостоянные» (контекстные, окказиональные), с одной стороны, и «замены» — с другой. Намеченное в этой статье подразделение «адекватных замен» на отдельные типы если и не вполне убедительно, то во всяком случае очень интересно и открывает перед теорией перевода одно из важных направлений дальнейшей работы.

лексики, и грамматики, и стиля, т. е. опираются на «комплексный подход к явлениям языка», на что как на специфику теории перевода указал сам А. В. Федоров.

Надо отметить в рецензируемой книге вполне правильное выдвигание — в качестве особой задачи — разработки принципов анализа отдельного перевода. Важность научного обоснования принципов этого анализа уже отмечалась раньше: «Разнообразие приемов и средств (перевода. — Н. Ф.) показывает, как важно уметь произвести анализ закономерных соответствий в выражении одной и той же мысли на разных языках для переводчика, который хочет понять не только то, как нужно переводить, но и по ч е м у так нужно переводить. Если переводчик-практик, привыкший полагаться на свою интуицию, еще может уклониться от ответа на второй вопрос, то вряд ли это уместно для преподавателя перевода в вузе или для студента старшего курса, овладевающего теорией и практикой перевода»⁶. А. В. Федоров не столько формулирует отвлеченно принципы такого анализа, сколько показывает многочисленные его образцы. Особый интерес представляет вдумчивый анализ отрывков сделанного под редакцией В. И. Ленина перевода произведений К. Маркса (стр. 241—246). Нельзя не заметить, что был бы очень интересен и анализ переводческих вариантов, которые автор, однако, приводит крайне скупо.

Вопросы изучения общих задач и условий работы над языком перевода А. В. Федоров рассматривает в двух разделах главы седьмой: 1) «Обще-лексикологические вопросы перевода» (стр. 120—158); 2) «Грамматические вопросы перевода» (стр. 158—195). Это представляется нам вполне оправданным.

Разрешение задач, которые вытекают из особенностей самого языкового материала, составляет собственно технику переводческого дела. Конечно, переводческая работа — это поиски средств выражения и сознательный отбор этих средств. Как пишет А. В. Федоров, «эти поиски и этот выбор имеют в любом случае т в о р ч е с к и й характер. Перевод же художественной литературы и литературы общественно-политической, а также научных произведений, отличающихся выразительностью языка, является и с к у с т в о м и требует литературного дарования» (стр. 12). Это значит, что в переводе, как и во всяком другом искусстве, техника должна быть подчинена творческим целям; но это не значит, что техники нет.

О существовании технической стороны во всяком переводе, в том числе и в художественном, у нас часто забывают. Так, далекий от лингвистики человек может думать, что, например, буквальная передача идиомы свидетельствует то ли о неправильной «теории» перевода, о формализме, то ли, наоборот, о похвальной точности, тогда как это просто языковая ошибка, т. е. техническая недоброкачественность перевода.

Начинающие переводчики, в частности учащиеся, как правило, не владеют техникой перевода. В сборнике «Теория и методика» на это обстоятельство с поразительным единодушием указывают чуть ли не все авторы⁷, и автор данной рецензии, на основании своего многолетнего опыта преподавания в вузе японского языка, вполне к ним присоединяется. Перевод требует определенного технического умения, которому надо обучать, и это обучение немалым без прочной лингвистической основы. Поэтому необходимо создание специальных систематических руководств по переводу с одного конкретного языка на другой. Такие руководства должны носить практический характер (в частности, должны включать раздел, касающийся понимания переводимого материала⁸), но они должны быть построены на научной основе, т. е. на базе общей теории перевода.

Что является общей причиной технической трудности перевода для начинающих переводчиков? То, что Б. А. Грифцов удачно определил как представление о «статическом параллелизме двух разных языков»⁹. Об этом пишут и авторы упомянутого сборника: «Учащиеся очень боятся „неточности“ в переводе и стараются втиснуть родной язык в грамматические нормы чужого языка. Переводить имя существительное с предлогом русским прилагательным (table de bois — деревянный стол...), глагол — отглагольным именем существительным и наоборот — кажется учащимся недопустимой вольностью, не говоря уже о порядке слов, который они свято стараются сохранить»¹⁰.

⁶ Я. И. Рецкер, указ. соч., стр. 183.

⁷ См. сб. «Теория и методика», стр. 64, 121, 142, 184, 198, 209.

⁸ О необходимости этого говорит ряд авторов сб. «Теория и методика», например Р. Ю. Барсуку в статье «Перевод с иностранного языка на родной как специальная дисциплина в языковых педагогических вузах» (в частности, на стр. 212). Интересно отметить, что Б. А. Грифцов — опытный редактор, много лет работавший с начинающими переводчиками, задумал свою, к сожалению неоконченную, книгу «Мастерская литературного перевода» именно в таком плане.

⁹ Б. А. Грифцов, Заметки по технике перевода, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 5, стр. 88.

¹⁰ И. К. Дыбовская, Из опыта преподавания французско-русского перевода в языковом вузе, сб. «Теория и методика», стр. 202.

Этот «папный буквализм», пережитки которого держатся у некоторых переводчиков довольно долго, должен быть преодолен прежде всего в теории — лингвистически, установлением тех требований к переводу, которые вытекают из наличия у каждого из двух сопоставляемых языков своей лексики и своего грамматического строя. Вполне правильно, что в книге по общей теории перевода, предназначенной служить учебным пособием, вопросы сопоставления двух языков рассматриваются по этим двум лицам, и не только чисто теоретически, но и с привлечением большого, удачно подобранного иллюстративного материала, непосредственно подводящего к практике перевода.

В разделе «Обще-лексикологические вопросы перевода» А. В. Федоров исходит из положения, что «именно контекст... играет решающую роль при передаче значения иноязычных слов» (стр. 122), причем, как следует из дальнейшего изложения, контекст понимается двояко: контекст подлинника, определяющий понимание значения слова, его стилистическую окраску и выразительную функцию, и контекст создающегося перевода, ограничивающий возможность применения того или другого слова в переводе в силу наличия в каждом языке особых законов фразеологической сочетаемости. Словно нужно переводить в контексте, и всякое слово можно перевести в контексте — эти два положения определяют состав данного раздела книги. Первое развернуто в подразделах главы седьмой — «Понятие синонима в переводе» (стр. 129—135) и «Перевод фразеологических сочетаний» (стр. 153—158). Второе обусловило особое внимание к приемам перевода слов, не имеющих прямых соответствий в языке перевода, — терминов и слов, обозначающих специфические реалии (т. е. таких, обозначение которых отсутствует в языке, на который делается перевод).

В разделе «Грамматические вопросы перевода» основными являются следующие положения: «Перевод точный в формально-грамматическом отношении часто бывает невозможен вообще из-за отсутствия соответствий; часто он не отвечает норме словосочетания и требованиям литературности данного языка, а в ряде случаев он стилистически невозможен» (стр. 163). Однако: «1) Несоответствия в грамматике двух языков и вытекающая из них невозможность формально точно передать значение той или иной грамматической формы постоянно компенсируется с помощью других грамматических средств или же средств словарных... 2) Решающую роль играют здесь, с одной стороны, *требования содержания* в его организующем единстве с элементами формы, смысловая роль которых определяется по связи с содержанием и направляет выбор переводческих средств, с другой — *требования языка, на который делается перевод*. 3) Невозможность в ряде случаев решить вне более широкого контекста вопрос о средствах передачи означает необходимость все время иметь в виду с и с т е м ы языковых средств, а не разрозненные или случайно выделенные элементы» (стр. 195; курсив мой. — Н. Ф.). Мы позволили себе эту длинную выписку, потому что вопрос о роли грамматики сформулирован здесь принципиально правильно, хотя решается он, как будет показано ниже, недостаточно глубоко и несколько односторонне.

В свете этих общих положений рассматриваются два случая расхождений: первый — «когда в языке подлинника встречается элемент, которому нет формально-грамматического соответствия в языке перевода», второй — когда в языке перевода имеются элементы, «не имеющие формального соответствия в языке подлинника, а между тем неизбежно применяемые при переводах» (стр. 165). Тот и другой рассмотрены на нескольких типичных примерах, на материале, с одной стороны, романских и германских, с другой — русского языка. Заметим, кстати, что содержание второго пункта шире его наименования, и это хорошо: здесь речь идет не только о таких элементах в языке перевода, которые, не имея формально-грамматического соответствия в языке подлинника, тем не менее обязательно применяются (пример — видовая форма русского глагола), но и о таких, которые могут и не применяться (пример — русские уменьшительные суффиксы при переводе с английского или французского). О таких именно элементах неопытный переводчик часто забывает или не решается их применять, и это обедняет язык перевода.

Не выделено — как особый, третий случай — наличие в языке подлинника и перевода формально одинаковых грамматических элементов, различающихся в определенных контекстах по смысловым и стилистическим функциям, хотя А. В. Федоров сам же на это указывает (на стр. 162 и др.) и фактически касается этого случая в специальном параграфе, посвященном сравнительному рассмотрению функций причастных форм, с одной стороны — в русском языке, с другой — в романских и германских языках. Между тем систематическое рассмотрение таких случаев особенно наглядно иллюстрировало бы ошибочность представления о «статическом параллелизме» языков в области грамматики.

В целом надо подчеркнуть, что материал этого раздела анализируется в большинстве случаев правильно. Приведем один пример. Рассматривая случай применения суффиксов уменьшительных и субъективной оценки при переводе на русский язык, А. В. Федоров приходит к выводу, что здесь «нет и не может

быть стандарта. Если при одних условиях они закономерно используются там, где в подлиннике ничего формально соответствующего им нет, то при других данных они в переводе оказываются неуместными даже при наличии формального основания в иноязычном тексте» (стр. 184)¹¹. При этом автор показывает, что ключ — в смысловых и стилистических данных целого абзаца или даже всего текста.

Однако общее изложение и в особенности лексикологический раздел рассматриваемой седьмой главы вызывают некоторые возражения. Основной теоретической задачей раздела грамматики в теории перевода является показ того, что по отношению к выражению вещественного и логического содержания мысли (а также ее экспрессивного содержания) формально одинаковые грамматические средства могут быть неравноценны, а формально различные — равноценны и что то, что в одних языках выражается грамматическими средствами, в других может быть выражено лексически. Этим доказывается, что своеобразие грамматических форм одного языка в сравнении с грамматическими формами другого не является препятствием к переводимости. Отсюда следует, что грамматические формы — как синтаксические, так и морфологические — не могут являться объектом перевода сами по себе. В переводе выражается только значение, которое они имеют в структуре предложения подлинника. Получается ли при этом формально-грамматическое совпадение или не получается, не имеет значения для полноценности (верности) перевода.

Подчеркиваем, что эти положения прямо вытекают из приведенных выше формулировок А. В. Федорова, в частности, из той, которую он дает под цифрой 2 (цитирована выше). Только ей бы следовало быть, так сказать, положением номер 1. Тогда не оказался бы в тени вопрос о формально одинаковых, но функционально различных формах, теоретически не менее важный, чем обратный случай. Тогда рассмотрение грамматических вопросов не велось бы под углом зрения возможности или невозможности «формально точно передать значение той или иной грамматической формы», о чем мы читаем в пункте 1. Кстати, такая формулировка внутренне противоречива: выражение «формальная точность» приложимо только к передаче формы, а в применении к з н а ч е н и ю «точность» может обозначать только верную передачу значения, т. е. по существу то, что единственно и необходимо в переводе.

В то же время нельзя не признать, что аспект, в котором излагаются грамматические вопросы в книге А. В. Федорова, имеет свои основания. Во-первых, вся книга направлена на то, чтобы доказать правильность положительного решения вопроса о переводимости; ее даже в известном смысле можно считать раскрытием этого тезиса. Этот тезис правилен, и всякое доказательство его ценно. Но будучи положен в основу книги, он повлек за собою несколько суженную постановку некоторых вопросов теории перевода. Внимание автора устремлено на те явления, которые могут подать повод говорить о непереводимости, тогда как теория перевода должна в равной мере интересоваться и переводом того, что не вызывает таких сомнений. Во-вторых, автор, не упуская из вида практических задач, с особенным вниманием относится к техническим трудностям перевода. Но дело в том, что когда речь идет о переводе с языка, близкого по структуре, трудности эти в одном отношении ограничены. Это целиком относится к рецензируемой книге, построенной на материале романских и германских языков сопоставительно с русским.

А. В. Федоров пишет, что «такое ограничение представляется все же допустимым, потому что сопоставление языков односистемных служит как бы первой ступенью в исследовании сложного вопроса о соотношении между языками во всем их многообразии с точки зрения возможностей перевода» (стр. 4). Действительно, в данный момент еще нет возможности строить теорию перевода на более широкой основе, поскольку пока нет никаких работ по обобщению опыта перевода с языков других систем, например, с тюркских языков национальностей СССР, с кавказских языков, с венгерского, с китайского, с японского и т. п. Но близкое структурное сходство сравниваемых А. В. Федоровым языков несколько затемняет вопрос о роли грамматики в переводе. Формальные совпадения в структуре предложения в подлиннике и в переводе, являющиеся, конечно, результатом правильной передачи соотношения компонентов по смыслу и по стилю, столь часты, что создается обманчивое представление, будто формально передаются грамматические элементы сами по себе и будто трудность возникает лишь тогда, когда таким формальным соответствием воспользоваться нельзя. Эта своего рода aberrация, вряд ли осознанная, свойственна многим педагогам. Например, Я. И. Рецкер в применении к переводу с этих языков дает такую формулировку: «Изменение синтаксической конструкции при переводе должно быть оправдано семантически и стилистически»¹². Безусловно, автор не хочет сказать, что сохранение конструкции такого оправдания не требует — это ясно из его статьи, — однако непосредственно из этой формулировки такой вывод может быть сделан. Вот именно под углом зрения

¹¹ Неясно, почему этот принципиальный и практически важный вывод издательство сочло нужным набрать петитом.

¹² Я. И. Р е ц к е р, указ. соч., стр. 167.

«оправдания изменений» и ведет изложение А. В. Федоров. Однако теоретически общее положение должно быть сформулировано иначе: как изменение, так и сохранение синтаксической конструкции (и любой другой грамматической формы) должно быть оправдано семантически и стилистически. П р а к т и ч е с к и для перевода с близкого по строю языка важнее первый момент, т. е. оправдание изменений, для перевода с языка, далекого по строю, — второй, т. е. обоснование сохранения; но теоретически и правильно по отношению к любым двум языкам все это положение в целом.

Возвращаясь к содержанию этого подраздела, отметим, что А. В. Федоров несколько упускает из внимания грамматическое целое — предложение. Это сказывается в том, что не выделено значение синтаксической структуры, не раскрыта на конкретных примерах равнозначность или разнозначность синтаксических конструкций в сопоставляемых языках, в частности, не показаны приемы передачи сложного предложения. Обо всем этом говорится только в последующих главах, при анализе текстов определенных жанров. Оставив в стороне вопрос о переводе предложения как грамматического целого, автор упустил из вида вопрос о передаче логического содержания мысли. Общеизвестно, что одно и то же вещественное содержание предложения может сочетаться с различным логическим смыслом. Понять вещественное содержание предложения, например простейшего: *Птицы в кустах поют*, еще не значит осознать предмет мысли, выражаемой этим предложением, т. е. двучленная ли это фраза (по терминологии Л. В. Щербы), где предмет мысли либо «птицы», либо тот факт, что кто-то «поет», или одночленная фраза, где предмет мысли — «птичье пение в кустах» в целом. В разделе теории перевода, посвященном грамматическим вопросам, следует указать, что логическим содержанием определяются чисто грамматические моменты, в разных языках разные (в одних языках порядок слов, в других, где порядок слов стабильный, применение специальных частей и т. п.), и что из этого вытекают определенные следствия для перевода. Невнимание к вопросу логического содержания отрицательно сказалось у А. В. Федорова, в частности, на анализе передачи функций артикля. А невнимание это объясняется тем, что А. В. Федоров вообще не раскрыл конкретно понятие «содержания» в переводе. К этому мы еще вернемся ниже. Таким образом, следовало бы углубить исходные положения грамматического раздела книги и расширить его содержание. Особо следовало бы выделить вопрос о стилистической функции грамматических форм.

По линии лексикологии задачей теории перевода является следующее: рассмотреть свойства слова и характер словаря сопоставляемых языков, установить линии схождения и расхождения в том и другом и показать, какие последствия вытекают из этого для перевода непосредственно. Предвосхищая вывод, можно сказать, что теория перевода должна объяснить, почему невозможно, чтобы каждое слово одного языка имело полный и постоянный эквивалент в виде слова любого другого языка.

Одним из важнейших моментов неполной эквивалентности является несопадение способности к сочетаемости с другими словами у равнозначных слов в разных языках. «Отступления от словарной точности, даже если она возможна по отношению к каждой из лексических единиц оригинала, взятых в отдельности... бывают вызваны... фразеологическими требованиями (нормой словосочетания) в языке перевода» (стр. 157). Этому явлению в книге А. В. Федорова уделено большое внимание — и в отдельном параграфе «Перевод фразеологических сочетаний» (одном из лучших в книге), и во многих других местах при анализе примеров.

Но А. В. Федоров поступил неправильно, включив этот параграф в подраздел «Передача фразеологических явлений». Явления сочетаемости слов в языке не относятся к области собственно фразеологии. Эти явления своеобразны в каждом языке. И поскольку теория перевода занимается переводом текста, а не изолированного слова, из одного этого вышеприведенного положения следует, что переводить слово, выхватывая его из словосочетания, — бесполезно: надо переводить словосочетание или предложение в целом. Такая формулировка прямо вытекает из всего, что А. В. Федоров говорит о переводе слова с учетом контекста.

Заметим кстати, что в речи даже как будто изолированное слово, например, предложение, состоящее из одного слова, заглавие в тексте, все равно имеет контекст: для предложения это — в устной речи — ситуация, в тексте — соседние предложения, для заглавия — все произведение. Даже в каталогах, прејскурантах¹³ и т. п. слова, обозначающие перечисляемые товары, предметы и т. п., имеют своего рода контекст — это сам каталог или прејскурант: он обуславливает понимание этих слов в их прямом предметном значении. Подлинно изолировано слово существует только в словаре; поэтому вопрос о переводе изолированного слова вводит в теорию лексикографии.

¹³ Ср. у Л. Н. Соболева: «Но ведь переводить слова вне контекста приходится разве что переводчику прејскурантов» (Л. Н. Соболев, О мере точности в переводе, сб. «Теория и методика», стр. 142).

Точно формулировать, что единицей перевода является не слово, а предложение, необходимо для того, чтобы не возникло неправильного представления, будто перевод предложения складывается из перевода слов, пусть и с учетом контекста. На самом деле имеет место обратное: перевод отдельного слова можно только выделить из перевода целого. В книге А. В. Федорова это недостаточно подчеркнуто: вопросы перевода слова и словосочетания здесь разведены; в подразделе «Понятие синонима в переводе» рассмотрению подвергаются почти исключительно существительные, причем в таких примерах, где они являются одним из самостоятельных смысловых стержней предложения и требуют перевода существительным же; однако ни то, ни другое даже для существительных отнюдь не является правилом. Но и в этих примерах нередко речь фактически идет о переводе словосочетания [например, говоря о разных переводах слова *maître*, автор выделяет в разрядку «владыка судьбы своей», т. е. перевод словосочетания в целом: *le maître de son sort* (стр. 128)].

Неоправданно мало внимания уделено в книге разным типам фразеологических единиц, а именно устойчивым сочетаниям, в которых семантическая самостоятельность либо одного из компонентов, либо всех его составляющих в большей или меньшей степени ослаблена, что влечет за собой определенные следствия для перевода. Эти следствия различны в зависимости от типа переводимого сочетания. Каковы же эти типы? В пределах одного языка к фразеологическим единицам можно подходить по-разному. А. В. Федоров частично принял деление В. В. Виноградова, основанное на признаке мотивированности значения сочетания. Это вызывает двойное возражение. Во-первых, А. В. Федоров упускает термин «фразеологические сочетания» совсем не в том смысле, который он имеет у В. В. Виноградова, т. е. не в значении «групп, образуемых реализацией так называемых несвободных значений слов»¹⁴. А. В. Федоров рассматривает в соответствующем разделе словосочетания, свободные в языке подлинника, но не переводимые дословно по норме словосочетания языка перевода. С таким применением этого термина никак нельзя согласиться: само по себе рассмотрение различной сочетаемости равнозначных слов в разных языках для теории перевода как раз выше уже указывали, что это вопрос не фразеологии как таковой, а языка вообще. Во-вторых, признак мотивированности значения сочетаний, очень важный, когда сочетания рассматриваются в системе одного языка, с точки зрения перевода как раз наименее важен и потому не может служить основанием для деления явлений фразеологии (это, кстати сказать, один из примеров того, что к некоторым языковым явлениям в теории перевода и в других отраслях языкознания надо подходить по-разному): ведь дословный перевод и подлинной идиомы типа *ни к селу ни к городу*, и мотивированного образного выражения типа *поставить во главу угла* одинаково может привести к бессмыслице.

С точки зрения перевода важно следующее: во-первых, не имеет ли словосочетание словарного эквивалента в виде одного слова (например, русск. *летучая мышь*, англ. *bat*; франц. *bois à brûler*, русск. *дрова*); во-вторых, если такого эквивалента нет, сохраняет ли один из компонентов прямое значение? Если да, то его значение должно быть отражено в переводе. При этом, если один из компонентов семантически ослаблен, перевод может быть однословным: *pousser de cris* не обязательно переводить «испускать крики»; слово «вскиривать» или «кричать» передает лексическое значение слова *cris* и грамматическое — глагольность — слова *pousser*. Если же компонент, сохраняющий прямое значение, соединен с другим, примененным образно, то и этот второй должен быть отражен в переводе отдельно. Очень важно отличать такие устоявшиеся в языке образные выражения от индивидуальных образов писателя: первые не обязательно требуют образной передачи и во всяком случае должны быть переданы либо образом, столь же трафаретным, либо словами в прямом значении (например, нем. *seine Geduld risz* в русском языке соответствует и «терпение его лопнуло», и «он вышел из терпения», и «он потерял терпение», в зависимости от контекста). Второй способ в особенности применим для перевода таких выражений, в которых образность совершенно потускнела и которая благодаря этому перешли в стиль речи, лишенной экспрессивности, — научный, деловой. Таково, например, выражение *ставить во главу угла* — ходовая монета, на которой рисунок совершенно стерся. Наконец, существенную роль играет стилистическая окраска фразеологических единиц. Именно на этом основании А. В. Федоров объединил вопрос о переводе идиом в узком смысле, пословиц и поговорок. Перевод остальных типов устойчивых сочетаний в книге не рассмотрен.

Известно, что слово может не иметь словарного эквивалента в другом языке. А. В. Федоров учел это обстоятельство только по отношению к словам, обозначающим реалии общественной жизни и материального быта, и обстоятельно рассмотрел вопрос об их переводе в отдельном параграфе «Способы перевода слова, обозначающего специфические реалии» (стр. 139—147). Но есть и другой слой подобной лексики, на кото-

¹⁴ В. В. Виноградов, *Об основных типах фразеологических единиц в русском языке*, «А. А. Шахматов. 1864—1920. Сб. статей и материалов» («Труды Комиссии по истории Академии наук СССР», вып. 3). М. — Л., 1947, стр. 363.

рый обратил внимание Л. Н. Соболев: «Особенно многочисленны „безэквивалентные“ слова в тех случаях, когда в лексике проявляется структурная разница двух языков¹⁵; в качестве примера приведены русские глаголы *докричаться*, *допить*, *дополучить*, *заучиться*, *намучиться* и т. п. Всякий, кто работал над русско-английским словарем, согласится с Л. Н. Соболевым, что найти словарный эквивалент для многих русских приставочных глаголов часто не удается, однако передача их значений в контексте обычно вполне возможна. Самое выделение такой лексики, определение способов передачи значений соответствующих слов — непосредственные задачи теории перевода. Наконец, есть отдельные слова, точно не переводимые на другой язык (каким в свое время было английское *vulgar*, о котором применительно к определенному контексту Пушкин сказал: «Люблю я очень это слово, но не могу перевести»); выявление таких слов, хотя бы в плане сравнения трех-четырех языков, в особенности языков народов, имеющих разные культуры, — отдельная задача.

Стабильной эквивалентности двух слов разного языка препятствует их несовпадающая многозначность. А. В. Федоров на этом явлении останавливается (стр. 127—129) и затем подчеркивает необходимость в переводе выходить за пределы словарных соответствий двуязычных словарей путем продолжения даваемого ими синонимического ряда. Нам кажется, что уместно было бы в данном случае отметить и обратное, а именно: единственный случай стабильной эквивалентности — перевод термина (в одном его значении, если у него их несколько). Подчеркнутым вниманием А. В. Федорова к вопросу переводимости, повидимому, следует объяснить то, что он говорит только о переводе терминов, не имеющих словарных эквивалентов¹⁶. Следовало бы также коснуться распространенного ложного представления о якобы стабильной эквивалентности чужезычного слова и заимствованного слова другого языка (например, *regular* — «регулярный»), тогда как на деле эти слова по значению расходятся часто, а стилистически почти всегда¹⁷. Нужно было бы остановиться и на частном случае многозначности — наличии переносных значений, а также на образном употреблении — не индивидуально, а стандартном, вошедшем в язык, указав, что образное употребление однозначных слов в разных языках часто не совпадает. Впрочем все эти вопросы почти совершенно не изучены.

А. В. Федоров слишком широко коснулся вопроса о различной стилистической окраске равнозначных слов разных языков¹⁸, которая часто бывает причиной неполной их эквивалентности. Совсем не затронут вопрос о разной выразительности таких слов, в частности, слов, несущих в своем значении элементы качественного определения, благодаря чему они часто приобретают особую экспрессивность. Например, *вскочить* в приложении к человеку значит «быстро встать», однако это слово выразительней, чем словосочетание *быстро встать* и даже *очень быстро встать*. Еще выразительней слово *встрепенуться*; пожалуй, можно сказать, что оно скорей обозначает наглядное представление, чем логическое понятие. Явление различной выразительности слов, заложенной в самих их значениях, лингвистикой еще не изучено, но писателям хорошо известно. Конечно, различие в выразительности и стилистической окраске равнозначных слов имеет преимущественное значение для перевода художественной литературы, однако упомянуть об этом явлении в разделе, посвященном общелекسیологическим вопросам перевода, необходимо: ведь это касается принципиального вопроса об ограниченности самого понятия «словарные эквиваленты».

Однако сказанному не исчерпываются все причины, по которым равнозначное слово может быть непригодно для перевода в тексте. Могут быть случаи, когда играет роль неподходящий фонетический облик эквивалента¹⁹; часто бывает нужно изменить

¹⁵ Л. Н. Соболев, указ. соч., стр. 141.

¹⁶ О переводе терминов подробно говорится в другой главе, в разделе «Специальная научная литература» (стр. 222—231). Здесь (на стр. 229) упомянуто и о том, что термины в переводе «требуют однозначного раскрытия и не допускают синонимических вариаций», но сделано это попутно, при разборе текста.

¹⁷ Ср. Б. А. Грифцов, Заметки по технике перевода, стр. 90; см. также стр. 87. И. А. Кашкин приводит подобные примеры (*pathetic* — всегда «патетический», *regular* — всегда «регулярный») как иллюстрацию «ложных принципов» перевода Диккенса (И. А. Кашкин, Ложный принцип и непримлемые результаты, «Иностран. языки в школе», М., 1952, № 2, стр. 29 и 35). С нашей точки зрения это случай технического недоброкачества перевода. О «ложном принципе» здесь можно говорить только в смысле принципиального игнорирования лингвистики (так как в данном случае нельзя предположить у переводчика простого незнания языка).

¹⁸ См. стр. 123 и 126; об этом говорится и в разделе «Специфические вопросы перевода художественной литературы» в параграфе о переводе архаизмов, варваризмов и т. д., весьма неудачно названном «Роль лексической категории».

¹⁹ Об этом см.: Б. А. Грифцов, Заметки по технике перевода, стр. 89—91 и А. Федоров, О художественном переводе, Л., ГИХЛ, 1941, стр. 123—124.

синтаксическую конструкцию, что влечет за собой применение слова другой морфологической категории и т. п. Такие случаи также требуют отдельного рассмотрения.

Итак, всестороннее рассмотрение линий расхождения равнозначных слов разных языков приводит нас к выводу, во-первых, об ограниченности понятия «равнозначности», во-вторых, об ограниченной пригодности для перевода равнозначных слов. В связи с этим мы считаем, что термин «синоним» для теории перевода вообще непригоден. Лексические соответствия, которые наблюдаются в переводе, подразделяются на два вида. Это либо эквиваленты, совпадающие со словарным эквивалентом или отступающие от него по линии расширения синонимического ряда словарных соответствий, либо же это прямые замены. Понятие «замена» — специфически переводческое и необходимо для того, чтобы не наполнять лингвистические термины, какими являются и «синоним» и, в известной мере, «словарный эквивалент», чуждым содержанием. Например, если в новелле Доде «Регистратор» *bonhomme* переводится «стариком» (стр. 134), то это с языковой точки зрения должно быть расценено, как обозначение одного и того же явления действительности — в данном случае одного и того же человека — с помощью равнозначных слов (так же, как если бы одного и того же человека в трамвае называли *пассажир* и *молодой человек*), и к лингвистическому понятию синонимии это явление не имеет никакого отношения, хотя с точки зрения теории перевода вполне оправдано.

Перевод есть воспроизведение на другом языке мысли подлинника во всей полноте ее словарно-вещественного и логического содержания. Для того чтобы воспроизвести мысль, надо понять ее как целое, понять предмет мысли и осознать действительность, являющуюся ее объектом. «Трудность переводческого дела в том, что писатель видит вещи и затем их обозначает словом, переводчик же видит слова, за которыми обязан восстановить вещи»²⁰. Об этом писал также И. А. Кашкин: «При художественном переводе (во это положение надо распространить на любой перевод. — *И. Ф.*), соблюдая всяческую точность, плодотворнее исходить все же... не из слов и форм, изображающих предмет или описывающих действие, а из самого предмета и действия, каким его видит автор и каким его должен представить себе переводчик»²¹. Вот это положение, — что перевод есть воспроизведение мысли подлинника, во всех отношениях адекватно подлиннику отображающее действительность, лежащую в основе этой мысли, — как нам кажется, является самым основным исходным положением теории перевода (имеющим, кстати сказать, ближайшее отношение к вопросу о переводимости).

«Замены» и вызываются тем, что ради адекватного подлиннику отображения действительности иногда бывает нужно идти на прямые лексические отступления от оригинала. Об этом А. В. Федоров говорит не раз при анализе примеров и даже в отдельном параграфе²²; однако автор не определил ни случаев необходимости этих «замен», ни их типов, а главное — не выявил их принципиального значения. О задаче адекватного подлиннику отображения действительности А. В. Федоров упоминает только по частным поводам — говоря о переводе обозначений таких реалий, которые мало известны переводчику или не имеют обозначения на языке перевода (стр. 136, 138, 145), или при анализе некоторых примеров (стр. 157). Между тем это — одно из основных положений теории перевода в целом.

Отсюда вытекает, что рассмотрение грамматических и лексикологических вопросов перевода, сосредоточивающее внимание на передаче значений отдельных форм и слов, представляет собой сугубое абстрагирование технических моментов перевода: реально технической единицей перевода является не слово в той или иной форме, а предложение (в контексте целого). А сама технология перевода должна быть подчинена задаче воссоздания мысли подлинника — воссоздания свободного, как свободно всякое выражение полностью осознанной мысли на родном языке, и в то же время связанного наличествующим в подлиннике единством содержания и формы. Диалектическое сочетание этой свободы и связанности выражения и представляет собой творческую трудность перевода.

Принцип подчинения частных целому и технологии — творческим задачам лежит в рецензируемой книге в основе разрешения вопроса о переводимости и рассмотрении лексикологических и грамматических моментов по отдельности. Сформулированные выше положения должны были бы определять этот раздел в целом как его основу и конечный вывод.

Вкратце рассмотрим вторую часть общей теории перевода — главу восьмую: «Разновидности перевода в зависимости от жанрового типа переводимого материала» (стр. 196—320). В эту главу входят следующие разделы: I. «Особенности перевода газетно-информационных, документальных и специальных научных текстов»; II. «Осо-

²⁰ Б. А. Грифцов, Заметки по технике перевода, стр. 86.

²¹ И. А. Кашкин, указ. соч., стр. 29.

²² Под странным по отношению к содержанию заглавием: «Значение слова в сочетаниях с другими словами» (стр. 271—274; см. также стр. 116).

бенности перевода общественно-политической литературы, публицистики и ораторской речи»; III. «Специфические вопросы перевода художественной литературы».

Первые два раздела построены в порядке анализа типичных для текстов данных жанров образов перевода. А. В. Федоров не дает развернутой характеристики стилей, которая могла бы удовлетворить языковеда-теоретика, а ограничивается отдельными наблюдениями — указанием на преобладающие синтаксические конструкции, на особенности лексики, на характерные фразеологические единицы. Поскольку эти наблюдения являются результатом изучения большого материала, даются применительно к особенностям разных языков (немецкого, английского, французского, с одной стороны, русского — с другой) и раскрыты на содержательном анализе примеров, поэтому они интересны для практики перевода. Правильны и общие выводы: для первого раздела: «... Господствующей тенденцией в пределах этого вида материала является подчинение отдельных особенностей подлинника стилистической норме книжно-письменной речи, характерной для соответствующего жанра в языке, на который делается перевод» (стр. 231); для второго раздела: «Перевод ораторского подлинника, так же, как перевод научной прозы общественно-политического содержания и публицистики, предполагает, наряду с соблюдением определенных жанрово-стилистических условий, воспроизведение индивидуального своеобразия, связанного с творческой личностью автора» (стр. 255).

Нам кажется только, что в изложении следовало бы провести выдвинутую Л. Н. Соболевым мысль о различном критерии точности применительно к этим жанрам²³; А. В. Федоров упоминает об этой мысли, но не определяет своего отношения к ней. Вопрос о различном критерии точности непосредственно связан с вопросом о содержании в приложении к данному тексту. Мы имеем в виду не только общую характеристику содержания жанра, которую А. В. Федоров дает достаточно широко, а определение понятия «содержание» в плане перевода в узком смысле.

Выше уже отмечалось, что А. В. Федоров не раскрыл понятие «содержание», хотя он не раз упоминает о «неразрывном единстве содержания и формы» в переводе. Нам кажется, что именно это в соединении с узко лингвистическим подходом к материалу предопределило неудачу раздела о переводе художественной литературы. Термин «содержание» может относиться к вещественному и идейному — идейно-политическому, идейно-образному — смыслу целого. Здесь мы имеем в виду другое его значение. При переводе любого предложения подлежащее содержание словарно-вещественное и логическое. Кроме того, предложение (как и текст в целом, разумеется) может иметь содержание экспрессивное в широком смысле слова, т. е. воздействовать не только на мысль, но и на чувство и волю. Экспрессивность выражается различными стилистическими средствами (включая сюда и образность). Поэтому передача стилистических особенностей оригинала должна иметь целью не воспроизведение формы ради формы, а выражение адекватными средствами экспрессивного содержания подлинника.

Распределение текстов по группам определяется различным соотношением в них этих элементов содержания. Передача логического содержания обязательна для любого текста. Передача словарно-вещественного содержания во всей его полноте и во всех деталях требуется для текстов научных, документальных, деловых. Выполнение этого условия и определяет точность перевода. Для перевода художественной прозы положение иное: если передача вещественного содержания в деталях, выраженных отдельными словами, ослабляет экспрессивность (ясность и легкость или, наоборот, напряженность фразы, ее образность, эмоциональную наполненность и т. п.), то эти детали должны быть опущены или изменены. По тому, насколько гармонически сочетается в переводе передача вещественного содержания с экспрессивностью, и оценивается верность перевода художественного текста. Что касается третьей группы текстов, то она является смешанной. В нее входят и общественно-политические тексты, и научные тексты других отраслей постольку, поскольку текст в них окрашен экспрессивно; в научных работах, заостренных полемически, и в критических работах это совсем не редкость.

Мы считаем, что первым принципиальным недостатком раздела о переводе художественной литературы является то, что автор рассматривает вопросы стилистики без учета содержания самого содержания в указанном выше смысле. Вот, что имеется в виду. Предложение *Ишь как заиваются, а? пичуги в кустан...* со стороны стилистической может быть охарактеризовано как предложение чисто разговорного стиля (инверсия с разрывом предложения, частицы, соответствующая лексика), и эти стилистические признаки могут стать объектом передачи на другой язык. Но нельзя упускать из вида, что в этом предложении, по сравнению с вещественно однозначным предложением *Птицы в кустан поют*, усложнилась не только форма, но и содержание: если это второе предложение представляет простую констатацию явления, то первое выражает еще и эмоцию — восхищение, причем с интонацией, которая побуждает к реакции собесед-

²³ Л. Н. Соболев, указ. соч., стр. 141—155.

ника. Само усложнение формы и понадобилось для выражения дополнительного содержания. Передача этого содержания сама потребует в переводе соответствующих стилистических средств. Под этим углом зрения и надо подходить к вопросу передачи стилистических особенностей оригинала.

Вторым принципиальным недостатком раздела о переводе художественной литературы следует признать то, что А. В. Федоров подходит к своему материалу со стороны «лингво-стилистической», а не литературной²⁴. Мы уже говорили, что теория перевода художественных текстов потому-то и может быть названа «частной», что у нее есть своя проблематика. Поскольку художественная литература — искусство, постольку центральным для теории ее перевода является вопрос о возможностях передачи средствами другого языка специфических выразительных средств литературы как искусства. Теория перевода художественной литературы должна прежде всего рассмотреть возможности передачи образа — метафоры, сравнения, эпитета и образа как совокупности приемов. Она должна разработать вопрос о передаче речевой характеристики персонажей, а в связи с этим и диалогической речи, о сохранении в переводе экспрессивной наполненности большого отрезка текста и многое другое. При этом она должна оценивать те или иные языковые особенности оригинала в соответствии с литературной и художественной характеристикой его. Под таким углом зрения найдет себе место и то, о чем говорит А. В. Федоров в разделе «Значение языковой природы художественного образа в литературе». Но нельзя же теорию перевода художественной литературы начинать с вопроса об использовании в образе грамматической категории рода. Нельзя вопрос о передаче образа, не имеющего специфических для какого-либо языка грамматических особенностей выражения (случай самый обычный), ставить на третье место между параграфом об архаизмах, варваризмах и профессионализмах и параграфом об игре слов и, зашифровав его под «лингвистическим» заглавием «Значение слова в сочетании с другими словами», рассматривать не с точки зрения художественной, а с точки зрения лексико-фразеологических закономерностей языка. Короче говоря, нельзя забывать, что художественная литература — искусство.

Удачнее главы о сохранении национальной окраски, о задачах перевода художественных текстов прежних эпох, о передаче индивидуального своеобразие подлинника. Удачнее эти главы потому, что фактически в них сказывается и литературоведческий подход, без чего и немислимо рассматривать поставленные проблемы.

«Приложение» посвящено вопросу о передаче различных метрических размеров; оно содержательно по материалу, который вдумчиво проанализирован. Но название этого приложения «Основные понятия, связанные с переводом стихов» нужно признать крайне неудачным: ведь общеизвестно, что проблематика поэтического перевода не ограничивается вопросами передачи метрического размера как такового, что не меньшее, а большее значение имеют вопросы передачи идейно-образного содержания, экспрессивно-интонационной характеристики, ритмико-мелодического рисунка. Еще раз повторю, что с нашей точки зрения вопросы художественного и, в частности, поэтического перевода в общую теорию перевода входить не должны.

В целом книга А. В. Федорова представляет серьезный научный интерес. Это уже четвертая книга, которую А. В. Федоров посвящает проблемам перевода, и мы видим, как на протяжении двадцати с лишним лет автор работает над ними, развивает свои взгляды, углубляет анализ материала, исправляет свои ошибки. Мы надеемся, что А. В. Федоров примет во внимание и высказанные здесь замечания и пожелания.

Н. И. Фельдман

²⁴ В своем увлечении «лингво-стилистическими» характеристиками А. В. Федоров пишет по поводу традиционного деления текстов на указанные выше три группы: «Критерий такой классификации — явно стилистический (в широком смысле слова): это учет роли, выполняемой той или иной категорией языковых средств... в связи с общим характером содержания, которое выражается жанром» (стр. 198). Подойдя непосредственно к вопросу о переводе художественной литературы, А. В. Федоров исправил это неудачное определение, указав, что «специфика вопроса о переводе художественной литературы определяется... не разнообразием речевых стилей, представленных в ней, не пестротой их сочетаний и даже не множественностью лексических и грамматических элементов, подлежащих передаче... Все это — скорее количественные, чем качественные показатели сложности проблемы... Качественное же отличие... зависит от того, что «художественная литература есть искусство» (стр. 259).

А. И. Ефимов, *Язык сатиры Салтыкова-Щедрина*. — М., Изд-во Моск. ун-та, 1953. 496 стр., 1 л. портр.

Изучение языка писателя в его отношении к общенародному языку является одной из неотложных задач науки о языке. «Правильное разрешение этой проблемы имеет первостепенное значение не только для языкознания, но и для литературоведения и других смежных областей знания»¹. Особенно это надо сказать о языке тех писателей, критиков и публицистов, которые были представителями передовых, прогрессивных сил в развитии русской общественной мысли и русского литературного языка. И нельзя не порадоваться тому, что в последние три года их языку уделяется больше внимания — как в напечатанных трудах, так и в диссертациях.

Нужно приветствовать и появление книги А. И. Ефимова о языке сатиры Салтыкова-Щедрина. Во второй половине XIX в. литературная деятельность сатирика занимала видное место в идеологической борьбе с либеральной буржуазией и консерваторами, в борьбе против самодержавно-дворянского строя. В этой борьбе формировался язык Салтыкова-Щедрина, и достоинством рецензируемой книги следует признать то, что ее автор постоянно учитывает связь мировоззрения писателя с его языком, в частности со специфической лексикой и фразеологией его произведений. Акад. В. В. Виноградов пишет: «Самый индивидуальный отбор средств языкового выражения, принципы их концентрации в манере повествования или построения художественных образов, разные способы идеологического освещения или экспрессивной окраски используемого писателем языкового материала могут свидетельствовать о своеобразии мировоззренческой направленности стиля писателя (и даже целого литературного направления). Перед советским языкознанием стоит важнейшая, ответственная задача — ...точно определить, какими категориями следует руководствоваться при анализе стиля писателя — как системы выражения мировоззрения, и в чем, в каких средствах языка и их комбинациях выражаются эти идеологические устремления или замыслы художника»².

В своей работе А. И. Ефимов старался показать стилистическое своеобразие произведений Салтыкова-Щедрина, роль его в историческом развитии русского литературного языка. Для этого автор привлек большой лексико-фразеологический материал из произведений сатирика, а также собрал и систематизировал высказывания его о языке и стиле. В этом отношении книга полезна, хотя она и не дает полного представления о языке писателя: А. И. Ефимов ограничивается изучением преимущественно лексики и фразеологии, о чем и предупреждает во «Введении» к книге. В ограничении круга своего исследования автор волен, и с этим надо считаться, несмотря на естественное желание читателя иметь полную характеристику языка великого сатирика. Для суждения о книге, ее достоинствах и недостатках важно не то, чего в ней нет, чего автор еще не затронул, а то, как он выполнил свою задачу в пределах, установленных им самим. И здесь приходится признать, что поставленная автором задача разрешается им далеко не так, как этого хотелось бы.

*

Прежде всего следует указать на отсутствие в работе А. И. Ефимова цельности, одного стержня. Девять глав книги не связаны между собой, и она производит впечатление не монографии, а скорее сборника статей, которые объединяются только именем писателя. Не компенсирует этого недостатка и вводная часть: она не показывает отчетливо основной задачи и цели исследования и отражает в себе общую несвязанность его частей.

В книге нет целостности и единства и при рассмотрении отдельных вопросов. Материал неоправданно разбивается по разным главам: фразеология, например, изучается в шести разных главах; по разным главам распыляются иноязычная лексика, терминологическая лексика, анализ словообразования. С точки зрения чисто описательной такой разрыв, может быть, и безразличен; но он отнюдь не безразличен для решения определенных проблем при анализе языка писателя: проблемы иноязычия, проблемы термина, проблемы использования словообразовательных средств и пр. Избранный автором метод изложения суживает материал наблюдения и не дает достаточных оснований для выводов по данным проблемам. Автор вообще уделяет мало внимания этим общим проблемам; увлеченный описанием материала, он не попытался и в заключительной части работы объединить разобщенный им материал для построения и углубления общих теоретических выводов. Особенно пострадала иноязычная лексика, кото-

¹ «Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина...» [передовая], «Вопросы языкознания», М., 1952, № 1, стр. 30.

² В. В. Виноградов, «Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания», сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., Изд-во Моск. ун-та, 1952, стр. 23.

рая занимает большое место в языке сатирика, но не получила в книге А. И. Ефимова должного освещения.

Не всегда удачны принятые в книге классификации слов. Например, классифицируя абстрактно-философские термины (стр. 137)³, автор не выдерживает единого принципа деления, кладя в основу классификации разные признаки: происхождение («исконно русские или церковнославянские слова», «заимствованные термины»), грамматический и словообразовательный признак («субстантивные слова», «суффиксальные образования», «словосложения»), фразеологическую структуру («фразеологические сочетания»). Это свидетельствует о том, что принципы классификации материала не всегда достаточно продуманы автором.

Самый метод исследования языка писателя, избранный А. И. Ефимовым, не вызывает одобрения. Как уже отмечено, работа носит описательный характер. Автор ограничивается констатацией главным образом языковых фактов, разнесением их по тем или иным рубрикам (на основании стилистических признаков) и толкованием значений слов и выражений. При отборе материала в некоторых разделах, в частности в главе о просторечии, автор почти исключительно опирается или на показания самого писателя, на его высказывания и комментарии в тексте, или на показания академического словаря 1847 г. Конечно, высказывания писателя и показания словаря интересны и полезны, хотя они далеко не всегда помогают автору книги: они слишком общи и недостаточны для раскрытия сущности языковых явлений. При анализе языкового материала нужны свои собственные принципы его характеристики и классификации; у автора данной работы их, видимо, нет; поэтому там, где он не может опереться на мнение писателя или на пометы словаря, чувствуется неуверенность (ср. на стр. 276 замечание о слове *тицетно*, которое «не оговорено в Академическом словаре как церковное»). Этим, вероятно, объясняется отсутствие в работе просторечных и «простонародных» слов из произведений Салтыкова-Щедрина, относящихся к 70—80-м годам: для этого материала нельзя было найти соответствующих помет в словаре, которые гарантировали бы правильные отнесения слов к тем или другим стилистическим категориям.

А. И. Ефимов не раскрыл специфики просторечных слов. Он не имеет четкого представления о просторечной лексике, путая ее с лексикой «простонародной», диалектной (см. 204 стр.), и не учитывает того, что термин «просторечие» на протяжении трех веков менял свое содержание.

Отсутствие теоретического обоснования в выделении и анализе просторечной лексики привело автора к беспорядочным перечням просторечных слов, к ошибкам в квалификации отдельных слов как просторечных (например, *пагуба* — стр. 203, *безнуждний* — стр. 210 и др.), к смешению просторечных слов с «чиновничье-служительскими» (*обвегорить*, *облапошить*, *уврать* — стр. 94). Самое определение просторечия в книге отличается недостаточной продуманностью: «...Просторечие — это категория сложная, это те побочные значения слов, которые в литературном обиходе были заслужены более употребительными значениями литературно-книжного, церковнославянского или профессионально-терминологического характера» (стр. 204—205). Определение это неприемлемо. Какая же стилистическая категория не сложная? В каких же многозначных словах нет побочных значений? Автор, видимо, не разобрался в явлении многозначности слова. Он не установил, как побочные значения слова иногда переводят его то в ту, то в иную стилистическую категорию, сообщая ему соответствующую окраску, вплоть до вульгарной.

Конечно, работа А. И. Ефимова не является чисто теоретической; но языковед не может устранять из поля своего зрения вопросы теории языка. Без теоретического углубления в сущность вопроса многие положения исследователя останутся недоказанными и материал не получит достаточно глубокого научного освещения. Это подтверждается на примере рецензируемой книги.

Поставив перед собой задачу показать своеобразную лексику и фразеологию в произведениях сатирика, А. И. Ефимов ограничивает свое изучение лексикой и фразеологией публицистической, профессиональной, научно-терминологической, просторечной, церковнославянской и «книжно-беллетристической». Весь этот материал он не ставит в соотношение с общепроизводным языком, не «расценивает» его и не освещает «...с точки зрения общих тенденций языкового развития», как это рекомендовал делать акад. В. В. Виноградов еще в 1946 г.⁴

Увлеченный «речетворчеством» сатирика, А. И. Ефимов не учитывает того, что словарные средства писателя нельзя ограничивать публицистической, просторечной и прочей лексикой. Лексика писателя гораздо шире. Ведь каждый писатель пишет на общепроизводном языке; в языке любого писателя господствует общепроизводная лексика, в которую лишь в той или иной мере вводятся слова просторечные, диалектные и т. п.

³ Здесь и дальше в тексте в скобках даем ссылки на страницы рецензируемой книги А. И. Ефимова.

⁴ В. В. Виноградов, О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX вв., «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1946, вып. 3, стр. 225.

Необшеупотребительная лексика занимает в произведении писателя небольшое место — от 5 до 20%, в зависимости от содержания, от характера персонажей, от жанра, от мировоззрения писателя и пр. Салтыков-Щедрин в этом смысле не представляет исключения: в его языке, может быть, лишь больше представлена необшеупотребительная лексика, чем, скажем, у И. С. Тургенева или Л. Н. Толстого, но господствует все-таки лексика общеупотребительная.

*

В анализе языковых явлений А. И. Ефимов стоит почти исключительно на семантико-стилистической позиции. Его интересует главным образом смысловая сторона слова и его «стилистический паспорт». Книга посвящена не языку сатиры, как об этом говорит заглавие, а ее стилю.

Разумеется, семантико-стилистический подход к языковым явлениям при изучении языка писателя необходим, но нельзя забывать и об их грамматической стороне. Без грамматического анализа многое в стиле писателя останется неясным, а само исследование будет иметь меньшую ценность для изучения теории и истории языка.

Так, например, А. И. Ефимов не показал, в чем заключается грамматическая специфика просторечных слов. Он не учел особенностей их структуры. В книге не отмечена, например, особая роль в образовании просторечных глаголов некоторых приставок, суффиксов, частицы *ся* в определенных условиях, междометных форм глагола и др. Просторечность некоторых слов не поставлена в связь с их происхождением или с историей слова в русском языке (ср., например, такие слова, как *ажиться, каякаться, ролеон, свара* и др.). Не учтены ассоциативные связи таких просторечных слов, как *облаять, таякать, лопать* и пр.; между тем одно лишь присутствие таких связей в слове, без воздействия со стороны приставок и суффиксов, переводит его в разряд просторечной лексики.

Не удовлетворяет читателя и анализ сложных слов. А. И. Ефимов правильно отмечает, что словосложение — это «активный прием словообразования», что сложные слова отличаются «разнообразием структуры»; но в книге это не показано. Автор не вскрыл даже семантической структуры сложных слов, всего многообразия в смысловых соотношениях их компонентов. Грамматическая структура сложных слов не анализируется и не принимается во внимание. В своих перечнях автор объединяет разные по грамматической структуре сложные слова (стр. 350, 358—359) или классифицирует их не по грамматическим признакам (стр. 352—353). Он скопляет по поверхности языковых фактов, не пытаясь установить существующие синтаксические отношения между компонентами сложных слов. Между тем без уяснения семантической и грамматической структуры сложных слов (особенно прилагательных) нельзя понять их своеобразной роли в языке сатирика. А ведь автор книги это именно и ставил своей задачей. По поводу сложных слов он не раз говорит о «характере синтаксических отношений» (стр. 351), о «стилистико-синтаксических явлениях» (стр. 353), о «разнообразии структуры» (стр. 360). На деле все это только слова. «Грамматический» анализ ограничивается делением сложных слов на «субстантивные синтагмы», «атрибутивные синтагмы» и «субстантивно-атрибутивные синтагмы» (стр. 353—354). Этого, разумеется, далеко не достаточно для показа собственно языковой специфики сложных слов (типа *ерундиозный, белибердоносы* и др.).

Желая показать специфичность синтетических сложных слов у Салтыкова-Щедрина, А. И. Ефимов впадает в заблуждение. Говоря о том, что «...уже в романах и повестях Тургенева такого обилия сложных слов не наблюдается», автор заключает, что этот факт «свидетельствует о жанровой принадлежности подобных словосложений, нашедших в сатире Щедрина широкое применение» (стр. 358). Умозаключение неправильное. Дело не в жанре сатиры. Сложные слова широко представлены в самых разных жанрах, например, в лирике символистов, а как она далека от жанра сатиры! Таких слов много и в несатирической повествовательной прозе нашего времени, например, в романе К. Федина «Первые радости». Сложные слова, особенно прилагательные, широко употреблялись писателями самых различных литературных направлений и эпох: Г. Р. Державным, В. А. Жуковским, Н. В. Гоголем, И. С. Тургеневым, М. Е. Салтыковым-Щедриним, символистами, а в советскую эпоху — и представителями социалистического реализма. Многие писатели обращались и обращаются к созданию сложных слов в различных жанрах, но почти у каждого писателя эти слова имеют особый характер, свойственный именно его стилю: державинские сложные прилагательные отличны от сложных прилагательных у Жуковского не походят на слова той же категории у Гоголя и т. д. Значит, дело не в жанре, а в стиле писателя. А. И. Ефимов не прибегнул к более широкому сопоставлению и пришел к неправильным выводам, которые дезориентируют и читателя книги, если тот поверит автору на слово.

Отсутствие глубокого и всестороннего семантико-грамматического анализа сложных слов не дало возможности А. И. Ефимову показать, что многие сложные слова,

созданные сатириком, находятся «в полном соответствии с внутренними законами развития русского языка» (стр. 350). По различным поводам автор не раз упоминает о внутренних законах, но нигде их не показывает и не раскрывает. Очевидно, упоминания о них ни к чему не обязывали его. А кажется, что чеховская мысль о том, что если ружье висит на стене, то оно должно выстрелить, не в меньшей мере обязательна и для научной работы.

*

Вопрос о словотворчестве Салтыкова-Щедрина занимает одно из центральных мест в книге А. И. Ефимова. И здесь — много неясного, такого, что может запутать читателя. По книге нельзя, например, судить о том, какие же слова действительно являются продуктом словотворчества сатирика. Так, говоря о «речетворчестве» писателя, автор, наряду с щедринскими новообразованиями, перечисляет слова: *ремесленность, красивость* (стр. 326), *актуальность, безнаказанность, безличность, гнусность, естественность, звучность, искусственность, исключительность, изрибость, косность* и многие другие (стр. 327). Но ведь все эти слова были в литературном языке и до Салтыкова-Щедрина и не могут рассматриваться как его новообразования. Возможно, этим перечнем автор хотел сказать что-то другое, но тогда нужно было придать большую точность и логичность изложению и яснее сформулировать свои намерения. Преподнесенный же в таком виде, данный раздел вызывает только недоумение и недоверие ко всему ходу мыслей автора.

Автор вообще очень произвольно распоряжается словами, относя их часто без всякого основания к «неологизмам», к «новообразованиям», к «сатирическим новообразованиям». В разряд таких слов у него попадают: *буйство, зубоскальство, крохотворство, лихоимство, сводничество* (стр. 336), *раздаватель, допрашиватель, охранитель, толкователь, истолкователь* (стр. 342), *вопроситель, умиротворитель, насадиватель* (стр. 343), *лятедь* (стр. 70), *укрывательство* (стр. 62) и др. А ведь и эти слова существовали до М. Е. Салтыкова-Щедрина. Автору следовало предварительно справиться в словарях, чтобы подобных непроверенными сведениями не вызывать у читателей недоверия к книге.

В 60-е годы XIX в. не были «новоявленными» или «новыми терминами» и такие слова, как *нигилизм* (стр. 163), *нигилист* (стр. 42, но ср. стр. 29), *прогресс* (стр. 42) и др. Напомним, что первые два употреблялись еще в 20-е годы XIX в. Н. И. Надеждиным, а последнее было известно в Петровскую эпоху (хотя и в несколько ином значении).

Автору следовало бы не просто говорить о творческом развитии Щедрина «лучших традиций стилей передовой русской литературы» (стр. 486), а на конкретных фактах показывать связь щедринского словоупотребления с этими традициями. В книге упоминаются А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов и Н. Г. Чернышевский, но ведь это — современники Салтыкова-Щедрина. Следовало бы пойти дальше и обратить внимание на декабристов и особенно на А. Н. Радищева, который первый тонко разработал основные принципы построения публицистической речи, оказавшие заметное влияние на декабристов, Белинского и революционеров-демократов 60-х годов, в том числе и на Салтыкова-Щедрина. Для такого сопоставления автор мог бы воспользоваться напечатанной еще в 1951 г. работой Н. Ю. Шведовой⁵.

Было бы также хорошо, если бы автор книги, установив степень употребительности различных суффиксальных образований в языке сатирика, сопоставил их с употреблением тех же образований в общенародном русском языке. Это дало бы ему основание не просто констатировать наличие образований с теми или иными суффиксами, а проследить определенные процессы в истории развития русского языка. Тогда автор мог бы говорить не просто о «неприязни Даля к суффиксу *-ство*» (стр. 258), а о каком-то типичном явлении в области суффиксального образования и о степени сравнительной устойчивости в языке тех или иных образований.

Вопросы словосложения и суффиксального словопроизводства рассматриваются в главе о «книжно-беллетристической лексике». Введение этого термина не обосновано: художественная проза не имеет ни особой специфической лексики, ни особых способов словообразования; в ней многое определяется объектом и манерой изображения. О неудачности термина «книжно-беллетристическая лексика» говорит уже обзор ее возможных контекстных сочетаний (на стр. 316), где в «книжно-беллетристическую лексику» включается лексика официально-канцелярская, публицистическая, профессионально-терминологическая, церковнославянская и пр., т. е. та, о которой говорится и в других главах. Следует отметить, что излишнее терминологизирование вообще является недостатком книги А. И. Ефимова.

⁵ Н. Ю. Шведова, Общественно-политическая лексика и фразеология в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. II, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951.

Сбивают с толку читателя и некоторые неправильные утверждения. Автор, например, заявляет, что причастные формы находились «во время Щедрина за пределами литературного языка» как «пержиточный элемент „семинарского слога“» (стр. 261). В подтверждение своей мысли он ссылается на слова Л. Н. Толстого, который говорил, что причастия совершенно чужды русскому языку. Ссылка неудачна. Во-первых, автор книги не дочитал слова Л. Толстого, который, говоря о причастиях, в качестве примеров приводит не причастия, а деепричастия. Во-вторых, во всей нашей русской литературе ни у кого из писателей не было такого обилия причастных форм, как в произведениях Л. Толстого. А Некрасов? Вопреки мнению автора книги, причастия употреблялись и «в речи воспитанников семинарии», и в «дворянской речевой культуре» (пользуюсь выражением автора, стр. 260). Как бы причастия ни квалифицировались, они «во время Щедрина» не только находились в «пределах литературного языка», но были и весьма употребительны.

*

Несколько лучше, по сравнению с лексикой, рассмотрена в рецензируемой книге щедрина фразеология. Но, как уже говорилось, она разбросана по шести разным главам. Эта разорванность в изложении помешала автору рассмотреть и обобщить разнообразные семантические и синтаксические связи слов и фразеологических сочетаниях, их грамматические формы, степень их устойчивости и слитности и т. д. Она помешала выявить в полной мере и фразеологические новообразования сатирика. До некоторой степени это определяется и отсутствием сопоставлений с общепринятым языком.

Для определения степени новизны и оригинальности фразеологических сочетаний у Салтыкова-Щедрина достаточно было бы сопоставления с языком его современников — писателей, публицистов и критиков. Но такие сопоставления в книге А. И. Ефимова единичны и случайны; отсюда — отдельные промахи. Например, по поводу выражений *красивенное декольте, вкусные умственные обеды, эпоха соуса* читаем: «В стилистическом отношении такое сближение слов различных лексических кругов являлось новаторством. У современников и предшественников Щедрина мы не встречаем такого смелого объединения контрастных речевых средств» (стр. 377). Но автор ошибается. Если бы он обратился к А. И. Герцену, то нашел бы у него в «Былом и думах» не менее смелые и неожиданные сочетания слов: *физически и нравственно застесняться пальто на все пуговицы, душные жабры, душной кварталный, равноапостольный татарин, жареный исправник* и т. п. Сближение далекого для Герцена было не менее характерно, чем для Салтыкова-Щедрина. Он довольно часто нарушал привычные связи слов в целях усиления экспрессивности речи.

А. И. Ефимов излагает вопрос так, будто никто, кроме Салтыкова-Щедрина, не прибегал к необычным связям книжных слов с просторечно-бытовыми словами. Если автор книги действительно так думает, то, разумеется, ошибается. Таких сочетаний немало у современников Салтыкова-Щедрина; например, у Д. И. Писарева в статье «Реалисты»: *мусор логичных понятий, стряпал разные стилистические мишталности, эстетическая скорлупа, закланный эстетик, крочкотворная аргументация* и т. д. Сходные явления находим у Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского и других.

Прием повторения эпитета тоже не является характерным только для Салтыкова-Щедрина: он широко используется в художественных произведениях Л. Толстого.

Неубедительным представляется ход мысли автора относительно «смыслового центра» во фразеологических сочетаниях *политический разорват, политическая независимость, политические предрассудки, политический индифферентизм* и пр. (стр. 65—66). Он утверждает, что в этих сочетаниях опорным словом служит определяющее, что «это особенно заметно в выражении *неблагоденный человек*, в котором удельный вес первого элемента настолько велик, что с течением времени отпала даже необходимость в другом члене» (стр. 66), т. е. произошла субстантивация определяющего (*неблагоденный*), подобно словам *купчая, гербовая, городничий* (стр. 66). Но отождествлять первые сочетания со вторыми, в которых произошла субстантивация, никак нельзя. Субстантивация происходит обычно тогда, когда одно определяемое может быть отнесено к разным определяющим: *человек — мастеровой, слепой, хромой, рассильный, ученый, военный, рабочий, неблагоденный* и пр.; *бумага — гербовая, накладная, закладная, подорожная* и т. д. Определяющие слова в этих случаях выполняют дифференцирующую роль. В первой же группе фразеологических сочетаний, наоборот, при одном определяющем имеется ряд разнородных определяемых. И, естественно, в соответствии с ходом мысли автора появляется вопрос: следовательно, в них, а не в определяющем (*политический*) нужно усматривать опорные слова? Рассуждение автора шло явно неправильным путем, а потому и неубедительно. Сопоставление не привело к ясности.

*

Спорной является мысль автора о том, что «роль писателя в развитии национальной речевой культуры определяется, наряду с «оригинальностью и своеобразием его творческого „мастерства“, «...открытием» и привлечением новых, еще не освоенных литературой речевых средств, расширяющих самые границы и возможности литературного языка» (стр. 9—10). П. Д. Боборыкин создал много новых слов (по его подсчету — 2000), но способствовал ли он этим развитию и совершенствованию общенародного языка? С другой стороны, Л. Толстой и Тургенев создали мало новых слов, роль же их в развитии русского литературного языка неизмерима. Дело, значит, не только в «открытии» новых слов и оборотов, а прежде всего — в принципах отбора, обработки и использования уже имеющихся в общенародном языке средств для реалистического показа жизни и верности передачи типических характеров в типических обстоятельствах.

Работая в рамках общенародного языка, писатель отбирает нужные языковые средства согласно своим художественным установкам, мировоззрению и индивидуальным вкусам, что и придает своеобразие его стилю. Стиль писателя влияет на развитие общенародного литературного языка. Например, работа Пушкина, Тургенева и Толстого над предложением проходила в рамках единого общенародного языка, но результаты этой работы были различны и по-разному влияли на общий ход развития синтаксического строя русского языка. Своеобразие стиля Салтыкова-Щедрина определяется не только изобретенными им словами и оборотами, а особенностями отбора слов из общенародного языка, манерой их сочетания и использования в художественном произведении. Это и есть то главное, основное, что обуславливало специфику его стиля.

Проблема языка писателя в его отношении к общенародному языку в наши дни только поставлена и представляется весьма трудной для решения. «Самым сложным и трудным вопросом, возникающим при изучении индивидуального стиля писателя, — говорит В. В. Виноградов, — является вопрос о соотношении личного или личностного и общего, языкового в структуре этого стиля»⁶. И можно пожалеть, что автор книги о языке Салтыкова-Щедрина не только не воспользовался случаем, чтобы в какой-то мере способствовать решению этого вопроса, а даже как бы уклонился от него, хотя на протяжении всей книги не раз упоминает о связи языка писателя с общенародным языком. Невнимание к этой важнейшей проблеме сильно повредило книге. Автор показал своеобразие языка сатирика только частично, остановив свое внимание на его «речетворчестве»; роль Салтыкова-Щедрина в развитии русского литературного языка оказалась не раскрытой. А. И. Ефимов не выполнил основной задачи, которую сам поставил перед собою, а потому и общие выводы его не вполне отвечают содержанию книги.

Что касается стилистической стороны книги, то надо отметить, что в целом она написана хорошим слогом, но имеются некоторые досадные стилистические погрешности. Так, например, на странице 64 читаем: «Не говоря уже о своеобразии синтаксических отношений этих слов — определяемое, следовательно начало изучению языка и стиля (новорожденная), и определяющее (дорогая), — позволяющее говорить о ведущем и подчиненном, второстепенном элементе, с точки зрения семантических взаимоотношений, компоненты этого выражения тоже не равноценны». Иной, чисто геллертерский характер имеет фраза на стр. 291: «Этот прием оригинален тем, что сатирик, беря, например, фразеогаммы делового, официально-канцелярского стиля, проецирует их на эквивалентные (конечно, иронически), церковно-библейские изречения». Не останавливаясь на других, более мелких, недочетах и сомнительных местах книги, следует признать: она полезна уже тем, что в ней положено начало изучению языка и стиля великого сатирика-революционера. Хотя книга А. И. Ефимова далека от совершенства, от нее и нельзя требовать безупречности: «Наука о языке писателя — наука новая»⁷. В ней, как в любой серьезной работе, возможны всякого рода промахи. И поскольку методы научного исследования языка писателя еще не разработаны, нужна благжелательная критика по существу в целях внесения «поправок и дополнений» в это большое дело.

А. Ф. Ефремов

⁶ В. В. Виноградов, О задачах истории русского литературного языка..., стр. 231.

⁷ «Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина...», стр. 30.

Chr. S. Stang. La langue du livre «Учение и хитрость ратного строения пѣхотныхъ людей. 1647». Une monographie linguistique («Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo». II. Hist.-Filos. Klasse. 1952, № 1). — Oslo, 1952. 86 стр.

Норвежский ученый проф. Хр. С. Станг, заведующий кафедрой славянских языков в г. Осло, известен как автор ряда монографий в области сравнительно-исторического индоевропейского и славянского языкознания. Для занимающихся изучением истории славянских языков особенный интерес представляют такие работы проф. Станга, как: 1) «Das slavische und baltische Verbum», Oslo, 1942; 2) «Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk», Oslo, 1939; 3) «Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen», Oslo, 1935. Последние две работы посвящены изучению истории белорусского языка по данным письменных памятников. Рецензируемая монография связана с изучением истории русского литературного языка. Уже самый перечень упомянутых работ проф. Станга свидетельствует о его разносторонних языковедческих интересах, о его внимании к изучению восточнославянских языков вообще, истории русского языка в частности. Все три исследования Хр. Станга по восточнославянским языкам основываются на изучении языка письменных памятников, все они сходны по методу изучения. Поэтому прежде всего и остановимся на вопросе о методе изучения материала письменных памятников, принятом Хр. Стангом. По своему типу этот метод ближе всего к тому, который в русской лингвистической литературе получил название «интенсивного» метода.

Как известно, в конце XIX в. вопрос о методах изучения письменных памятников как источника истории языка был предметом горячих споров в русской лингвистической науке. Эмпирический подход к фактам письменных памятников, представленный в работах акад. А. И. Соболевского, сопровождался одновременно и зависимостью автора от власти графических представлений. Отожествление с фонетическими процессами почти всех графических особенностей памятников, которые шли в разрез с традиционными написаниями, затеяло представление о звуковой системе восстанавливаемого говора. Подобное отождествление находим не только в работах акад. А. И. Соболевского, например в его «Очерках из истории русского языка», но и в работах некоторых его учеников.

В отличие от А. И. Соболевского, акад. А. А. Шахматов стремился оживить мертвые знаки буквенных обозначений путем вдумчивых сопоставлений орфографических черт со звуковыми явлениями соответствующих народных говоров и воспроизвести во всех подробностях фонетический строй говора писцов. Раавная свои мысли о методах изучения рукописей, А. А. Шахматов первоначально делает слишком непосредственные выводы на основе показаний светских памятников, относящихся к периоду после XIV в. Определенную переоценку близости памятников позднего периода к живому языку находим из числа последователей А. А. Шахматова у проф. Б. М. Яянунова, который почти приравняет орфографию изучаемых памятников к фонетической транскрипции. В связи с этим Б. М. Яянунов страстно отстаивал интенсивное изучение каждой из рукописей, взятой в отдельности. Защиту «интенсивного» метода мы найдем, например, в ответе Б. М. Яянунова А. И. Соболевскому, который, наоборот, придавал большое значение сборанию интересных форм из разных памятников¹.

По существу, однако, подобное преувеличение роли «интенсивного» метода и противопоставление его методу «экстенсивному» не соответствовало взглядам самого А. А. Шахматова, который не считал возможным на основании одного лишь «интенсивного» метода строить общие выводы о хронологии и завершенности какого-либо языкового процесса; лишь соединение «интенсивного» и «экстенсивного» методов изучения рукописей может, по мнению А. А. Шахматова, в связи с данными диалектологии и истории ближайше родственных языков, обеспечить изучение исторического развития языка².

Мы остановились довольно подробно на вопросе о методе изучения языка памятников письменности потому, что полемика о двух методах этого изучения является актуальной и для современного советского языкознания. Так, в предисловии к своему новому исследованию «Язык Уложения 1649 года» проф. П. Я. Черных указывает, что он пользуется «экстенсивным» методом, который имеет «...по крайней мере, одно преимущество перед „интенсивным“: благодаря его применению наука получает возможность гораздо более быстрыми темпами и в большем количестве до-

¹ См. Б. Яянунов, Несколько слов по поводу замечаний профессора А. И. Соболевского, ЖМНП, СПб., 1900, ноябрь, стр. 247—263.

² Ср. статью В. В. Виноградова, посвященную вопросу о методах изучения памятников письменности (В. Виноградов, Методы изучения рукописей, как материала для построения исторической фонетики русского языка, в Исследованиях акад. А. А. Шахматова, «Известия Отд-ния рус. языка и словесности Российской акад. наук», 1920, т. XXV, Пр., 1922, стр. 172—197).

бывать то, без чего она не может существовать: факты, фактический материал»³.

Следует отметить, что не все советские исследователи истории языка так решительно предпочитают «экстенсивный» метод «интенсивному». Для большинства советских ученых характерно продолжение и дальнейшее развитие взглядов А. А. Шахматова, заложенных в его работах, посвященных изучению языка памятников письменности. Мы склонны считать, что лишь соединение «интенсивного» и «экстенсивного» методов, связь данных, извлеченных из памятников письменности, с данными диалектологии и истории родственных языков позволяет составить более полное и точное представление о системе языка прошлых эпох и открыть закономерности его развития. Подобный подход характеризует, например, многие докторские и кандидатские диссертации по истории русского языка, написанные под руководством акад. В. В. Виноградова, проф. Р. И. Аванесова, проф. П. С. Кузнецова, проф. Т. П. Ломтева и других советских ученых.

Возвращаясь к исследованию проф. Станга, следует отметить, что хотя оно и носит по преимуществу описательный характер, в нем все же, правда, в немногих случаях, факты изучаемого памятника сопоставляются с фактами других памятников или современного языка. Так, автор суммарно указывает (см. стр. 7)⁴, что с лингвистической точки зрения «Книга о ратном строе» во многом похожа на Уложение 1649 года, а также на сочинение Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Сравнение определенных явлений изучаемого памятника с нормами современного русского языка проводится главным образом лишь тогда, когда указываются различия в месте ударения, причем это сравнение сводится по большей части к простой констатации того, что те или иные факты и явления памятника отличны от аналогичных фактов современного языка или сходны с ними.

Следует отметить, что простое частичное соединение «интенсивного» и «экстенсивного» методов, а также сопоставление с отдельными фактами современного живого языка еще не приводит само по себе к определению системы языка, отразившейся в памятнике, еще не открывает действительного исторического движения звуков и форм языка: исследование продолжает носить при этом фактографический характер. По преимуществу фактографическим и является рецензируемый труд проф. Хр. Станга.

Метод изучения языкового материала тесно связан с задачами лингвистического исследования. Во введении автор указывает, что его задачей является дать возможно более точное представление о языке одного текста. Кроме того, уточняя цель исследования, автор подчеркивает, что лингвист не должен изолировать отдельные стороны системы языка от других ее сторон, поэтому он в одно и то же время изучает фонетику и морфологию, элементы синтаксиса и лексики. При этом на первое место им выдвигаются вопросы акцентологии, в данном случае — русской, что связано с преимущественным, в последние годы, интересом автора к вопросам славянской акцентологии (стр. 5). Таким образом, задача работы усложняется. Автор стремится дать систему языка памятника и — шире — систему русского языка эпохи памятника и прежде всего систему ударения русского языка в XVII в. Однако, как будет показано ниже, выполнить эту задачу в полной мере автору помешало то преобладание фактографического подхода, о котором говорилось выше.

И тем не менее появление книги Хр. Станга, несмотря на присущие ей недостатки, является положительным событием в развитии науки о русском литературном языке. В ней собран большой фактический материал, извлеченный из письменного памятника данного языка. Работа по собиранию и описанию разнообразных фактов, взятых из рукописных и печатных памятников, занимает важное место в решении задачи научного воссоздания исторического развития русского языка во всех звеньях его структуры. Положительное значение книги Хр. Станга определяется и тем, что она дает в распоряжение историка языка факты по акцентологии — наименее разработанной области русского языкознания.

«Книга о ратном строе» уже была использована в истории русской акцентологии в качестве источника отдельных фактов. Систематически использовал часть материала данного памятника проф. В. Кипарский в книге «О колебаниях ударения в русском литературном языке»⁵. Исследование В. Кипарского посвящено изучению ударения в современном русском литературном языке. Попутно отметим, что под колебаниями ударения проф. Кипарский понимает те изменения в отношении ударения, которые произошли в течение известного исторического периода. Поэтому он приводит факты

³ П. Я. Черных, Язык Уложения 1649 года, М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 3.

⁴ Здесь и в дальнейшем в тексте в скобках даны ссылки на страницы обсуждаемой работы Хр. С. Станга.

⁵ В. Кипарский, О колебаниях ударения в русском литературном языке. I — Однословные имена существительные («Annuaire de l'Institut finlandais d'études sovétiques», supplément I), Helsinki, 1950.

из древних памятников, имеющих знаки ударения на словах. Книга проф. Кипарского представляет интерес для советских языковедов, хотя ее нельзя признать методологически правильной. Исследование Кипарского, несмотря на обилие исторического материала, мало исторично. Оно фактографично, оторвано от исторической действительности развития русского языка. Бедны и случайны примеры из стихотворных текстов нашего времени. Случайность в подборе примеров из современной поэзии создает извращенное представление о советской литературе. Недоступна В. Кипарскому и практика современной живой разговорной речи. Странно, что проф. Кипарский даже не упоминает имени В. А. Богородицкого, давшего классификацию существительных по типу ударения⁶. В то же время он обильно насытил свою работу ссылками на иностранцев, изучавших вопросы русского ударения, даже и в тех случаях, когда эти авторы оказывались совершенно бесполезными в данной области.

Таким образом, подробное описание всех фактов, имеющих отношение к русской акцентологии, на материале «Книги о ратном строе» мы находим впервые в рецензируемой книге Хр. Станга. Нельзя также не учитывать, что работа Хр. Станга является монографией, посвященной памятнику XVII в. — того исключительно важного периода русской истории, когда в связи с формированием единого всероссийского рынка складываются экономические предпосылки образования русской нации. Общеизвестно, какое важное значение имеет изучение языка памятников XVII в.

Этому периоду в истории русского языка посвящен ряд исследований и отдельных статей русских лингвистов дореволюционного периода. На некоторые из них, например на исследования Л. Васильева по истории звука *ѣ* в московском говоре, ссылается Хр. Станг. Есть в работе ссылки и на широко известное исследование Б. Унбегауна «Русский язык в XVI веке»⁷. Следует отметить, что в связи с интерпретацией отдельных фактов проф. Станг ссылается на книги акад. С. П. Обиорского «Именное склонение в русском языке» и акад. Л. А. Булаховского «Исторический комментарий к русскому литературному языку»⁸. Отсутствуют в работе ссылки на труды советских исследователей по истории русского языка XVI—XVII вв. Это объясняется тем, что работы советских лингвистов, представляющие собою докторские и кандидатские диссертации, посвященные изучению языка памятников письменности, не были опубликованы, хотя отдельные статьи на материале этих диссертаций и их авторфераты и появлялись в печати⁹. Историко-лингвистическая монография П. Я. Черных «Язык Уложения 1649 года» опубликована в 1953 г., поэтому Хр. Станг не мог с ней ознакомиться в период подготовки своего исследования.

Рецензируемая монография состоит из краткого введения (стр. 5—8), кратких замечок по фонетике (стр. 8—10) и синтаксису (стр. 73—83), замечок по морфологии (стр. 10—73) и небольшого словаря (стр. 83—86). Во введении очень кратко охарактеризован тип языка, который, по мнению автора, представлен данным памятником. Этот язык определен здесь как московский официальный приказный (стр. 7). Нельзя не отметить, что такое общее определение характера языка памятника приводит автора в дальнейшем к отождествлению разнородных фактов, к смещению исторической перспективы в оценке развития языка, что прежде всего объясняется отсутствием в подобном определении указания на живую основу языка «Книги о ратном строе». Московский приказный язык, о котором идет речь во введении, являлся одной из разновидностей письменного языка того времени. Эта разновидность письменного языка ближе всего стояла к живому разговорному языку. Однако нет основания их отождествлять. Живой основой языка «Книги о ратном строе», как и других памятников деловой московской письменности XVI—XVII вв., было московское просторечье, несомненно характеризовавшееся своими отличиями от того типа делового языка, основу которого оно собою представляло.

Каждый письменный памятник, а следовательно и «Книга о ратном строе», содержит по крайней мере два ряда фактов. С одной стороны, это уже отжившие элементы фонетической и грамматической системы, это звуки и формы, давно исчезнувшие в

⁶ См. В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, Казань, 1904.

⁷ В. Унбегаун, La langue russe au XVI-e siècle (1500—1550), I, Paris, 1935.

⁸ С. П. Обиорский, Именное склонение в современном русском языке, выпуск 1—2, Л., Изд-во АН СССР, 1927—1931; Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку, Киев, «Рад. школа», 1950.

⁹ Здесь можно указать диссертации — докторские: Э. П. Коротаевой «Сюжетное подчинение в литературном языке второй половины XVII столетия...» (Л., 1951); М. А. Соколовой «Очерки по языку деловых памятников XVI века» (Л., 1952); — кандидатские: В. А. Робинсон «Из истории условных предложений в русском языке» (М., 1950), Б. И. Косовского «К истории именного склонения в русском деловом языке второй половины XVII в.» (М., 1947), К. В. Горшковой «Из истории московского говора в конце XVII — начале XVIII века. Язык „Писем и бумаг Петра Великого“» (М., 1945) и некоторые другие.

языке, но продолжающие сохраняться на письме по традиции, вследствие преемственности между различными эпохами существования книжного языка в любой его разновидности, в том числе и деловой письменности. С другой стороны, в каждом памятнике письменности имеются факты, в той или иной мере отражающие звуки и формы живого языка своего времени, среди которых могут быть как черты общепародного языка¹⁰, так и диалектов.

Без четкого разграничения фактов двух названных родов возможны ошибки в суждениях о живом языке эпохи на основе показаний письменного памятника. Не избегал ошибок такого рода и автор рецензируемой монографии. Характерно, например, что автору кажется курьезным наличие в памятнике написания *потёрёная* рядом с *потёряная*, не согласующегося, кстати, с его утверждением, что тенденция произносить в безударных слогах *e* вместо *a* наблюдалась в языке памятника только в положении между мягкими согласными. Между тем здесь из двух приведенных написаний одно отвечает орфографическим нормам, второе отражает произношение *a*, изменившегося в *e*, так как изменение *a* в *e* наблюдалось в московском просторечном произношении XVII в. и перед твердыми или отвердевшими согласными, о чем свидетельствуют и другие приводимые автором примеры: ср., кроме *потёрёная*, написание *мѣсец* (стр. 8—9).

В разделе фонетики Хр. Станг, указав на большую близость изучаемого текста к современному русскому литературному языку, приводит отдельные, очевидно, с его точки зрения, наиболее яркие, случаи отступлений от нормированного правописания. Обращает внимание, что при этом он объединяет факты весьма различной значимости: отражение аканья и результаты перехода *e* в *o*; факты, отражающие различное звучание *ѣ* и некоторые частные изменения в группах согласных, как, например, в словах типа *лоутчи*. Не делается разницы между собственно фонетическими фактами и теми фонетическими явлениями, которые связаны лишь с отдельными словами, т. е. лексикализованы. Так, не следовало бы без оговорок помещать в отдел фонетики различные написания слова *крыло* (*крыло*, *крьло*). Примеры с написаниями *ю*, *у* после шипящих отделены в работе от примеров с написанием *ѣ* во 2-м лице глагола, хотя и написания последнего типа не имеют морфологического значения. В то же время именно написание *ѣ* после *ш* характеризует изменения в качестве самого шипящего звука; написание же *ю*, *у* после шипящих связаны с изменением гласного после шипящего и должны быть рассмотрены в связи с фонетическими явлениями древнейшей поры, а также определенными орфографическими нормами того времени (стр. 9—10). Различные орфографические написания слова *дождь* (*дожесиса*, *дожеся*, *дождю*) лишь приводятся автором: не раскрывается фонетическая основа этих написаний и поэтому не оправдывается и их появление в разделе фонетики.

В целом в отделе фонетики обращает внимание отсутствие разграничения явлений, относящихся к разным эпохам. Так, не разграничены: отвердение шипящих, которое имело место в общерусском языке более древнего периода и не являлось живым процессом в языке XVII в., а также такое явление, как развитие аканья в русском литературном языке или изменения в произношении звука *ѣ*, относящиеся непосредственно к периоду становления норм русского языка в XVII в. Не разграничиваются и факты, принадлежащие разным диалектам, когда без комментариев приводятся примеры: *лехкѣ*, *лѣстемь*, *дѣстурѣ*, *мѣккиѣ* (стр. 10).

Думается, что при выборочном изучении фонетических черт следовало бы остановиться на тех элементах фонетической системы, которые в наибольшей степени показательны для понимания живого языка XVII в., лежащего в основе памятника. Более четкая характеристика типа этого языка по данным фонетики облегчила бы и рассмотрение грамматических явлений в следующих разделах. Когда речь идет о возможности выборочного изучения фонетических явлений, то имеется в виду, что исследователь языка может не восстанавливать всех элементов фонетической системы, а остановиться лишь на отдельных явлениях. При этом необходимо, однако, чтобы, во-первых, описание этих отдельных явлений шло с учетом всей системы, а во-вторых, чтобы для специального описания и анализа выбирались такие явления, которые наиболее важны для понимания фонетической системы языка данной эпохи. Автор правильно обращает свое внимание на отражение аканья в памятнике, но не отводит этому важному процессу в истории московского просторечия XVII в. должного места. Он не приводит все примеры из памятника, связанные с отражением аканья, не дает четкой характеристики системы аканья после твердых и после мягких согласных, у него встречаются случаи смешения явлений фонетики и графики — орфографии.

Между тем исчерпывающее освещение этого явления по данным «Книги о ратном строе» позволило бы сделать определенные выводы о характере безударного вокализма

¹⁰ Московское просторечие, по выражению проф. Р. И. Аванесова, являлось лабораторией общепародной основы русского национального языка (см. Р. И. Аванесов, К вопросам образования русского национального языка, «Вопросы языкознания», М., 1953, № 2, стр. 47—70).

в московском просторечии XVII в. В настоящее время по этому вопросу есть разные мнения (которых, впрочем, автор не мог учесть, как об этом говорилось выше). В кандидатской диссертации К. В. Горшкова высказано предположение, что в московском просторечии XVII в. безударный вокализм после мягких согласных характеризовался еканьем¹⁴. В монографии П. Я. Черных «Язык Уложения 1649 года» указано, что старомосковское произношение «...характеризовалось еканьем в предударном и вообще начальных неударенных слогах при яканье в заударном положении»¹⁵.

Следовало бы подробнее остановиться и на качестве звука, обозначаемого буквой *ѣ*, так как и «...в этом вопросе не все еще ясно...»¹⁶ Иного подхода и рассмотрения требует и вопрос о распространении звука *о* на месте *е*, поскольку здесь должна идти речь не о выяснении условий перехода *е* в *о* (фонетический переход *е* в *о* к этому времени давно закончился), а о дальнейшем распространении фонемы *о* после мягких согласных в фонетической системе московского просторечия XVII в. Особую специфику имеет тут вопрос о соотношении норм книжного и живого языка.

Подход к описанию фонетических черт языка памятника, характерный для работы Хр. Станга, связан с отсутствием отчетливой постановки вопроса о соотношении языка письменного памятника и его живой основы. Ясно, что вопросы фонетики становятся весьма существенными, когда ставится задача восстановления живой основы языка памятника, если же эта задача не ставится — анализ фонетического материала до известной степени теряет смысл.

Раздел морфологии в рецензируемой работе начинается с рассмотрения имени существительного. На стр. 20—30 описывается формообразование имен существительных с указанием места ударения при формообразовании. Автор разбирает имена существительные на группы в зависимости от древней темы, характеризовавшей основу существительного (*-о*, *-ю*, *-я* основы и т. п.). Такая группировка существительных при изучении языка памятника XVII в. вряд ли оправдана прежде всего потому, что здесь уже нет строгого соответствия древнейшей системе склонения. Так, в группу слов мужского рода с темой *-о*, *-ю* попали и такие слова, как *овинь*, *зрѣзь* (стр. 11—12), и очень многие слова из числа заимствованных в позднюю эпоху, как, например: *мушкетъ*, *регемѣнтъ*, *цѣртьемъ* и другие. Помещение этих слов в разряд существительных с темой *-о*, *-ю* искажает историческую перспективу развития русского языка в отношении различных его сторон (грамматики, лексики). Кроме того, такое расположение материала не позволяет выделить те типы склонения, которые реально существовали в русском языке XVII в.

Недостаточно разъяснены в книге и соотношения старых и новых именных флексий во множественном числе, как *-омъ/-емъ* и *-амъ/-ямъ* в дательном падеже множественного числа, *-и/-и* и *-ами/-ями* в творительном падеже множественного числа и другие.

В ряде случаев автор совершенно правильно разграничивает явления живого языка, лежащего в основе данного текста, и соответствующие факты письменности [см., например, рассуждение о формах на *-у* в родительном и местном падежах единственного числа (стр. 15) или о графическом значении окончания *-ѣзь* у существительных со старой основой на *ѣ* (стр. 30)]. Следует признать правильным и целесообразным отграничение славянизмов от форм, характерных для русского языка (см. объяснение звательной формы на стр. 16). В связи с этим можно высказать сожаление, что при рассмотрении форм множественного числа автор главным образом идет лишь по пути подробного описания этих форм.

Отметим кстати, что старинные окончания дательного, творительного и предложного падежей множественного числа в приказном языке XVII в. были уже искусственными. Об этом в памятнике свидетельствуют ошибки, когда флексии старых основ на *-о*, *-ю* появляются у слов, по склонению относившихся к древним основам на *-а*, исконно оканчивавшимися на *-амъ*, *-ами*, *-азь*. [См. подобные примеры творительного падежа: *мѣрь*, *рѣтъ*, *тебѣи*, *тысящи* и местного падежа: *мѣрѣзь*, *рѣтъѣзь*, *хорѣмѣзь* (стр. 27)]. Но проф. Станг склонен приписать эти формы живому языку периода написания памятника. Он полагает, что появившиеся в результате конкуренции дублеты *-ами/-и*, *-азь/-ѣзь* в словах мужского рода с темой *-о* стали возможными и в словах женского рода с темой *-а* (стр. 27), и рассматривает таким образом формы на *-и*, *-ѣзь* у слов женского рода как живые, свойственные языку, лежащему в основе памятника. Между тем разграничение книжных и живых форм и более глубокое наблюдение над материалом памятника могло бы дать картину распространения новых флексий *-амъ*, *-ами*, *-азь* в русском языке XVII в. и тем самым дополнить данные, известные по исследованию проф. П. Я. Черных «Язык Уложения 1649 года» и другим работам по именному склонению XVI—XVII вв.

¹⁴ См. К. В. Горшкова, Из истории московского говора в конце XVII — начале XVIII века. (Язык «Писем и бумаг Петра Великого». Автореферат канд. дисс.), «Вестник Моск. ун-та», М., 1947, № 10, стр. 113.

¹⁵ П. Я. Черных, указ. соч., стр. 84.

¹⁶ См. там же, стр. 214—215.

Автор же лишь делает отдельные частные выводы по разным группам слов, но не сводит их воедино, т. е. снова остается на почве отдельных фактов и не пытается представить систему склонения имен существительных во множественном числе. Лишь при известной систематизации и объединении выводов автора самим читателем выявляется, что окончание *-амь* в дательном падеже множественного числа по данным «Книги о ратном строе» последовательнее всего было известно для слов среднего рода: см. *словоамь*, *плечамь*, *копытамь* и многие другие (стр. 22); окончание *-омь* для этих слов встречается редко; для них обычным окончанием в творительном падеже является окончание *-ами*, в предложном падеже *-ахъ*, хотя довольно часто и *-бхъ*. Для слов со старой основой *-ѣ* окончание *-ямь* преобладает там, где на него падает ударение. В творительном падеже эти слова знают лишь окончание *-ыми*, за исключением формы *путями* (стр. 29); в местном падеже окончание *-яхъ* также выступает, если оно является ударенным.

Примечательно, что слова с суффиксом *-ин-* в дательном, творительном и местном падеже множественного числа представлены только в старых формах (стр. 21). Ср. дательный падеж: *германяномь*, *християномь*; творительный падеж: *филистямяны*, *боѣры*, *германяны*; местный падеж: *германѣхъ*, *християнѣхъ*, *бусурманѣхъ*¹⁴.

От слов мужского рода известны в равной силе и старые и новые формы; чаще других употребляется новая форма в творительном падеже. В отношении этих форм «Книга о ратном строе» представляет как материал, совпадающий с выводами, сделанными П. Я. Черных в книге «Язык Уложения 1649 года», так и отличный от них. Например, полностью совпадают данные о формах от слов с основой на *-ѣ*. Выводы о последовательности движения форм на *-амь*, *-ами*, *-ахъ*, о преимущественном распространении этих окончаний в словах среднего рода, данные о наибольшей податливости творительного падежа, отличаясь от выводов П. Я. Черных, смыкаются с выводами Б. И. Косовского в его кандидатской диссертации¹⁵.

Проф. П. Я. Черных в своем исследовании пишет: «Приведенные выше данные Уложения книги, казалось бы, позволяют думать, что в Москве существительные женского рода типа *записи* раньше и больше других подверглись воздействию существительных типа *исена*, *земля* в рассматриваемом отношении (т. е. в отношении распространения флексий *-амь*, *-ахъ* во множественном числе. — К. Г.)... Вслед за существительными женского рода типа *записи* новообразования на *-ам* и *-ах* появились в склонении существительных мужского рода с основой на мягкий согласный и на отвердевший и только в последнюю очередь — в склонении существительных мужского рода с основой на твердый согласный»¹⁶.

Б. И. Косовский, отмечая заметное преобладание новых окончаний в третьем типе склонения и принимая положение о том, что этот тип склонения мог явиться возможным очагом распространения окончаний *-амь*, *-ами*, *-ахъ*, отводит не меньшую роль также существительным среднего рода (типа *дело*, *поле*), причем «наиболее консервативным» в процессе усвоения новых окончаний, по его мнению, является дательный падеж мужского рода первого типа склонения. Творительный падеж на основании данных Б. И. Косовского можно считать наиболее податливым в этом отношении¹⁷.

Напомним, что Унбегаун в своем исследовании утверждает, что в языке Москвы в первой половине XVI в. в отношении форм на *-амь*, *-ами*, *-ахъ* тип-ѣ более консервативен, чем тип *-ѣ*. Таким образом, имеющиеся выводы по истории именного склонения в целом являются еще противоречивыми и нуждаются в дополнениях по другим памятникам московского происхождения, относящимся к XVII в.

На стр. 31—42 Хр. Станг подробно рассматривает тему о движении ударения при склонении имен существительных. Здесь собран и описан новый интересный материал, необходимый для историка русского языка. Отдельно рассмотрены случаи передвижения ударения на предлог. Было бы лучше, если бы при описании этого акцентологического материала имена существительные были разбиты по типам склонения, соответствующим русскому языку XVII в.

При рассмотрении склонения имен прилагательных (стр. 42—48) автор главным образом интересуется ударением в кратких формах и дает большой список кратких прилагательных, хотя и не исчерпывая при этом материал памятника. Говоря об употреблении кратких прилагательных, автор указывает на распространение сочетания инфинитива с дательным падежом краткого прилагательного: *бѣседу быти...* (стр. 42).

В обзоре форм полных прилагательных автор справедливо разграничивает формы именительного падежа на *-ой/ -ей* и на *-ий/ -ий*, определяет последние как славянизмы. Подобное разграничение он проводит и для форм родительного падежа женского рода: *-ья/ -ія...* (славянизмы), *-ье/ -ие* и *-ой/ -ей* (русские формы); непонятно при этом, почему

¹⁴ Ср. рассуждения об этих формах у Л. А. Булаховского в «Курсе русского литературного языка», т. II (Киев, «Рад. школа», 1953, стр. 143).

¹⁵ Б. И. Косовский, К истории именного склонения в русском деловом языке второй половины XVII в.

¹⁶ П. Я. Черных, указ. соч., стр. 296.

¹⁷ См. Б. И. Косовский, указ. соч., стр. 258.

без каких бы то ни было комментариев даны окончания родительного падежа прилагательных мужского рода: *-ого, -аго, -ого, -яго* (стр. 44).

Судя по приводимым формам, притяжательные прилагательные в краткой форме были живой категорией в XVII в. (стр. 45). Краткие формы сравнительной степени прилагательных в «Книге о ратном строе» употребляются и в функции предиката (стр. 47). В этих случаях прилагательное в сравнительной степени может сопровождаться местоимением *того, сею* в родительном падеже: *подобилъ себѣ скакати* — (стр. 47).

После прилагательных рассматриваются имена числительные — количественные, порядковые, дробные, собирательные и затем местоимения и наречия (стр. 49—60). Этот обзор важен и полнотой приводимых форм, и наличием указаний на место ударения.

Описанию глагольных форм проф. Станг не уделяет столько же внимания, сколько описанию имени существительного. Нет парадигм спряжения; автор только указывает, что окончания — те же, что и в современном литературном языке. Комментируя дублеты *-ши, -шь, -шь* во втором лице, автор определяет формы с окончанием *-ши* как славянизм, не указывая при этом, что одновременно эти формы являются и более архаическими в целом. Дублеты *-шь* и *-шь* не имеют морфологического значения. В описании материала интересны разговорные формы: *кудѣ хѣшь, похѣтъ, захѣшь*. Но, к сожалению, автор приводит их рядом с *похѣтъ, хѣшь, хѣшь* как равнозначные, безо всяких оговорок (стр. 61). Существенен материал из области ударения глагольных форм: списки глаголов с подвижным и неподвижным ударением (стр. 61—62), указание на широкое распространение глаголов с ударенной темой *-и* типа *взбудѣтъ, дересѣшь, положѣшь* и др. (стр. 63), констатация преимущественного сравнительно с современным русским языком распространения глаголов на *-ива, -ива* типа *приндѣвали* и с итеративным значением типа *быва, тружѣлись* (стр. 65—66).

При описании причастных форм автор интересуется главным образом местом ударения в этих формах. Он указывает, что суффикс *-анный* под ударением является, возможно, славянским в том случае, если форма потеряла свой глагольный характер: *основанную причину*. Для изучения вопроса об ударении интересен весь материал о причастиях (стр. 66—71).

В заметках по синтаксису автор приводит отдельные синтаксические конструкции без достаточного их анализа, например инфинитив с именительным падежом: *зимѣ прожить* (стр. 73), инфинитив с дательным падежом: *быти... плотникомъ* (стр. 74), винительный падеж при отрицании: *свѣтъ свой небаѣ* (стр. 74), творительный предикативный: *учинѣтъ ево покловъмъ барабѣникомъ* (стр. 75); он приводит случай употребления предлога *въ* с винительным падежом множественного числа при обозначении профессии: *...или в капитаны ... поставить*; рассматривает случаи употребления некоторых предлогов, например: *межь, после, кругом, по, на*. Более подробно рассматриваются сочетания числительных с существительными мужского, женского и среднего рода (стр. 78—83). Выбор синтаксических фактов случаен и не стоит в связи с ионичкой представить какую-либо часть синтаксической системы.

В конце исследования имеется небольшой словарь. Помещенные здесь слова выбраны случайно, на что указывает и автор работы (стр. 83).

Подводя итог всему сказанному, следует признать, что книга проф. Хр. Станга содержит разнообразный материал, извлеченный из памятника русского языка XVII в. Книга будет полезна историкам русского языка именно этим фактическим материалом, особенно данными, имеющими значение для истории русского ударения. Однако исследованием охвачен, к сожалению, не весь материал, не все факты памятника. В том случае, когда те или иные примеры казались автору мало интересными, совпадающими с аналогичными фактами современного русского языка, Хр. Станг приводит их неполно.

В целом изложение материала представляется нам недостаточно углубленным и не отвечающим всем тем методологическим требованиям, которые можно предъявить в настоящее время к лингвистической монографии, посвященной изучению языка памятника письменности. Здесь нет четкого разграничения фактов живого языка и языка деловой письменности, не охарактеризован определенно тот живой язык, который лежит в основе памятника. В работе нет достаточно развернутой оценки извлеченных из текста фактов, не создается представления не только о системе языка XVII в., но и о системе языка данного памятника. Не систематизированы и многочисленные факты, свидетельствующие о системе русского ударения XVII в., хотя характер приведенных фактов свидетельствует о необходимости новых исследований по истории русского ударения.

В последние десятилетия, вследствие хозяйничанья Н. Я. Марра и его «учеников» в области теоретической лингвистики, не появилось исследований по акцентологии. Представителями «нового учения» о языке подобные работы рассматривались как чисто «формалистические». Лишь в работах Л. А. Булаховского уделялось внимание фактам по акцентологии как русской, так и других славянских языков.

Выход в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в котором получили дальнейшее развитие и конкретизацию важнейшие положения марксистско-ленинской науки о языке как исторической категории, поставил перед языковедами

задачу научного воссоздания исторического развития языка во всех звеньях его структуры, в том числе и в области акцентологии. При решении вопросов русской исторической акцентологии внимательное отношение к данным памятника должно быть дополнено исследованием ударения в современных говорах. «Проверка современных наблюдений точным изучением системы ударения отдельных памятников, проверка показаний памятников современными наблюдениями — одинаково необходимы...»¹⁸. Подобная работа должна строиться на широком фоне сравнительно-исторического изучения прежде всего фактов славянских языков, а также с привлечением данных из других родственных индоевропейских языков. От такого сравнительно-исторического плана отказался, к сожалению, автор рецензируемой монографии.

К. В. Горикова

О НОВЫХ КНИГАХ ПО КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

В течение 1952—1953 годов наши областные и государственные издательства выпустили несколько брошюр, посвященных культуре речи: Б. Н. Головина «О культуре речи», В. Д. Кудрявцева «Культура речи» и Н. Н. Стаховского «Вопросы культуры русской речи»¹. Само появление этих книг показательное: оно свидетельствует о том, что назрела необходимость создать хорошее научно-популярное пособие, которое соединило бы общедоступность изложения с научной точностью и правильностью освещения вопросов языковой нормы. Как же выполняют эти требования рецензируемые книги?

Прежде всего, следует указать на общий их недостаток, присущий и ранее выходившим работам по этим вопросам: в брошюры включены разделы, которые по существу не имеют прямого отношения к основной проблеме, сформулированной в их заглавиях, — к культуре речи. Во-первых, все рецензируемые книги включают разделы о богатстве русского языка, о его выдающихся качествах, силе, выразительности, о его мировом значении и т. п. Однако общая характеристика русского языка, в большинстве случаев представляющая собой подборку цитат из высказываний классиков марксизма-ленинизма и русских писателей, имеет лишь косвенное отношение к тому вопросу, который должен быть основным для авторов этих книг, т. е. к вопросу о путях овладения нормами литературного языка и выработки навыков хорошей, выразительной речи. Во-вторых, авторы часто включают в свои работы разделы, посвященные таким вопросам, которые уводят читателя далеко в сторону от основной проблемы. Особенно ярко это проявляется в брошюре Н. Н. Стаховского, в которой 70 страниц (из общего количества 140) занимает раздел «Методы умственного труда и способы работы над содержанием и формой письменной речи». Раздел этот содержит ряд методических указаний по работе над книгой, по подготовке к докладу и самому выступлению с докладом и т. д.; автор излагает здесь правила чтения книги, говорит о том, что мешает успешному восприятию прочитанного, о способах обработки изучаемого материала (составление выписок, планов, конспектов, тезисов и т. д.). Значительное место отведено описанию методов умственного труда классиков марксизма-ленинизма, их работ над книгой. Ясно, что все это не имеет непосредственного отношения к культуре речи, т. е. к умелому, свободному, творческому владению словарными, грамматическими, орфоэпическими, стилистическими нормами литературного языка.

В книге Б. Н. Головина много говорится о правдивости, искренности, честности речи. Это тоже не имеет прямого отношения к проблемам культуры речи как к проблемам собственно языковым.

Итак, один общий недостаток разбираемых книг по культуре речи — насыщение их материалом, не имеющим прямого отношения к поставленной проблеме. Другой, тоже общий их недостаток — отсутствие четкого определения самого понятия «культура речи», всего круга встающих здесь проблем. Авторы всех названных книг много пишут о «правильном» и «неправильном» в языке, но ни один из них не подходит к понятию

¹⁸ А. Шахматов, К истории сербско-хорватских ударений, Варшава, 1888, стр. 1.

¹ Б. Н. Головин, О культуре речи. Научно-популярный очерк. Вологда, Вологодск. обл. изд-во, 1953, 93 стр.; В. Д. Кудрявцев, Культура речи, Иркутск, Иркутск. обл. гос. изд-во, 1952, 53 стр. (Науч.-попул. б-чка); Н. Н. Стаховский, Вопросы культуры русской речи, Киев, «Рад. школа», 1952, 142 стр.

«правильной» и «неправильной» речи исторически, не определяет, что же такое многообразные языковые нормы в их исторически сложившейся системе. Отсюда — смешение, понимание как равно «ошибочных» таких фактов, как, с одной стороны, единичные, хотя и типические нарушения существующей литературной нормы и, с другой стороны, вполне «правильная» диалектная речь²; объединение в общей рубрике «ошибки», с одной стороны, новых, развивающихся норм словосочетания, с другой — неправильного словоупотребления³ или явных искажений литературной речи. Отсюда же иногда — субъективные, порой ошибочные рекомендации (см. ниже).

Наконец, — последнее по порядку, но не по важности — общим слабым местом всех названных брошюр является наличие ошибок в освещении теоретических вопросов языкознания. Этот недостаток особенно ясно выступает при анализе брошюры Б. Н. Головина (может быть, именно потому, что она более теоретична, чем две другие).

e

В брошюре Б. Н. Головина есть специальный раздел о марксистском понимании языка, посвященный изложению вопросов общего языкознания. Здесь уделяется большое внимание вопросам марксистского понимания языка, говорится о специфике языка в отличие от других общественных явлений, излагается учение И. В. Сталина об основном словарном фонде и словарном составе языка. Изложение этих вопросов занимает примерно четвертую часть работы. Однако в рассуждениях Б. Н. Головина по вопросам общего языкознания есть спорные и неточные положения.

Прежде всего вызывает возражение настойчиво проводимое автором искусственное разделение языка и речи, которое восходит к теориям, противопоставляющим язык как систему определенным образом организованных средств выражения и речь как индивидуальное и не являющееся системой использование языка во всех многообразных случаях «говорения». Принимая противопоставление языка и речи, Б. Н. Головин, однако, и в речи видит систему (стр. 22, 23, 32, 43, 44 и др.)⁴. Он пишет: «Речью называется система средств языка, использованных или используемых для выражения конкретного содержания отдельных литературных произведений, научных, публицистических и деловых сочинений, общественных выступлений, бытового разговора и пр.» (стр. 43). И дальше: «Все эти отобранные для выражения конкретного содержания языковые средства образуют систему, или речь» (стр. 44). Здесь между «системой» и «речью» ставится знак равенства. Однако читателю неясно, в чем же проявляется системный характер речи, например, отдельного бытового разговора, письма и т. п. Приняв в значительной степени искусственное противопоставление языка и речи, Б. Н. Головин решил «подправить» его положением о речи как системе. Но в таком случае это противопоставление оказывается неопытным, так как система речи (т. е. индивидуального использования языка) полностью опирается на систему языка; автор не доказал, да и не мог доказать наличия в языке множества особых систем — систем речи, индивидуального «говорения». Впрочем, противопоставление языка и речи в книге Б. Н. Головина оказалось часто внешним: в главе «Речь и ее основные качества» автор пишет о нормах языка.

Искусственным является и выделение двух основных функций языка: функции средства общения и функции выражения мысли (стр. 23). Б. Н. Головин пишет: «Язык есть орудие обмена мыслями, а второе основное назначение (функция) языка состоит в том, чтобы быть средством обмена мыслями» (стр. 23). Но в чем же различие этих функций? Разве выражение мыслей одновременно не есть уже общение? Выражая мысль в целях общения, язык выполняет свою основную — коммуникативную функцию. Б. Н. Головин разделил ее на две лишь для того, чтобы через несколько строк признать, что обе эти функции «неразрывны и взаимно предполагают друг друга, т. е. не существуют в отрыве одна от другой» (стр. 23), иными словами, что основная функция языка — выражение мыслей в целях общения.

В теоретической части брошюры много неточностей. Так, например, странно выглядит изложение системы значений слов *дом* и *дорога* (стр. 33); очевидно, автор сам составил эти словарные статьи (он не ссылается на словари); однако в предложении им «системе» значений беспорядочно смешивается значение слова с его употреблением. Очень неточны сведения об ударении слов в предложении (стр. 41), а также определение интонации (стр. 43). Неопытно, что понимается под синонимами (стр. 44). Неточно формулируется определение основы слова (стр. 28). Вопрос о стилях речи (стр. 86 и сл.), который мог бы занять больше места в книге по культуре речи, изложен фрагментарно. Кроме того, принимаемый автором жанровый подход при выделении стилей не

² Ср.: Б. Н. Головин, указ. соч., стр. 84—85; В. Д. Кудрявцев, указ. соч., стр. 33.

³ Ср. Б. Н. Головин, указ. соч., стр. 85.

⁴ Здесь и в дальнейшем в тексте в скобках даются ссылки на страницы рецензуемых книг.

опирается на факты языка. Неубедительны и приводимые Б. Н. Головиным иллюстрации, так как в них многое объясняется не требованиями языкового стиля, а условиями жанра или самим содержанием произведения.

Вопросам собственно культуры речи в книге Б. Н. Головина посвящен раздел об основных качествах «хорошей речи», о требованиях, которым должна удовлетворять эта речь. Однако само понятие «хорошая речь» оказывается очень расплывчатым и неопределенным, так как сюда включается не только точность, чистота, выразительность и правильность речи, но и ее правдивость, искренность и т. п. Таким образом, в своем понимании «хорошей речи» автор не разграничивает четко форму речи и ее содержание: ведь такие качества речи, как правдивость, искренность, убежденность, не имеют отношения к культуре речи, если понимать под этим высокую степень овладения всеми многообразными нормами литературного языка. Сбивчивое понимание «хорошей речи» мешает автору четко поставить вопрос о том, какое собственно языковедческое понимание следует вкладывать в термин «культура речи».

Вопросу о правильности речи отведено чуть ли не последнее место, тогда как в работе по культуре речи этому должно было бы быть уделено основное внимание. Точность, простота, чистота речи, ее логичность и правильность определяются уменьшением использовать словарные, грамматические, орфоэпические и стилистические нормы языка. Но, как мы уже отмечали выше, об этих нормах и о путях овладения ими в книге Б. Н. Головина почти ничего не говорится. Не попытавшись научно решить вопрос о языковой норме, автор ограничился общими указаниями на необходимость пользоваться словарями и справочниками, что «...предоставляет возможность людям хорошо овладеть знаниями и навыками в области правильной речи» (стр. 85).

Недостатком работы является излишнее многословие, пристрастие к «красивостям», которые не украшают книгу⁵.

Несмотря на отмеченные серьезные недостатки, следует признать, что научный уровень работы Б. Н. Головина все же значительно выше того уровня, на котором находятся брошюры В. Д. Кудрявцева и Н. Н. Стаховского.

В брошюре В. Д. Кудрявцева вопросам культуры речи посвящен только последний раздел: «Совершенствование речи». Здесь рассматривается вопрос о лексических, грамматических, орфоэпических и орфографических нормах; однако автор ограничивается лишь отдельными указаниями о возможности или недопустимости употребления в языке тех или иных слов и выражений, того или иного произносительного варианта.

Во вводной части читатель находит общие замечания об историческом характере языковых норм. Но эти положения имеют декларативный характер: они, например, никак не учитываются при рекомендации конкретных произносительных норм. Так, автор безоговорочно рекомендует старомосковское произношение окончаний прилагательных на *-ий*, *-ий*, *-ий* с твердым заднеязычным, ничего не говоря о том, что в современном языке эта норма активно вытесняется другой, более близкой к написанию. Неверно также замечание В. Д. Кудрявцева о долгом произношении двойных согласных в словах *ассоциация*, *коллегия* (стр. 46). Нельзя согласиться и с тем, что в словах *концерт*, *поэт*, *форпост* в предударном слоге «о» произносится отчетливо» (стр. 45).

Неясно представляет себе автор и систему словарных норм языка, пути ее изменения. Говоря о злоупотреблениях аббревиатурами «в современном русском языке», В. Д. Кудрявцев приводит примеры из ... списка абонентов телефонной сети г. Иркутска за 1947 г.: АУРП, МЭП, ИДРС, ГУГК и др. Какое отношение имеют эти местные условные сокращения к словарному составу общенародного литературного языка?

В работе много небрежных формулировок, а иногда и прямых ошибок. Так, например, из высказываний автора можно сделать вывод о том, будто бы русский литературный язык, его нормы создаются искусственно, только в результате деятельности образованных людей. Автор пишет: «На протяжении последних двух столетий нормы литературного языка любовно обрабатываются и шлифуются. Существующие нормы — результат упорного труда многих поколений русских образованных людей» (стр. 6). По мнению автора, образованным людям, ученым принадлежит первое место не только в обработке норм языка, но и в создании новых слов: «Новые слова создают ученые, писатели, общественные деятели и народ в целом» (стр. 29). Небрежность формулировки дает читателю повод сделать ошибочный вывод о том, что роль народа в развитии языка и его норм незначительна по сравнению с ролью отдельных личностей.

На стр. 21 В. Д. Кудрявцев пишет, что в языке как средстве общения «различаются две важных стороны: словарный состав и грамматический строй»; звуковая сторона языка, таким образом, «ликвидируется». Неясно, почему же тогда автор дальше пишет о произносительных нормах языка.

⁵ См. рец. Н. Прянишникова в газ. «Известия» 23 VI 53.

На стр. 9 читаем: «Русский литературный язык продолжал развиваться, главным образом, на основе своих богатых грамматических средств (суффиксов, приставок, словения слов и др.)». Богатые грамматические средства русского языка здесь сведены только к средствам словообразования.

Говоря о словарном составе и основном словарном фонде, В. Д. Кудрявцев пишет: «Возникает проблема правильного отношения к тем категориям слов, которые находятся за пределами основного словарного фонда, т. е. в словарном составе» (стр. 23). Получается, что основной словарный фонд находится за пределами словарного состава языка. За пределами основного словарного фонда, по мнению автора, остаются все слова иноязычного происхождения, даже такие, как *деньга*, *мастер* и подобные.

Путаные сведения сообщает автор об отношениях литературного языка и диалектов (стр. 5, 26), о роли писателя в истории развития общепородного языка (стр. 11—12), о синтаксической системе языка (стр. 34). На стр. 34 говорится: «У каждого человека вырабатывается своеобразная, отличная от других, манера выражать мысли. Эту совокупность типов предложений⁶ принято называть с л о г о м» (разрядка наша.—*Авт.*). Такое безответственное определение одного из сложнейших понятий современной стилистики⁷ выглядит более чем странно.

Небрежность формулировок порождает фактические неточности, ошибки. Например, автор пишет, что И. В. Сталин в работах по языкознанию дал развернутую программу преподавания языка (стр. 21). Известно, что товарищ Сталин в своих работах по языкознанию вообще не ставил вопросов преподавания языка.

Брошюра Н. Н. Стаховского состоит из предисловия, пяти глав и небольшого словаря, включающего слова, в которых, по мнению автора, наиболее часто допускается неверное ударение.

В предисловии говорится о задачах работы и раскрывается содержание термина «культура речи». Автор понимает культуру речи как «... правильное использование богатств общепородного языка для точного, доходчивого и выразительного изложения мысли» (стр. 4). Культура речи предполагает, по мнению автора, «правильное использование словарного состава и грамматического строя языка», знание «особенностей стилистического словоупотребления», «приемов стилистического синтаксиса», правил произношения. В культуру речи автор включает и умелое применение образно-эмоциональных средств языка, поскольку образность и эмоциональность изложения мысли облегчают ее понимание и усвоение. В процессе изложения в круг рассматриваемых вопросов автор вовлекает также вопрос о методах работы над книгой, подготовки доклада и устного выступления, организации рабочего дня и др.

Выше уже отмечалось, что из поля зрения Н. Н. Стаховского (как и других авторов) выпадают такие вопросы, которые должны были бы быть основными в его работе. Н. Н. Стаховский не раскрывает того, что положено им в основу определения культуры речи — понятия правильности. Остается неясным, что значит правильное использование словарного состава и грамматического строя языка, в чем состоит «знание особенностей стилистического словоупотребления» и «приемов стилистического синтаксиса».

Как уже отмечалось, в брошюре содержится много лишнего материала. Не нужен в том виде, как он дан здесь, раздел «Образные и эмоциональные средства языка». Образные средства языка рассматриваются Н. Н. Стаховским не в лингвистическом, а в литературоведческом плане. Используя материалы главы о тропах из «Теории литературы» проф. Л. И. Тимофеева, а также материалы статьи К. И. Былинского «Практическая стилистика языка газеты»⁷, автор сообщает элементарные и в то же время путаные сведения о тропах и их видах, иллюстрируя их употребление случайными примерами из произведений некоторых писателей. Читатель, который захочет найти в книге Н. Н. Стаховского практические указания по стилистике, получит вместо них отрывочные и бессистемные сведения об эпитетах у Горького, о иронии и сарказме, о развернутых сравнениях в произведениях И. В. Сталина, о пословицах и загадках и т. п. Можно было бы примириться с этим лишним, загромождающим книгу материалом, если бы в нем не было большого количества самых грубых ошибок. Ошибочны сообщаемые автором сведения о переносных значениях слова, смешивающие явления переносного значения и омонимии (стр. 95—96 и 98—99); произвольная терминология (что, например, имеет в виду автор под «значимыми частями речи» на стр. 99); неверное толкование многих явлений языка (ср., например, отнесение к метафорам целого ряда пословиц и поговорок на стр. 100—101); совершенно не оправданное расширение поня-

⁶ Перед этим сообщается, что «в своей речевой практике мы пользуемся разнообразными типами простых и сложных предложений...»

⁷ Л. И. Тимофеев, Теория литературы, М., Учпедгиз, 1948; К. И. Былинский и К. И. Тимофеев, Практическая стилистика языка газеты, в кн. «Язык газеты», М.—Л., Гос. изд-во легкой промышленности, 1941, стр. 136—352.

тия «эпитет», в результате чего в эпитеты попадают, например, такие вещи: *Великая Октябрьская социалистическая революция*; *Пора, дитя мое, вставай!*; *Что ты такой кислый?*; *Видала ты, Ниночка, такого обалдую?* (выделенное курсивом, по мнению Н. Н. Стаховского, — эпитеты)⁸.

С другой стороны, в брошюре очень мало материала, имеющего непосредственное отношение к вопросам культуры речи. Из пяти разделов книги прямое отношение к этим вопросам имеют лишь два: раздел III — «Правильность письменной речи» и раздел V — «О правильном русском литературном произношении и ударении». Раздел I — «Значение борьбы за культуру русской речи» имеет довольно общий характер: в первой его части автор, исходя из понимания языка как средства общения из признания неразрывной связи языка и мышления, обосновывает необходимость борьбы за эффективность и действенность языка как орудия общения — за смысловую точность, правильность и выразительность речи; во второй части приводятся известные высказывания классиков марксизма-ленинизма и русских писателей о богатстве, мощи и выразительности русского языка, о необходимости изучать и беречь его.

В разделе о правильности письменной речи, занимающем всего 6 страниц (из общего количества 140), вслед за несколькими цитатами из работ В. И. Ленина и М. Горького приводятся случайные примеры ошибок, встречающихся при построении предложений, указывается, в чем именно состоит ошибка, и дается правильное, с точки зрения автора, построение соответствующего предложения.

Подобный раздел в книге о культуре речи мог бы представлять большой интерес, если бы он заключал в себе более или менее систематическое рассмотрение типических ошибок и соответствующие правила, знание которых обеспечит успешное преодоление этих ошибок. К сожалению, в брошюре Н. Н. Стаховского читатель находит случайно собранный и бессистемно расположенный материал. Сами же рекомендации автора часто никак не обоснованы, а формулируемые им правила во многих случаях неточны. Так, в качестве примера ошибки в согласовании подлежащего и сказуемого приводится предложение: «Большинство членов колхоза перевыполнили свои задания в два раза» (стр. 90), где, по мнению автора, сказуемое может иметь только форму единственного числа. Однако в тех случаях, когда в состав подлежащего входит имя существительное со значением лица, в литературном языке зарегистрированы колебания в употреблении формы сказуемого. Как безусловная ошибка квалифицируется употребление в форме именительного падежа названия города в следующем предложении: «Недалеко от города Иркутск мы остановились на ночлег», а также употребление в форме именительного падежа фамилий в предложении: «Самолеты, пилотируемые Концевич, Бабичук и Нехода, сделали посадку на Киевском аэродроме». На самом деле вопрос об употреблении той или иной падежной формы здесь сложнее, и употребление форм именительного падежа объясняется здесь не просто незнанием грамматики; автору следовало бы остановиться на специальных для этих случаев нормах согласования в языке военной и географической литературы, а также в некоторых официальных документах. Слово сочетание *план по лесозаготовкам* Н. Н. Стаховский считает безусловно ошибочным. Однако это — продуктивный тип словосочетаний (ср. *меры по улучшению чего-нибудь* и т. п.).

Указывая на ошибки в построении предложений, автор приводит пример: «Меня со всех сторон обступили сосны, лиственные деревья, ели, дубы, стройные березы». Ошибка здесь, по мнению автора, заключается в том, что смешаны в один ряд родовые и видовые понятия. Однако ошибка эта может быть отнесена к логической стороне высказывания, а с точки зрения грамматики это предложение вполне правильное.

Можно привести и другие примеры неточностей и неправильностей, нашедших себе место в главе о правильности письменной речи.

Глава «О правильном русском литературном произношении и ударении» посвящена, в основном, вопросу о произношении; в разделе об ударении указывается только на подвижность русского ударения и приводится список словарей. Раздел, посвященный вопросам литературного произношения, содержит лишь некоторые практические рекомендации, которые полностью опираются на старые московские произносительные нормы.

Не обосновав самого понятия языковой нормы как исторически развивающегося явления, Н. Н. Стаховский ничего не говорит и об изменениях произносительных норм современного русского литературного языка, о существовании колебаний и о наличии произносительных вариантов. Он рекомендует своим читателям устаревшие нормы: произношение мягких зубных (или переднеязычных) *т, д, с, з* и перед мягкими губными (в современном языке проявляется несомненная тенденция к отвердению этих звуков); только твердое произношение *г, к, х* в основах имен прилагательных (*тигый, кротгый,*

⁸ Следует признать, что критика этого раздела брошюры Н. Н. Стаховского, содержащаяся в рецензии Н. В. Суrowой в журн. «Українська мова в школі» (Киев, 1953, № 5) является недостаточной. Вообще вряд ли можно согласиться с данной в этой рецензии общей оценкой книги Н. Н. Стаховского.

строгий); произношение *о* в первом предупредном слоге в словах *отель, поэзия, коттедж* и др. Странно выглядит предупреждение о недопустимости произношения звука *а* в первом предупредном слоге в слове *полпред*: ведь это русское сложносокращенное слово («полномочный представитель»).

В книге смешиваются понятия звука и буквы (стр. 125, 128 и др.).

Вызывают замечания и некоторые из рекомендованных автором ударений. Иногда даются устаревшие ударения, основанные на данных «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, например, *диагно́з*. Слова *блindaж, выраж, шантанж* предлагаются склоняться с ударением на основе (*блindaжа, выра́жа, шанта́жа*), в то время как эти слова, как и ряд других имен на *-аж* с односложным корневым элементом, в современном языке употребляются с ударением на флексии во всех падежных формах: *блindaжé, выражé, шантажé*. Вызывают возражения как устаревшие и некоторые из рекомендованных ударений в глагольных формах. Например, предлагается произносить ряд возвратных глаголов прошедшего времени с ударением на *-ся*: *отда́лся, переда́лся, собра́лся*, вместо широко употребительных в современном языке *отда́лся, переда́лся, собра́лся*.

В ряде случаев не отмечается, что различие в ударении связано с разными значениями слова, например: *хаос* — бесформенная материя, существовавшая, по легендам, до сотворения мира; *хаос* — беспорядок; слово *ступень* в современном языке употребляется с разным ударением в косвенных падежах множественного числа в зависимости от значения: *ступе́нь, ступе́ней* — часть лестницы и *ступе́нь, ступе́нь* — ступень, стадия развития чего-нибудь.

В работе Н. Н. Стаховского безоговорочно рекомендуется старая форма именительного падежа множественного числа мужского рода *ла́гери*. Однако здесь возможны две формы — *ла́гери* и *лаге́ря*, что связано с различием значений: *лаге́ря* — военные, пионерские и *ла́гери* — политические группировки.

Следует также отметить и технические недостатки подачи материала в словаре: в некоторых случаях не приводится именительный падеж существительного, а даются лишь косвенные падежи (например, *лápтя, лápтлю*). Допущена неточность в примере перехода ударения на предлог в выражениях *на два, на три*: автор пишет «и т. д.», хотя уже сочетание со следующим числительным (*на четы́ре*) нельзя произнести с ударением на предлоге. Кроме того, в словаре не всегда соблюдается алфавит.

В рассматриваемой главе есть ряд неверных или неточных формулировок. Так, автор пишет, что «русскому литературному языку, как и другим литературным языкам, свойственны не только общепринятые нормы правописания, но и произношения» (стр. 123). На основании этого высказывания можно сделать вывод, что никаких других норм в русском языке нет.

Говоря о русской орфоэпии и ее источниках, Н. Н. Стаховский утверждает, что «русский язык сложился и вырос на базе курско-орловского диалекта» (стр. 123). Это утверждение неправильно, так как курско-орловский диалект, как указывает товарищ Сталин, лег в основу русского национального языка.

*

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что во всех рассмотренных работах есть один общий недостаток: у их авторов нет ясного представления о том, что следует понимать под «культурой речи». Этим определяется отсутствие четкого выделения основных проблем, непосредственно относящихся к понятию культуры речи. Отсюда — заполнение книг лишним, не относящимся к делу материалом, ошибки и неясности в освещении многих первостепенных вопросов.

Отклики на статью С. И. Ожегова «О культуре речи»⁹, полученные редакцией «Литературной газеты», а также многочисленные письма, поступающие в Сектор культуры речи Института языкознания АН СССР, свидетельствуют об огромном интересе к вопросам культуры речи. Советская общественность нуждается в практическом, доступном для широких масс, теоретически обоснованном пособии, где было бы дано строго научное и четкое понимание языковой нормы, проверенные и точные рекомендации. К сожалению, приходится признать, что рассмотренные брошюры не могут удовлетворить потребность советских людей в таком научном руководстве. Поэтому создание общедоступного пособия по культуре речи продолжает оставаться неотложной задачей советских языковедов.

В. Л. Воронцова и А. И. Сумкина

⁹ С. Ожегов, О культуре речи, «Лит. газета» 10 II 53.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВАЯ ПЕЧАТНАЯ ГРАММАТИКА ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА

(К трехсотлетию издания грамматики Д. Клейна)

Марксистское языкознание придает большое значение изучению и переизданию памятников древней письменности, так как грамматический строй и словарный состав современного языка могут быть правильно поняты лишь в свете истории языка. Изучение древних письменных памятников является особенно важным для советской лингвистики, перед которой стоят такие ответственные задачи, как создание первой научной грамматики современного языка, а в дальнейшем — и полной исторической грамматики литовского языка.

Наряду с церковной литературой, из которой состоит литовская письменность древнейшего периода (XVI—XVII вв.), особый интерес представляет первая литовская грамматика Д. Клейна, содержащая множество важнейших сведений по литературному языку и диалектам того времени. Грамматика была издана в 1653 г. на латинском языке под заглавием: «Grammatica Litvanica Mandato et Autoritate Serenissimi Electoris Brandenburgici adornata, et praeiviâ Censurâ primûm in lucem editaâ M. D. a n i e l e K l e i n, Pastore Tils. Litv. Praemissa est ad Lectorem Praefatio non minus utilis, quàm necessaria. Cic. de Clar. Orat. Nihil simul est et inventum et perfectum. Regiomonti, Typis et sumptibus Johannis Reusneri, Anno *χριστογονίας* 1653». В 1654 г. эта грамматика была переиздана в сокращенном виде на немецком языке: «M. D a n i e l i s K l e i n i i Compendium Litvanico-Germanicum Oder Kurtze und gantz deutliche Anführung zur Littauschen Sprache, wie man recht Littausch lesen, schreiben und reden sol. Cum Privilegio S. R. M. Pol. et Seren. Elect. Brandenb. Königsberg, Gedruckt und verlegt durch Johann Reusnern, 1654».

Издание первой литовской грамматики в Восточной Пруссии не является случайностью. В XVI в. и в последующие столетия северо-восточная часть Восточной Пруссии до рек Дейма и Алла на западе и до реки Голдана на юге была заселена литовцами. Последовательно проводимая германизация и жестокий экономический и политический гнет, запечатленные в классической поэме Донелайтиса «Времена года», привели к тому, что границы распространения литовского языка отодвигались все дальше и дальше на северо-восток. Лишь в Клайпедском крае, возвращенном литовскому народу после Великой Отечественной войны, сохранилось литовское население до настоящего времени.

В Восточной Пруссии были напечатаны первые литовские книги: «Katechismus Prasty Szadei» (М. Маживидаса (1547), «Enchiridion» Б. Виленгаса (1579), «Postilla» И. Бреккунаса (1591) и др. Зарождение литовской письменности в Восточной Пруссии связано с введением лютеранства (1525), в котором прусские феодалы, наследники Тевтонского ордена, усмотрели новое оружие в борьбе против крепостного крестьянства, восставшего в 1525—1528 гг. При помощи лютеранской церкви прусские феодалы стремились не только отвлечь угнетенных литовских крестьян от классовой борьбы, но также порвать их связи с Великим княжеством Литовским. Всячески способствуя пропаганде лютеранства среди литовского населения, прусские князья заботились о подготовке протестантских священников для литовских приходов Восточной Пруссии. Возникла необходимость в учебном пособии по литовскому языку для пасторов немцев, направляемых в литовские районы. Первым таким пособием и явилась «Grammatica Litvanica» Д. Клейна. В предисловии автор прямо указывает, что его труд предназначен для тех, «кто стремится к церковной должности и желает в будущем учить необразованный народ на родном языке» (стр. XIX)¹.

Узко практические цели грамматики Клейна, предназначенной для священников и студентов богословия, хорошо знакомых с латинской грамматикой, определяют ха-

¹ Здесь и в дальнейшем (в примерах) в тексте в скобках даются ссылки на страницы грамматики Д. Клейна.

раक्टर этого труда. Клейн опускает определения отдельных терминов, считая, что его читатели знакомы с ними по латинской грамматике. При составлении своего труда он взял, по всей вероятности, за образец одну из грамматик латинского языка, по которым изучался этот язык в то время в Кенигсбергском университете, готовившем лютеранских священников для Восточной Пруссии. Возможно, что образцом для грамматики Клейна являлась распространенная в XVII в. книга Финка-Хельвига («Grammatica Latina Studio et opera Casparii Finkii et Christophori Helvici... Giessae Hessorum, 1615»). Об этом свидетельствует то, что «Grammatica Litvanica» состоит, так же как и труд Финка-Хельвига, из двух основных частей — этимологии и синтаксиса, в то время как грамматики XVI—XVII вв. чаще всего содержат четыре раздела: орфографию, просодию, этимологию и синтаксис². Не случайным является, очевидно, и то, что Клейн причисляет к категориям имени лицо, что имеет место только в труде Финка-Хельвига и некоторых менее распространенных грамматиках немецкого языка XVII в.³ Вопрос об отношении труда Клейна к латинским и немецким грамматикам того времени требует дальнейшего изучения.

Первая часть труда Клейна — этимология — начинается с рассмотрения звуков литовского языка. Предложив алфавит из 22 букв [á a á/q, b, cĕ cz, d, é e ě ě, (f), g, (h), i y ĭ, k, l l, m, n, o, p, r, s š ŝ, t, u ū w, (x), z ŝ], Клейн переходит к объяснению их чтения и дает классификацию звуков. Все звуки делятся на гласные и согласные, а гласные, в свою очередь, — на простые и сложные (т. е. дифтонги). В сложных гласных Клейн выделяет собственно сложные (prorgiaae): ai, ay, au, ei, io (iŭ), другие же являются, по его мнению, несобственно сложными (improrgiaae): ia, ie, io, iu. Согласные классифицируются по месту образования как небные (g, k), язычные (d, t, l, n, ě), губные (b, p, f, m, w) и зубные (c, s, š, z ŝ). В дальнейшем Клейн рассматривает звуковые расхождения диалектов, такие фонетические изменения, как контракция, синкопа, метатеза, и переходит к рассмотрению акцентов, переносу механически традиционное учение об акцентах греческого языка на литовский язык. Затем следует разбор отдельных частей речи, причем словоизменение и словообразование рассматриваются как явления одного порядка, т. е. как акциденции отдельных частей речи. Не отделяя существительного от прилагательного, Клейн устанавливает пять склонений имени: I склонение — имена мужского рода на -as, -is, -ys [ponas (31), mielas (33), liežuvis (32), didis (32) «господин», «милый», «язык», «большой»], II склонение — существительные преимущественно женского рода на -a, -ia, прилагательные женского рода на -i [dūna (42), sudžia (42), teisi (43) «хлеб», «судья», «правая»], III склонение — существительные и прилагательные на -ė, существительные на -is [gisme (47), dide (47), ausis (47) «песня», «большая», «ухо»], IV склонение — имена мужского рода на -us [vaisus (50), gražus (50) «плод», «красивый»], V склонение — существительные на -ė (род. падеж -ers), -uo [mote (53), piemi (54) «жена», «пастьух»]. К последнему склонению Клейн относит все причастия действительного залога [kalbas (56), kalbėjęs (57), kalbesęs (58) «говорящий», «говоривший», «тот, который будет говорить»].

После таблиц склонений следуют рассуждения о роде имен, а затем глава об именном словосложении и словопроизводстве («De nominis specie et figura»). Здесь имена классифицируются как простые и производные (Primitiva et Derivata), производные же делятся на: 1. Образованные от имен: а) притяжательные (Poffeřiva), например Lietuwnikas «литовец» от Lietuwa (65) «Литва»; б) обозначающие отчество (Patronymica), например Adomaitis «сын Адама» от Adomas (65) «Адам»; в) уменьшительные (Diminutiva), например waikėlis «сын» от waikas (65) «сын»; г) отыменные (Denominativa), например teisybe «правда» от teisus (66) «правый» и 2. Образованные от других частей речи: а) отглагольные, например kalba «язык» от kalbu (67) «говорю»; б) образованные от причастий, например esybe «сущность» от esęs (68) «сущий»; в) образованные от наречий, например tolus «отдаленный» от toli (68) «далек». После раздела о неправильных именах, в котором рассматриваются singularia et pluralia tantum, неправильные образования множественного числа и др., следует «Приложение о числительных», а затем раздел о местоимениях. Классифицируя местоимения по двум признакам — по значению и по качеству, Клейн выделяет по значению указательные [aę, tu, þis (76) «ты», «этот»], относительные [jis, pats (76) «он», «сам»], взаимные [savas, savas (76) «себе», «свой»], вопросительные [kas, kieno (76) «кто», «чей»], притяжательные [manas, tavas (76) «мой», «твой»], родовые (gentilia) [musiškas (76) «наш»], а по качеству — отделяемые (separabilia), куда относятся все перечисленные местоимения, и неотделяемые (inseparabilia), например частицы mi, si (76), простые (simplicia), например ans (76) «тот», и сложные (composita), например þittas (76) «этот» из þis «этот» и tas «тот».

Особенно много места отведено глаголу (главы с XIV по XX — 50 страниц). После рассмотрения восьми акциденций глагола Клейн устанавливает три спряжения, исходя из суффикса основы будущего времени. К I спряжению он относит глаголы, ко-

² См. М. Н. J e l l i n e k, Geschichte der neuhochdeutschen Grammatik von den Anfängen bis auf Adelung, II Halbband, Heidelberg, 1914, стр. 5.

³ Там же, стр. 180.

торые не имеют в будущем времени суффикса основы, типа *wadinnu* (92) «называю»; ко II спряжению — глаголы, имеющие в будущем и, частью, в прошедшем времени «аугмент», т. е. суффикс основы, *-e-*, *-y-*, *-o-* [*regeti* (108), *sakuti* (112), *žinoti* (115) «видеть», «сказать», «знать»]; к III спряжению — глаголы на *-mi* [*dūmi* (117) «я даю»]. Отдельная глава «De verbis substantivis» посвящена спряжению глаголов *būti* «быть», *tapti*, *stotis* «стать». После главы об образовании глаголов и главы о причастиях Клейн дает обзор неизменяемых частей речи: наречия, предлога, союза и междометия.

Раздел синтаксиса очень невелик по сравнению с этимологией — всего 30 страниц из 176 общего объема грамматики. Это объясняется тем, что Клейн, как он это сам указывает, стремился дать в этом разделе лишь те явления литовского синтаксиса, которые составляют его специфику по сравнению с латинским.

Д. Клейн опирается на один диалект, а именно западноукшайтский. Это вполне понятно, так как этот диалект преобладал в Восточной Пруссии и на нем уже был написан в XVI—XVII вв. ряд памятников литовской литературы (произведения Б. Вилентаса, И. Бреткунаса, И. Резы и др.). Кроме этого, и сам Клейн жил в районе распространения этого диалекта, будучи священником в Тильзите. Однако следует отметить, что Клейн часто приводит в своей грамматике параллельные формы из других диалектов, что вполне естественно, поскольку в то время еще не было единой литературной нормы. Так, в парадигмах встречается, наряду с формой сослагательного наклонения *wadinčia*, форма *wadinčiau* (93) «я назвал бы»; наряду с инфинитивом возвратного глагола *džiaugtis* — *džiaugties* (87) «радоваться», даются формы приставки *y* и *in-* [*inraŕau/uraŕau* (131) «вписываю»] и т. д.

По всей вероятности, Клейн брал примеры как из разговорной речи, так и из церковной письменности XVI—XVII вв. Параллельные диалектные формы (клайпедские, вильнюсские, каунаские, кедаййские и инстербургские), приведенные Клейном, свидетельствуют о том, что он опирался на устную речь, так как не все формы, которые мы находим в его грамматике, отражены в письменности того времени. С другой стороны, А. Бенценбергер и другие исследователи показали, что Клейн брал также примеры из сборника проповедей К. Шпривидаса «Punktay Sakimus» (I т.— 1629, II т.— 1644)⁴.

«Grammatica Litvanica» является важным источником при изучении истории литовского языка. В ней четко отражены черты фонетики и грамматического строя литовского языка XVII в., отличающиеся в ряде случаев от норм современного литовского языка. Представляет, например, интерес отражение в грамматике Д. Клейна древнего балтийского *ā*, перешедшего в литовском языке в *ō*. В катехизисе М. Мажвидаса, основывающемся на жемайтском диалекте, преобладает древнее *ā*. Согласно подсчету Х. Станга⁵, в катехизисе Мажвидаса на 25 случаев употребления *ō* в корне и в окончаниях приходится 610 форм с *ā*: *brālei* (8, 4); *māksta* (8, 6). Однако уже в более позднем произведении Мажвидаса «Paraphrasis permanitina poteras maldā» (1589) *ā* заменяется *ō*. В трудах Вилентаса и Бреткунаса (2-я половина XVI в.) древнее *ā* встречается изредка в безударных окончаниях и лишь в единичных случаях — в корне и в ударных окончаниях. В грамматике Д. Клейна преобладают формы с *ō* [*malone* (10, 15), *mokytas* (133), *moteriški* (146), *žinnoti* (3, 18)], а формы, сохраняющие *ā*, встречаются только в примерах, которые приведены для иллюстрации особенностей клайпедско-жемайтского диалекта: *panas* (3), *plawinti* (3), *žadis* (3, 18) и др. Таким образом, «Grammatica Litvanica» свидетельствует о том, что общебалтийское *ā* в XVIII в. в западноукшайтском диалекте уже перешло в *ō*, в то время как в клайпедско-жемайтском диалекте употреблялось общебалтийское *ā*.

В грамматике Д. Клейна приведены древние формы словоизменения, не свойственные современному литературному языку. Сюда относятся, например, полное окончание *-mūi* дательного падежа единственного числа мужского рода прилагательных, местоимений, причастий и числительных [*didžiamui* (34), *jamui* (80), *mielamui* (33) «большому», «ему», «дорогому»] и полное окончание *-mus* дательного падежа множественного числа всех имен [*daiktamus* (*praefatio*) *jiemus* (79), *kalbantiemus* (40), «вещам», «им», «говорящим»]. Д. Клейн приводит древние полные окончания этого падежа наряду с новыми краткими: дательный падеж единственного числа мужского рода *-am* [*didžiam* (34), *jam* (80), *mielam* (34)] и дательный падеж множественного числа *-ams*, *-iems* [*daiktams* (*praefatio*), *jiemams* (79), *kalbantiams* (40)]. Характерно то, что Клейн ставит в парадигмах краткие формы на первое место, а полные — на второе. Очевидно, уже в XVII в. более употребительными были краткие формы окончаний дательного падежа, в дальнейшем полностью вытеснившие в литературном языке и в диалектах окончания *-mūi*, *-mus*.

О широком распространении в XVII в. форм альятива и адессива с постпозицией *-pi*, альятива с постпозицией *-na* говорят приводимые Клейном формы — альятива:

⁴ См. A. Bezenberger, Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache, Göttingen, 1877, стр. 3.

⁵ Chr. S. Stang, Die Sprache des litauischen Katechismus von Mažvydas («Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo», II. Hist.-Filos. Klasse, 1929, №3), Oslo, 1929, стр. 48.

diewop (141) «к богу», *bažničiospi* (29) «к церкви»; адессива: *diewip, ponip* (141) «у бога», «у господ»; иллитява: *dangun* (135), *namūšna* (135) «в небо», «в дом» и др. Клейн рассматривает эти формы как наречия, а не как падежные формы, что, возможно, свидетельствует о том, что в XVII в. они уже не могли быть образованы от всех имен и подвергались адвербиализации. Ср. современные наречия: *vakarop, galop, velniop* «под вечер», «под конец», «к чёрту».

В разделе «О числительных» сообщается ряд сведений, по которым можно судить о развитии этой категории в литовском языке. Д. Клейн приводит древние формы порядковых числительных от одиннадцати до девятнадцати: *liekas* (74) «одиннадцатый», дословно: «лишний», *antras liekas* (74) «двенадцатый», дословно: «второй лишний» и т. д. В качестве параллельных форм он дает *liekas antras* (74) «двенадцатый», дословно: «лишний второй», *liekas trečias* (74) «тринадцатый», дословно: «лишний третий» и т. д. Свободный порядок следования прилагательного *liekas* «лишний» и собственно числительных *antras, trečias* «второй», «третий» говорит о том, что в литовском языке эти обозначения порядковых числительных являлись подусловными словосочетаниями. Однако наряду с ними уже зарождаются сложные слова *antraliekas* (74) «двенадцатый», *trečialiekas* (74) «тринадцатый» и т. д., которые тоже приведены в этом разделе.

В грамматике Клейна дается полная парадигма спряжения атематических глаголов и рассматриваются особенности ряда глаголов этого типа: *eimi* (117) «я иду», *miegmi* (120) «я сплю», *giemi* (120) «я пою» и др. Клейн указывает, что некоторые из этих глаголов имеют в настоящем времени наряду с формами на *-mi* тематические окончания, например: *sergmi/sergiu* (119) «стерегу», *saugmi/saugoju* (119) «охраняю». Замечания Клейна говорят о том, что уже в XVII в. тематические формы конкурировали с древними атематическими. Раздел об атематических глаголах в целом представляет особый интерес, поскольку эти глаголы подробно не рассматриваются ни в одной из грамматик XVIII в., а в современном литовском языке они уже исчезли за исключением некоторых реликтовых форм.

Приведенные Д. Клейном формы сослагательного наклонения с *-b-* [*žinotumbei, žinotumbiva, žinotumbime* (124) и др. «ты знал бы», «мы оба знали бы», «мы знали бы») сохраняются до настоящего времени только в наречии района Дукштас-Литкменай в измененном виде. Примеры этих форм в грамматике Клейна свидетельствуют о западноаукштайтской основе литовского литературного языка Восточной Пруссии в XVII в., так как в произведениях представителей других диалектов сослагательное наклонение с формантом *-b-* либо отсутствует, либо употребляется наряду с параллельными формами без *-b-*. Так, в «Postilla Catholica» М. Даукши (1599), основывающейся на среднеаукштайтском диалекте, эти формы не являются преобладающими, а в «Punktau Sakimi» К. Ширвидаса они отсутствуют.

Вопросам синтаксиса, как мы уже сказали выше, Клейн уделил меньше внимания. Однако и здесь мы находим интересный материал. Клейн указывает, например, что предлоги *iki* «до» и *po* «после», «по», «посд» управляют дательным падежом: *iki bei dienai* (168) «до этого дня», *po trim dienom* (169) «через три дня». В современном же литературном языке предлог *iki* требует родительного падежа, а предлог *po* управляет родительным, винительным и творительным падежами. Лишь в застывших оборотах встречается дательный падеж после этих предлогов, например: *po dešinei, po kairei* «направо», «налево».

Таким образом, уже беглый обзор древних форм, встречающихся в грамматике Клейна, показывает, что этот труд является необходимым источником для изучения литовского языка XVII в.

Во всех литовских грамматиках, изданных в Германии в XVIII в., — Хаака, Руига, Остермейера и Мильке⁶ повторяются основные положения Клейна. Написанный несколько раньше грамматикой Клейна, но изданный 20 лет спустя «Compendium Grammaticae Litvanicae» Сауна-Шульца имел значительно меньше влияния на складывавшуюся литовскую грамматическую традицию. Ни в одной из грамматик последующего периода не отражено, например, учение Сауна-Шульца о десяти падежах и одиннадцати склонениях литовского языка, в то время как схема пяти склонений и семи падежей Клейна воспроизводится полностью Хааком, Руигом и Мильке.

В грамматиках XVIII в. намечается ряд новшеств по сравнению с традицией Клейна: сдвигается учение об акцидциях имени и глагола, существительному не приписывается более категория лица, существительное и прилагательное рассматриваются в отдельных разделах и т. д. Сказывается влияние немецкой грамматики XVII-XVIII вв. Так, спряжение вспомогательного глагола *būti* «быть» дается перед таблицей основных

⁶ F. W. Haack, Anhang einer kurzgefaßten Litthauischen Grammatic (F. W. Haack, Vocabularium Litthvanico-Germanicum et Germanico-Litthvanicum, Halle, 1730); P. F. Ruhig, Anfangsgründe einer Litthauischen Grammatic, Königsberg, 1747; G. Ostermeyer, Neue Litthauische Grammatic, Königsberg, 1791; Ch. G. Mielcke, Anfangsgründe einer Litthauischen Sprachlehre, Königsberg, 1800.

спряжений⁷, в то время как Клейн его рассматривает после III спряжения. В XVIII в. уточняется понимание некоторых вопросов грамматического строя литовского языка. Руиг, например, устанавливает, что в отличие от имени существительного, имеющего только мужской и женский род, прилагательному литовского языка присущ также и средний род. Далее, Руиг вводит имперфект с суффиксом *-dav-*, обозначающий привычное действие, в парадигму спряжения [*budawau* (70), *laupsindawau* (81)], Клейн же рассматривает эту форму как вид глагольного словообразования. В грамматике Остермейера дается ряд новых ценных наблюдений над синтаксисом литовского языка, которыми впоследствии воспользовался А. Шлейхер⁸.

Однако основы грамматической системы, установленные Клейном, сохраняются полностью и в дальнейшем. Остается клейновская классификация склонений существительных и прилагательных, система падежей, спряжения глагола. «Grammatica Litvanica» оказала влияние непосредственно и через труды Руига, Остермейера и Мильке не только на грамматику, изданные в Восточной Пруссии, но и на грамматику, составленные в Литве. Так, сохранившаяся рукописная литовская грамматика из библиотеки Чарторийского в Кракове, фотокопия которой имеется в библиотеке Вильнюсского университета (С 100), является, как показали новейшие исследования, конспектом грамматики Д. Клейна, сделанным в конце XVII — начале XVIII в. В рукописной грамматике дается то же распределение материала по главам, как у Клейна, повторяются примеры Клейна, почти дословно совпадает текст⁹.

Следует отметить, что грамматика неизвестного автора «Universitas Linguarum Lituaniae» (Vilnae, 1737) создана независимо от грамматики Клейна. Автор дает самостоятельную классификацию спряжений глагола по основе настоящего времени (I спряжение — тип *kalbu*; II спряжение — *giriu*; III спряжение — *daliu medžioju*; IV спряжение — *keliauju*; V спряжение — *mokau*), иные, чем у Клейна, склонения существительных (I склонение у существительных на *-a*: *kalba*; II склонение — на *-as, -is -uo*: *ponas, ležuwis, akmuo*; III склонение — на *-e*: *bite*; IV склонение — на *-is*: *ausis*; V склонение — на *-us*: *kryžius*) и т. д. Грамматикой Руига пользовался К. Богуш — автор книги «О początkach narodu i języka litewskiego gosprawa» (Warszawa, 1808).

Некоторые положения Д. Клейна, прочно вошедшие в литовские грамматики в течение двух столетий, мы находим и в труде выдающегося литовского языковеда XIX в. Ф. Куршайтиса, который сохраняет, например, классификацию спряжений Клейна по суффиксу будущего и прошедшего времени глагола¹⁰. Эта классификация отражена и в современной литовской школьной грамматике, которая хотя и исходит в своем делении глаголов на спряжения из основы настоящего времени, все же рассматривает суффиксы будущего и прошедшего времени как дополнительные признаки отдельных спряжений¹¹.

Школьная грамматика сохраняет также те пять склонений существительных и их порядок следования, которые мы находим в грамматике Клейна, с одним лишь изменением, что имена существительные на *-ė*, объединенные Клейном с существительными на *-is* в III склонение, относятся современной грамматикой ко II склонению вместе с существительными на *-a*¹².

Таким образом, «Grammatica Litvanica» Д. Клейна, заложившая основы школьной грамматики литовского языка, не утратила своей актуальности до настоящего времени. «Grammatica Litvanica» не изучалась буржуазными языковедами. Литературы, посвященной труду Клейна, почти нет, имеется лишь ряд замечаний А. Беценбергера и некоторых других исследователей¹³. Сохранились лишь единичные экземпляры этого интереснейшего памятника литовской письменности XVII в.

Только в Советской Литве грамматике Клейна было уделено должное внимание. В связи с исполняющимся в 1953—1954 гг. трехсотлетием появления этого труда Институт литовского языка и литературы АН Литовской ССР готовит его переиздание, снабженное переводом и комментариями, что сделает его доступным широкому кругу советских языковедов.

Т. И. Бузене и И. И. Палионис

⁷ См. М. Н. Jellinek, указ. соч., стр. 297.

⁸ См. А. Schleicher, Litauische Grammatik (Handbuch der litauischen Sprache, I), Prag, 1856, стр. IX.

⁹ См. J. Palionis, Keletas naujų duomenų lietuvių kalbos gramatikų istorijai (Anoniminė rankraštinė «Grammatices Litvanicae») (печатается в Вильнюсе).

¹⁰ См. F. Kurschat, Grammatik der litauischen Sprache, Halle, 1876, стр. 272 и сл.

¹¹ J. Žiugžda, Lietuvių kalbos gramatika, dalis 1, 5-sis leidimas, Kaunas, 1951, стр. 119.

¹² Там же, стр. 41 и сл.

¹³ См., например, А. Bеценбергер, указ. соч.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

О лингвистическом высшем образовании и подготовке научных кадров по языкознанию	3
И. К. Белодед (Киев). Влияние воссоединения Украины с Россией на развитие украинского литературного языка	23
С. Б. Бернштейн (Москва). Основные задачи, методы и принципы «Сравнительной грамматики славянских языков»	49

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ю. С. Сорокин (Ленинград). К вопросу об основных понятиях стилистики	68
Ж. Д. Доскараев (Алма-Ата). Некоторые вопросы диалектологии и истории казахского языка	83

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Р. С. Газизов (Казань). Из практики работы над составлением русско-татарского словаря	93
З. Б. Мухаммедова (Ашхабад). Из наблюдений над составлением русско-туркменского словаря	97

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

А. А. Касаткин (Ленинград). О языке политической агитации. Дискуссия на страницах журнала «Ривізита» (Италия)	101

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Б. В. Горнунг (Москва). <i>Вл. Георгиев</i> . Проблемы минойского языка	107
Н. И. Фельдман (Москва). <i>А. В. Федоров</i> . Введение в теорию перевода	117
А. Ф. Ефремов (Саратов). <i>А. И. Ефимов</i> . Язык сатиры Салтыкова-Щедрина	128
К. В. Горшкова (Москва). <i>Chr. S. Stang</i> . La langue du livre «Учение и хитрость ратного строения пѣхотныхъ людей. 1647».	134
В. Л. Воронцова и А. И. Сумкина (Москва). О новых книгах по культуре речи	141

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Т. И. Бухенен и И. И. Палионис (Вильнюс). Первая печатная грамматика литовского языка (К трехсотлетию издания грамматики Д. Клейна)	147

Редколлегия:

С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев (отв. секретарь редакции),
Р. А. Будагов, В. В. Виноградов (главный редактор), А. И. Ефимов,
Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев (зам. главного редактора), В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова.

Адрес редакции: Москва, ул. Куйбышева, 8. Тел. Б 1-75-42.

Т-01785 Подписано к печати 12. III 1954 г.	Тираж 14.000 экз. Заказ 29	
Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Бум. л. 4 ³ / ₄	Печ. л. 13,02 Уч.-изд. 15,6

2-я тип. Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10.